

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2006

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2007

УДК 001
ББК 72г(2)
Т78

Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. — СПб.: Наука, 2007. — 147 с. — ISBN 978-5-02-025269-1

Редакторы-составители:

Ю. А. ПЕТРОСЯН, Э. А. ТРОПП, Е. А. ИВАНОВА

*Настоящее издание выполнено при финансовой поддержке
Научной программы СПбНЦ РАН 2006 года*

ISBN 978-5-02-025269-1

© Санкт-Петербургский научный центр
РАН, 2007
© Издательство «Наука», оформление, 2007

Научное издание

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2006

*Утверждено к печати
Санкт-Петербургским научным центром
Российской Академии наук*

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *О. М. Бобылева, Н. И. Журавлева и Л. Д. Колосова*
Компьютерная верстка *Н. М. Крыловой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Подписано к печати 17.12.07. Формат 70 × 100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.4.
Уч.-изд. л. 11.8. Тираж 300 экз. Тип. зак. № 635. С 213

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-025269-1

9 785020 252691

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ЧАСТЬ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

И. Ф. ПОПОВА

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В ФОНДАХ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ — ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

23 (11) ноября 1818 г. в Санкт-Петербурге был основан Азиатский музей (АМ), который прошел долгий путь реорганизаций, и в 2007 г. возродился под названием Институт восточных рукописей (ИВР) РАН. С момента создания основной целью АМ было хранение рукописей и книг на восточных языках.¹ Это соответствовало задачам гуманитарной науки того времени, ориентированной в первую очередь на изучение «древностей», памятников прошлого. Первые уставные документы Академии наук, начиная с 1724 г., признавали приумножение книжных фондов и коллекций натуральных, «куриозных» вещей важнейшим направлением ее деятельности.² В дальнейшем Академия уделяла большое внимание вопросам пополнения своих коллекций, а также их хранению, каталогизации, описанию и обслуживанию. Именно необходимость специализированной научной работы с коллекциями привела к созданию первых отраслевых учреждений — академических музеев: Азиатского, Ботанического, Зоологического, Египетского, Этнографического, созданных на основе отделов или кабинетов Кунсткамеры.

Каждое крупное поступление АМ напрямую влияло на развитие востоковедных дисциплин в нашей стране. Работа с собранием из 700 уникальных арабографических рукописей, приобретенных в 1819 и 1825 гг. (в два приема) от Жана-Батиста-Луи-Жака Руссо (1780—1831), французского консула в Алеппо и родственника великого философа, сразу же дала импульс развитию арабистики в Санкт-Петербурге и в России. Покупка АМ в 1836 и 1838 гг. коллекций П. Л. Шиллинга фон Канштадта (1786—1837) содействовала развитию китайоведения, монголоведения и буддологии. Собирательские усилия М. И. Броссе (1802—1880) в середине XIX в. привели к прорыву в области грузиноведения и арменистики, созданию самого сильного в мире кавказоведения и уникального армяно-грузинского фонда. Уже к середине XIX в. Азиатский музей стал единственным государственным центром хранения и изучения восточных рукописей, га-

¹ ПФА РАН, ф. 4, оп. 2 (1818), ед. хр. 52, л. 13.

² Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 36, 54.

рантировал их сохранность и пользование ими для научных и практических целей. Рукописи читали не только востоковеды Санкт-Петербурга, но по существующему в то время порядку их высылали для научной работы ученым во внутренние губернии России и даже за границу.

Правительство России и Академия наук рассматривали Азиатский музей как главный центр, в котором должны быть сосредоточены источники для изучения культуры и традиций Востока. Начиная с 1844 г. и вплоть до начала Первой мировой войны всем российским дипломатам на Востоке вменялось в обязанность разыскивать и покупать восточные рукописи и старую книгу для АМ. Большие коллекции пришли в АМ из Азиатского департамента МИД в 1864 г.

Важный этап пополнения рукописных фондов АМ во второй половине XIX—начале XX в. был связан с русскими экспедициями в Центральную Азию. Подлинное геополитическое значение этого региона Россия стала осознавать с момента присоединения к ней обширных пространств Сибири и Дальнего Востока. Однако серьезное всестороннее изучение внутренней Азии как важнейшей транзитной и контактной зоны началось в нашей стране в середине XIX в.

6 (18) августа 1845 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское географическое общество (РГО), «первой задачей» которого было заявлено собирание и распространение достоверных сведений о России, а «второй важной задачей должно было стать изучение зарубежных стран, в первую очередь сопредельных с Россией Турции, Персии, Китая и т. д.».³ В 1846 г. было создано Русское археологическое общество, состоявшее из трех отделов: 1) славяно-русской археологии; 2) классическо-византийской и западноевропейской; 3) восточной.

Широкая читающая публика в России в это время также испытывала огромный интерес к познанию неизведанных пространств Азии. Необходимость изучения и издания трудов по географии осознавалась очень многими людьми. В 1848 г. Академия наук поручает выдающемуся китаеведу Никите Яковлевичу Бичурину (о. Иакинфу, 1777—1853) написать труд по истории народов Средней Азии. В результате было создано фундаментальное сочинение в трех томах «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованное в 1851 г. Историко-географическая тематика занимала тогда многих исследователей, в университетах читались курсы по истории географических открытий, исторической топонимике. Большое внимание изучению исторической географии Китая и Центральной Азии уделял китаевед Василий Павлович Васильев (1818—1900), около четверти опубликованных работ которого составили труды по географии. Позже эту тему развил выдающийся индолог Иван Павлович Минаев (1840—1890), который создал труд по исторической географии стран, отделяющих Россию от Индии (Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 год). СПб., 1879), и перевел на русский язык «Книгу Марко Поло». И. П. Минаев первым указал на существование под современными мазарами Туркестана памятников иных религий и цивилизаций.

Во второй половине XIX в. на основе работ Н. Я. Бичурина, а также европейских ученых А. Гумбольдта, А. Ремюза и С. Жюльена были написаны

---

³ Цит. по: *Матвеева М. Ф.* Исследование Центральной Азии — одна из самых ярких страниц в истории Русского географического общества // Санкт-Петербург—Китай: Три века контактов. СПб., 2006. С. 128.

крупные обобщающие труды по истории, исторической географии и этнографии Центральной и Средней Азии. В 1869 и 1873 гг. как дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера был опубликован в двух выпусках исторический свод Василия Васильевича Григорьева (1818—1881) «Восточный или Китайский Туркестан»,⁴ в котором были учтены не только исследования европейских авторов, но и античные и арабо-персидские источники. Выдающийся вклад в изучение истории, географии, топонимики Туркестана внес Василий Владимирович Бартольд (1869—1930), чьи основанные на оригинальных (в первую очередь арабских, персидских и местных тюркских) источниках исследования дали мощный импульс изучению региона в целом.

Наряду с фундаментальным академическим изучением Центральной Азии в XIX в. развивается практическое — географическое и топографическое ее освоение. Центральная Азия представляла собой важнейший объект военно-политических интересов России. С середины XIX в. на обширных просторах Евразии разыгралось соперничество двух империй — Российской и Британской, которые стремились к установлению контроля над обширными рынками сбыта и источниками сырья. Помимо России и Великобритании в «Большой игре» участвовали Китай и Афганистан, чьи государственные границы в то время не были еще четко определены. Разделяя сферы влияния, державы решали на геополитическом уровне вопросы создания условных географических границ, зон или конкретных государств. Географическая составляющая играла в этом случае ведущую роль, поскольку было очевидно, что создаваемые границы должны были хорошо очерчиваться природными контурами.

В связи с этим с середины XIX в. правительство и Главный штаб России регулярно организуют экспедиции с разведывательной целью в Монголию, Китай, районы Среднего Востока. Эти экспедиции были не просто продолжением политики России в регионе, но и движущей силой этой политики. Ведя систематическую картографическую работу в регионе, Главный штаб Российской империи выполнял не только военные и разведывательные задачи, но и вменял в обязанность командированным лицам заносить на карты развалины древних храмов и крепостей. По инициативе начальника Главного штаба Николая Николаевича Обручева (1830—1904) был организован Военно-ученый комитет Главного штаба, который издавал «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». К началу Первой мировой войны вышли из печати 87 выпусков этого сборника.

Путешественники, участники экспедиций Николая Михайловича Пржевальского (1839—1888), Михаила Васильевича Певцова (1843—1902), Всеволода Ивановича Роборовского (1856—1910), начинают обращать внимание на изучение древностей, проводят археологические раскопки и приобретают у населения рукописи и предметы обихода. Великий путешественник Н. М. Пржевальский, совершивший в 1870—1880 гг. четыре экспедиции в Центральную Азию, в отчетах отмечал наличие археологических памятников. В последней книге содержится его научное завещание, где, в частности, указано на необхо-

---

⁴ *Ritter* [К]. Землеведение. Восточный или Китайский Туркестан / Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет, В. В. Григорьев. СПб., 1869. Вып. 1. СПб., 1873. Вып. 2.

димось специальных археологических изысканий в ряде местностей Восточного Туркестана (в особенности в Черчене), а также приведены археологические наблюдения.

В 1896 г. от учеников и последователей Н. М. Пржевальского, продолживших его дело, В. И. Роборовского и Петра Кузьмича Козлова (1863—1935) (экспедиция 1893—1895 гг.), в РГО, а затем в АМ поступают обрывки уйгурских рукописей из Восточного Туркестана. Эти находки были первыми экспедиционными поступлениями рукописей в АМ. Позже они были изданы Василием Васильевичем Радловым (1837—1918) и Сергеем Ефимовичем Маловым (1880—1957).

Большую роль в исследовании Азии сыграли российские дипломаты, которые активно собирали предметы искусства и рукописи, считая собирательство важнейшей своей задачей. В 1891 г. русский генеральный консул в Кашгаре Николай Федорович Петровский (1837—1908) прислал в Академию наук свои первые находки центральноазиатских материалов.⁵ Впоследствии Н. Ф. Петровский в течение десяти лет присылал в АМ приобретаемые им рукописи. Он целенаправленно занимался изучением древностей Восточного Туркестана, был в курсе результатов последних исследований по истории и географии региона, состоял в переписке со многими выдающимися учеными и путешественниками. В Кашгаре Н. Ф. Петровским была приобретена знаменитая «Дхармапада» («Основа учения»), написанная в форме стихов-афоризмов. Он проводил раскопки и впервые составил карту памятников домусульманской культуры Таримского бассейна (хранится в рукописном фонде ИВР). «Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского» (фрагменты «Лотосовой сутры» на санскрите), исследованная Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863—1934), положила начало центральноазиатскому фонду АМ (Serindica), который в настоящее время насчитывает около 5000 единиц хранения на уйгурском, тохарском, сакском, согдийском и других языках и является одним из наиболее крупных в мире. Его исследованием занимаются М. И. Воробьева-Десятовская, В. А. Лившиц, Л. Ю. Тугушева. Благодаря в первую очередь находкам дипломатов в Центральной Азии были открыты мертвые, забытые языки — хотано-сакский, тохарские А и Б.

Собирательская деятельность Н. Ф. Петровского в Синьцзяне осуществлялась в жестком соперничестве с англичанами, которые приобретали раритеты у тех же агентов, что и русские. При этом сами торговцы древностями часто использовали это соперничество с выгодой для себя. Н. Ф. Петровский одним из первых высказал опасение о возможностях подделок древних рукописей.⁶

Генеральное консульство России было учреждено в Кашгаре в 1882 г. в соответствии с Санкт-Петербургским договором (1881), заключенным между Россией и Китаем. Это знаменовало победу русских в «Большой игре», поскольку представителю Великобритании в Синьцзяне Джорджу Макартни пришлось ожидать получения официального статуса консула до 1909 г. Н. Ф. Петровский же получил право пользоваться эскортом и носить дипломатическую униформу. Он имел огромное влияние на местных китайских чиновников, и иностранцы, посещавшие регион с исследовательскими и прочими це-

⁵ Дмитриева Л. В. Древнеуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения АН СССР // Страны и народы Востока. М., 1969. Вып. 3. С. 223.

⁶ АВ (Архив востоковедов) ИВР РАН, ф. 43, оп. 2, ед. хр. 100, л. 4.

лями, его побаивались. Когда выдающийся путешественник Марк Аузел Стейн (1862—1943) впервые прибыл в Кашгар в 1900 г., он тщетно пытался добиться аудиенции у Н. Ф. Петровского, опасаясь, как бы тот не повлиял на китайских чиновников и не заставил их изменить маршрут его следования. Тем не менее Н. Ф. Петровский оказал реальную помощь и А. Стейну, и Отани Кодзуй, чьи маршруты из Синьцзяна пролегали через территории Западного Туркестана, входившего в состав Российской империи.⁷ За консультациями к Н. Ф. Петровскому обращался Н. М. Пржевальский перед началом последнего центральноазиатского путешествия 1888 г.⁸

В 1898 г. Восточно-Сибирским отделом РГО в Восточный Туркестан была направлена экспедиция под началом Дмитрия Александровича Клеменца (1848—1914), которая вызвала сенсацию в мировой науке. Об исследованиях Д. А. Клеменца в Идикут-Шари (Турфан) было доложено на XII Международном конгрессе востоковедов в Риме, после чего в регион устремились научные экспедиции — германские, французские, шведская.

С. Ф. Ольденбург в течение долгого времени не мог найти средства для собственной экспедиции в Восточный Туркестан. Отсутствие финансирования привело к тому, что инициатива русских ученых в археологическом освоении региона была упущена. В письме Н. Ф. Петровскому от 7 февраля 1903 г. С. Ф. Ольденбург с горечью написал: «Вот и для Штейна, и для Грюнведеля нашлись деньги, а для нас нет! Ну да может быть, Вы при Вашей энергии и знании края наверстаете потерянное для России».⁹ Созданный в 1903 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии сумел изыскать средства только на небольшую экспедицию в Кучу 1905—1907 гг. Михаила Михайловича Березовского (1848—1912). Перед отправкой экспедиции М. М. Березовского С. Ф. Ольденбург советовался с Н. Ф. Петровским по поводу ее маршрута.¹⁰

М. М. Березовский посетил Субаши, Долдур-Охур, Таджит, Кумтуру, Кучу, Кызыл, Кириш. Он снимал акварельные копии и кальки с росписей, сделал множество планов и фотографий, а также доставил в Россию большое количество рукописей. Всего им было найдено 1876 фрагментов на санскрите, тохарском Б, уйгурском, китайском и хотанско-сакском языках. М. М. Березовский очень тщательно сортировал рукописи по местам находок. Фрагменты, найденные в одном и том же месте, он помещал в отдельный конверт и надписывал его. По этим заметкам можно судить, что население в Куче было разноязыким. Большинство фрагментов — на тохарском языке Б, мертвом языке.

В это время русские дипломаты — Н. Н. Кротков, А. А. Дьяков, С. А. Колоколов — продолжают систематически присылать приобретенные ими рукописи в АМ. Николай Николаевич Кротков (1869—1919), преемник Н. Ф. Петровского на посту генерального консула в Кашгаре, собирал исторические, статистические и этнографические материалы об Илийском крае и народе *сибо*, занимался составлением словарей (русско-китайского, русско-маньчжурского, тунгусо-русского). Большое содействие он оказал Первой Русской

⁷ Там же, ед. хр. 101, 129.

⁸ Из переписки Н. Ф. Петровского с Н. М. Пржевальским / Подгот. А. А. Колесников // Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана. Бишкек, 2004. С. 27.

⁹ АВ ИВР РАН, ф. 43, оп. 2, ед. хр. 100, л. 4.

¹⁰ Там же, л. 7.

Туркестанской экспедиции С. Ф. Ольденбурга, проводившей исследования в Турфане в 1909—1910 гг. В письме от 29 октября 1909 г. С. Ф. Ольденбург писал Н. Н. Кроткову: «Хорошо понимаю, что постоянная внимательность и предупредительность китайских властей — результат Вашего внимания».¹¹ В 1918 г. Н. Н. Кротков занимался также описанием маньчжурских рукописей и книг АМ.¹²

Наряду с такими фигурами, как Н. Ф. Петровский и Н. Н. Кротков, среди наших дипломатов были люди, по-своему яркие и интересные, но совсем иного склада характера и масштаба деятельности. С. Ф. Ольденбург так написал Н. Н. Кроткову, отмечая большое значение его деятельности в Восточном Туркестане: «Ваше место здесь, а то нашими представителями будут Бобровниковы, Долбежевы, Кохановские, м[ожет] б[ыть], и прекрасные люди сами по себе, но не представители великой державы на Востоке».¹³ Справедливости ради следует отметить, что и Владимир Васильевич Долбежев, и Александр Иванович Кохановский внесли свой вклад в формирование рукописных фондов АМ.

Турфанская коллекция врача консульства в Урумчи Александра Ивановича Кохановского была получена АМ в 1907 г. Его поездка в Турфан стала по сути ссылкой, поскольку он своим неформальным и непринужденным поведением сумел вызвать раздражение не только местной общины купцов, российско-подданных мусульман, но и своих непосредственных коллег по консульству, которых крайне раздражала манера Кохановского вести себя и одеваться. Он носил яркие рубахи простого покроя, «с красными разводами и красными наплечниками», большие походные ярко-красные, желтые или голубые сапоги, шаровары голубого, желтого или белого цвета и являлся в таком виде в консульство.¹⁴ Очень любил на одну-две недели отлучаться на охоту. Кроме того, панибратски вел себя с младшими чинами и казаками конвоя: здоровался с ними за руку, приглашал на чай и требовал, чтобы они называли его не «ваше высочорodie», а по имени-отчеству.¹⁵

После того как отношения А. И. Кохановского с исполнявшим обязанности консула В. В. Долбежевым зашли в тупик, А. И. Кохановский был отправлен в Турфан для сбора предметов искусства и рукописей. В марте 1907 г. С. Ф. Ольденбург представил Историко-филологическому отделению РАН опись «предметов древности и отрывков рукописей», присланных А. И. Кохановским.¹⁶ 11 рукописных фрагментов на уйгурском языке из собрания А. И. Кохановского были исследованы С. Е. Маловым. Китайские же рукописи в трех надписанных конвертах ждали своего часа до начала 2000-х гг., когда они были отреставрированы и впервые заинвентаризованы.

В 1912 г. в Турфане А. А. Дьяковым была приобретена и передана в АМ уникальная рукопись на уйгурском языке «Хуастуаниф», покаянная молитва манихеев.

¹¹ Там же, ед. хр. 9, л. 2.

¹² Там же, ед. хр. 10.

¹³ Там же, ед. хр. 9, л. 4 об.

¹⁴ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи), ф. 143, оп. 491, ед. хр. 436, л. 61 об.

¹⁵ Там же, л. 57.

¹⁶ Извлечения из протоколов заседаний Академии. Историко-филологическое отделение // Изв. Академии наук. VI сер. 1907. Т. 1. № 6. С. 158.

Вторая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга 1914—1915 гг., работавшая в монастыре Тысячи будд около г. Дуньхуана (провинция Ганьсу, КНР), доставила в Россию часть знаменитой библиотеки из пещерного храма Могаоку. В древности и средние века Дуньхуан был важным торговым пунктом на Шелковом пути. В XI в. перед нашествием завоевателей-тангутов вход в хранилище рукописей буддийского храма был замурован. В 1900 г. смотритель пещер даоский монах Ван Юань-лу случайно, очищая стены от песка, обнаружил пустоту и вскрыл помещение, о котором 900 лет никто не вспоминал. Китайские власти не оценили значимости находки и приказали вновь замуровать библиотеку, однако большой интерес к ней проявили зарубежные исследователи, которые в это время находились со своими экспедициями в Китае. В 1907 г. Аурел Стейн вывез значительную часть рукописной коллекции в Великобританию, где она была помещена в Британский музей. В 1908 г. Поль Пеллио (1878—1945) другую часть библиотеки вывез во Францию, и она стала достоянием Национальной библиотеки Франции. В 1909 г. в Дуньхуане побывала японская экспедиция Отани Кодзуй. С. Ф. Ольденбург доставил в Петроград то, что добыл во время раскопок в пещерах, т. е. в основном фрагменты. Так волей судеб дуньхуанская библиотека оказалась разделенной на четыре крупных собрания, а также рассеянной по всему миру во множестве мелких коллекций.

Подлинным триумфом русской науки в исследовании Центральной Азии стала Монголо-Сычуаньская экспедиция П. К. Козлова, открывшего в 1907—1909 гг. в пустыне Гоби остатки мертвого тангутского города Хара-Хото. В ИВР РАН хранится более 8 тыс. тангутских рукописей — большая часть имеющихся во всем мире материалов на мертвом языке тангутов, создавших в X в. на территории нынешней Внутренней Монголии (Китай) государство Западное Ся, полностью уничтоженное в 1227 г. монгольскими завоевателями. Уникальное собрание рукописей и ксилографов было обнаружено в *субургане*, где находилось женское захоронение, сопровождавшееся большим количеством статуй буддийских святых, сидящих перед священными книгами. Там же оказалась замурована библиотека рукописей и ксилографов на тангутском, китайском и тибетском языках. Самый ранний ксилограф коллекции датирован 1084 г., рукопись словаря «Идеографическая смесь» — годами правления Цянь-дин (1223—1227), один из документов — 1226 г.¹⁷

Исследования русских ученых в Центральной Азии соответствовали общим тенденциям мирового востоковедения, главным объектом изучения которого на рубеже XIX—XX вв. был именно этот регион. Благодаря доставленным экспедициями материалам в России возникли уникальные направления науки — дуньхуановедение, тангутика, уйгуроведение, тюркская руническая эпиграфика, которые представлены в нашей стране только Санкт-Петербургской классической школой востоковедения.

В 1930 г. Азиатский музей был реорганизован в Институт востоковедения АН. Задачами вновь образованного учреждения стало прежде всего обоснование политики Советского Союза на Востоке, а также создание новых письменностей, составление иностранно-русских словарей на восточных языках

---

¹⁷ Кычанов Е. И. Собрание памятников восточной письменности в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 367—369.

и грамматик языков, в первую очередь советской Средней Азии. При этом работа с рукописными фондами АМ оставалась одной из приоритетных задач ленинградского востоковедения. В 1930-е гг. к каталогизации дуньхуанского фонда приступил К. К. Флуг (1893—1942). Начатая им работа была продолжена в 1950-х гг. группой под руководством Л. Н. Меньшикова (1926—2005). Пионером отечественной тангутики, которая также связана в России только с ИВР РАН, является Н. А. Невский (1892—1937), посмертно удостоенный в 1962 г. Ленинской премии за фундаментальный труд «Тангутская филология». С конца 1950-х гг. изучение тангутского фонда ЛОИВ АН—ИВР РАН продолжает Е. И. Кычанов.

Собранная усилиями не одного поколения ученых коллекция Азиатского музея—Института восточных рукописей РАН — уникальный феномен в отечественной культуре. В настоящее время это крупнейшая в России и одна из 2—3 наиболее значимых коллекций восточных рукописей в мире, сопоставимая с собраниями Британской библиотеки и Национальной библиотеки Франции. Коллекция содержит более 100 тыс. рукописей и старопечатных книг на 65 живых и мертвых восточных языках. Рукописное собрание ИВР РАН является важнейшей составляющей неповторимого культурного облика Санкт-Петербурга. На основе ее изучения сложился особый тип общей культуры, в котором многоязыкая и поликонфессиональная коллекция, доступная широкой читающей публике, содействует воспитанию и сохранению атмосферы этнической и религиозной терпимости. Со временем значение данной коллекции будет только возрастать.

II. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ

Изучение палеолита традиционно является одним из основных направлений деятельности ИИМК РАН. Мы опираемся при этом на богатые традиции петербургской школы исследователей древнейшего прошлого человечества. С начала XX в. протягивается непрерывная связь археологов нескольких поколений, среди которых можно назвать многих знаменитых ученых. Напомним, что оба крупнейших достижения отечественных археологов, вошедшие в золотой фонд мировой науки о древностях, а именно открытие феномена палеолитических жилищ и экспериментально-трасологический метод С. А. Семенова, связаны с нашим городом.

Формированию школы изучения палеолита в Петербурге мы всецело обязаны Ф. К. Волкову — выдающемуся антропологу, ученику и сотруднику Г. де Мортилье. После возвращения в Россию из эмиграции в 1906 г. он занимает пост в Русском музее, начинает преподавательскую деятельность в университете и позднее возглавляет Русское антропологическое общество.

Этим событиям предшествовала своеобразная «доистория» изучения палеолита в Петербурге. Еще в конце 70-х гг. XIX в. Академия наук направила И. С. Полякова в «антропологическую поездку», приведшую к открытию палеолита в Костенках.¹ В это же время студент-естественник Петербургского университета К. С. Мережковский провел в Крыму успешные разведки, в результате которых были обнаружены верхнепалеолитические и мустьерские комплексы в скальных убежищах.² В стенах Музея антропологии и этнографии (МАЭ) в начале XX в. над сибирскими коллекциями работал И. Т. Савенков.

Одной из первых систематических раскопочных кампаний по палеолиту в России стало изучение Мезинской стоянки. Ее исследование, проведенное в 1909—1916 гг. Ф. К. Волковым³ и его учениками, позволило открыть мир

---

¹ Поляков И. С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук : Приложение к 37 т. Записок Императорской АН. 1880. № 1.

² Мережковский К. С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Изв. Рус. геогр. об-ва. 1880. Т. 16. № 2. С. 106—146.

³ Волков Ф. К. Палеолит в Европейской России и стоянка в селе Мезине Черниговской губ. // Зап. Отд-ния русской и славянской археологии Рус. археол. об-ва. 1913. Т. 19. С. 299—306.

«южнорусского мадлена» со своеобразным искусством и орнаментикой. Однако основная заслуга Ф. К. Волкова — это не только и не столько собственные полевые исследования, но его преподавательская и научно-организационная деятельность. Под его руководством усваивали азы доисторической археологии П. П. Ефименко и Г. А. Бонч-Осмоловский. Статьи П. П. Ефименко (1913, 1915)⁴ были первыми в России профессиональными исследованиями по палеолиту в полном современном смысле этого слова. Отметим выдающуюся роль Ф. К. Волкова и П. П. Ефименко в формировании русской терминологии для описания и классификации изделий из камня.

Подобно другим национальным школам исследования палеолита, русская формируется под непосредственным воздействием французской доистории. Речь идет о палеоэтнологическом направлении, у истоков которого в России стоял Д. Н. Анучин. Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию, лингвистику и этнографию. При этом для Д. Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, приложением принципов естественной истории к изучению человека. Эту точку зрения разделяли как исследователи палеолита 80-х гг. XIX в. (И. С. Поляков, К. С. Мережковский), так и позднее Ф. К. Волков,⁵ который выступил против «археологов», стремившихся перевести изучение доисторических древностей в русло гуманитарного знания. Такая постановка вопроса противостояла основной линии официальной русской археологии того времени, ориентированной на изучение «национальных древностей». Недаром попытка обобщить сведения по палеолиту страны, предпринятая сотрудником Императорской Археологической комиссии,⁶ вызвала резко негативную реакцию среди учеников Ф. К. Волкова.

Если Ф. К. Волков до конца дней оставался последовательным представителем классического эволюционизма, то уже в ранних работах П. П. Ефименко⁷ намечается переход от линейного эволюционизма Мортилье к исследованию ареалов палеолитических культур, осознается своеобразие восточноевропейского палеолита.

Эти новаторские разработки находились в стадии формирования, и в обобщающих трудах дореволюционного периода материалы по палеолиту России были представлены в виде списков памятников, организованных по географическому принципу. Таким образом, несмотря на прогресс в деле аккумуляции фактических данных, русская археология той поры еще не вышла на уровень создания собственных схем периодизации палеолита.

При преобразовании после революции Императорской Археологической комиссии в Российскую (позднее — Государственную) Академию истории материальной культуры (ГАИМК) в ее составе был создан палеоэтнологический

---

⁴ *Ефименко П. П.* 1) Каменные орудия стоянки в с. Мезине Черниговской губ. // Ежегодник Рус. антропол. об-ва. 1913. Т. 4. С. 67—102; 2) Костенковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Рус. антропол. об-ва. 1915. Т. 5. С. 13—26.

⁵ *Волков Ф. К.* Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Рус. антропол. об-ва. 1915. Т. 5. С. 99—107.

⁶ *Спицын А. А.* Русский палеолит // Зап. Отд-ния русской и славянской археологии Рус. археол. об-ва. 1915. Т. 11. С. 133—172.

⁷ *Ефименко П. П.* Костенковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Рус. антропол. об-ва. 1915. Т. 5. С. 13—26.

разряд, объединивший ряд видных специалистов по доисторической археологии (С. Н. Замятнин, П. П. Ефименко, А. А. Миллер, С. А. Теплоухов).

Интересно, что в ГАИМК действовал Институт археологической технологии — одна из первых в мировой практике специализированных лабораторий по применению естественнонаучных методов. Что касается палеолитической тематики, то она сводилась к петрографическому анализу сырья каменных орудий и определению фаунистических остатков. Из числа частных методик естественнонаучного анализа палеолитических материалов заслуживает упоминания необычно раннее появление в России антракологии. С конца 20-х гг. А. Ф. Гаммерман⁸ определяла по методике, разработанной В. О. Клером, образцы древесного угля из палеолитических стоянок Крыма и Сибири.

В 20-е гг. разворачивается полевая деятельность, охватывая все новые территории, расширяются хронологические рамки российского палеолита. В это время обозначается интерес к исследованию ранее практически неизвестного среднего палеолита. П. П. Ефименко изучает мустьерское местонахождение Деркул на Северском Донце. В 1924—1926 гг. Г. А. Бонч-Осмоловский провел выдающиеся по своему значению раскопки мустьерского грота Киик-Коба в Крыму, открыв здесь остатки неандертальских погребений. Кроме того, он обследовал ряд других пещерных памятников — Сюрень I и II, Шайтан-Кобу, Кош-Кобу, Аджик-Кобу. На Кавказе с 1925 г. С. Н. Замятнин раскапывает Ильскую стоянку.⁹

Однако центром притяжения исследовательских сил продолжает оставаться верхний палеолит Русской равнины. 20-е гг. — время возобновления работ в Костенках, что было началом непрерывного исследования серии стоянок, имеющих ключевое значение для доистории Восточной Европы. Если предпринимавшиеся ранее поездки в Костенки носили характер кратковременных кампаний, то начиная с 20-х гг. формируется Костенковская экспедиция — старейшая в стране полевая лаборатория изучения древнекаменного века. Именно материалы Костенок послужили базой для формирования нескольких сменявших друг друга на протяжении десятилетий концепций развития палеолитической культуры.

Интерес к палеолиту Костенок подогревался обнаружением среди материалов из раскопок С. А. Круковского 1915 г. обломка мергелевой статуэтки — первым открытием мобильного искусства костенковской культуры. Нашедший в фондах Воронежского музея эту вещь С. Н. Замятнин предпринимает небольшие работы на Костенках I в 1922 г. Позднее к нему присоединяется П. П. Ефименко, и уже в 1923 г. раскопки в Костенках I доставили великолепный образец статуэтки. В последующие годы П. П. Ефименко и С. Н. Замятнин вели исследование Костенок I, II, III и IV.

Из числа других работ по палеолиту Русской равнины особое значение имели раскопки С. Н. Замятнина в Гагарино в 1927 и 1929 гг., позволившие впервые идентифицировать остатки углубленного палеолитического жилища.¹⁰

⁸ Гаммерман А. Ф. Результаты исследования четвертичной флоры по остаткам древесного угля // Тр. II Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы [АИЧПЕ]. Л.; М., 1934. Вып. 5. С. 60—74.

⁹ См.: Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Ильская мустьерская стоянка. СПб., 2005.

¹⁰ Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона) // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 118. С. 26—77; *Zamiatnine S.* La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chausseurs quaternaires // *Bul. de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle.* L., 1934. Fasc. 88.

Русская палеоэтнология этого времени наметила ряд принципиально новых моментов исследований, во многом опередив развитие мировой науки. К ним относится прежде всего совершенствование приемов полевых работ, нацеленных на реконструкцию облика древних поселений. Г. А. Бонч-Осмоловским была разработана оригинальная методика изучения пещерных комплексов, сочетающая анализ стратиграфического и планиграфического распределения остатков.¹¹ Этим же автором был проведен предвосхищающий современные археозоологические разработки опыт фиксации распределения нарезок на костях животных и реконструкция на этой основе характера разделки охотничьей добычи.¹² Всемирное признание получило открытие С. Н. Замятниным феномена палеолитических жилищ.¹³

В области изучения изделий из камня задолго до Ф. Борда Г. А. Бонч-Осмоловский предложил методику статистической обработки массового материала и одним из первых рассмотрел в комплексе технологию каменной индустрии.¹⁴

В сфере обобщения данных заслуживает внимания разработка периодизации палеолита Восточной Европы с привязкой к выделенным во Франции фазам развития.¹⁵ Примечательно, что П. П. Ефименко почти одновременно с Г. Чайлдом поставил вопрос о возможности выделения археологических культур в верхнем палеолите. Особо отметим труды Г. А. Бонч-Осмоловского, посвященные анализу взаимосвязи ранних этапов развития человека с изменениями природной среды.¹⁶

К сожалению, эти перспективные направления исследования оказались не реализованными в полной мере, а частью были отброшены в сторону последующим ходом развития науки в нашей стране.

С начала 30-х гг. советская археология вступает в принципиально новую фазу развития. Начиная с этого периода, большевики приступили к решительной «марксизации» науки. Этот единый для всего комплекса общественных наук процесс имел свою специфику в основном центре тогдашней археологии — ГАИМКе, связанную с деятельностью всемогущего руководителя учреждения — Н. Я. Марра и с его пресловутым «новым учением о языке». Начало 30-х гг. — время коренной ломки традиционной структуры археологии. Меняется все: работа научных центров, система преподавания, музейные экспозиции.

Волна репрессий 30-х гг. не обошла стороной и археологию палеолита. Происходит форменный разгром палеоэтнологических школ. На долгие годы прерывается исследовательская деятельность такого блестящего археолога, как Г. А. Бонч-Осмоловский. Он получил возможность вернуться в науку

¹¹ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Палеолит Крыма. Вып. 1: Грот Киик-Коба. М.; Л., 1940.

¹² *Бонч-Осмоловский Г. А.* О нарезках на палеолитических костях // Сообщ. ГАИМК. 1931. № 8. С. 25—27.

¹³ *Замятнин С. Н.* Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона) // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 118. С. 26—77.

¹⁴ *Бонч-Осмоловский Г. А.* 1) К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. 1928. № 2—4. С. 147—186; 2) Палеолит Крыма. Вып. 1: Грот Киик-Коба. М.; Л., 1940.

¹⁵ *Ефименко П. П.* Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. 1928. № 1. С. 45—59.

¹⁶ *Бонч-Осмоловский Г. А.* О комплексном изучении четвертичного периода // Сообщ. ГАИМК. 1932. № 3—4. С. 44—49.

в конце 30-х гг. и только в 1940 г. выпустил в свет первый том «Палеолита Крыма», подготовленный к печати в 1928 г.

В 1931 г. в рамках ГАИМК была создана Группа доклассового общества под руководством П. П. Ефименко — предшественник Сектора палеолита, окончательно получившего оформление в 1937 г. при преобразовании ГАИМК в Институт истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР. Помимо сотрудников ГАИМК—ИИМК над палеолитическими материалами в стенах Музея антропологии и этнографии (МАЭ) работали С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина.

В 30-е гг. костенковские стоянки по-прежнему находились в центре дискуссий. С 1931 г. П. П. Ефименко осуществляет новаторский проект раскопок на широкой площади сложного жилого комплекса Костенок I.¹⁷ Из других важных событий отметим вскрытие остатков землянки на Тельманской стоянке. Расширяется круг участников костенковской экспедиции; в работу вовлекаются ученики П. П. Ефименко: П. И. Борисковский раскапывает Боршево II, а А. Н. Рогачев — Костенки IV.¹⁸

На Украине П. И. Борисковский в 1937—1939 гг. провел в Пушкарях I блестящую полевую кампанию, открыв остатки длинного жилища. Работы по палеолиту Кавказа в 30-е гг. связаны с именем выдающегося археолога С. Н. Замятнина,¹⁹ обследовавшего ряд нижнепалеолитических местонахождений на черноморских террасах Абхазии. Он же изучил в 1936—1938 гг. мустьерские Ахштырскую и Навалишенскую пещеры и навес Мгвимеви в Грузии.

На территории азиатской части страны в 30-е гг., напротив, активность полевых работ несколько снижается. М. М. Герасимов продолжил с перерывами раскопки Мальты. А. П. Окладников неподалеку открыл «двойник» Мальты — стоянку Буреть, также доставившую следы искусственных конструкций и серию женских статуэток. Г. П. Сосновский ведет изучение палеолита Алтая.

Вторая половина 30-х гг. ознаменовалась первыми открытиями в Средней Азии, где А. П. Окладников в 1938—1939 гг. осуществил раскопки грота Тешик-Таш, обнаружив остатки неандертальца.²⁰

Деятельность археологов имела результатом многократное увеличение суммы сведений по палеолиту Северной Евразии. Если к началу 30-х гг. Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов насчитывали 90 пунктов с палеолитическими остатками для территории СССР,²¹ то в справочнике 1936 г. упомянуто 154 местонахождения,²² а уже к 1940 г. их число увеличивается до 252.²³

Важными рубежами в обобщении сведений по палеолиту в глобальном масштабе явились три издания монографии П. П. Ефименко, которая стала на-

¹⁷ Ефименко П. П. Костенки I. М.; Л., 1958.

¹⁸ Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР [МИА]. 1955. № 45.

¹⁹ Замятнин С. Н. 1) Палеолит Абхазии // Тр. Ин-та абхазской культуры. Сухуми, 1937. Вып. 10 (1); 2) Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.

²⁰ Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.

²¹ Bonch-Osmolovsky G., Gromov V. The Palaeolithic in the Union of Soviet Socialist Republics // Report of the XVI Session of the Intern. Geological Congress. Washington, 1936. Vol. 2. P. 1291—1324.

²² Березин Н. И. Справочник по палеолиту СССР. Л., 1936.

²³ Ефименко П. П., Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1941. № 2. С. 254—292.

стольной книгой для нескольких поколений русских археологов.²⁴ В 30-е гг. С. Н. Замятнин начал работу над своей версией «Палеолита мира», часть которой вышла в свет уже после войны.²⁵

Переломные события начала 30-х гг. сдвинули акценты в проблематике изучения древнекаменного века. На первый план вышли такие моменты, как реконструкция облика палеолитических жилищ и поселений. В данной области советские исследователи действительно опережали мировую науку того времени, хотя эти успехи имели обратную сторону. Чрезмерное увлечение единовременным вскрытием культурного слоя на широкой площади приводило к игнорированию микростратиграфии, а нацеленность ученых на выделение следов жилищ к тому, что в ряде случаев естественные структуры интерпретировались как остатки построек.

Была разработана оригинальная стадияльная версия развития палеолитической культуры, в которой особое значение придавалось исследованию проблемы культурных изменений у автохтонного населения под влиянием сдвигов в хозяйственной деятельности и социальной организации.²⁶ Стадиализм господствовал в отечественной археологии 30—50-х гг., когда на его основе были созданы периодизационные схемы расчленения палеолита Восточной Европы,²⁷ Кавказа²⁸ и Сибири.²⁹

Популярная в свое время оценка стадиализма как «социологического схематизма» выглядит сейчас несколько односторонней. Представление о внутренней структурированности развития палеолитической культуры, поиск причин культурных изменений в сфере социально-экономического развития кажутся вполне актуальными. Вместе с тем пренебрежение ролью природной среды заметно сужало круг объяснительных гипотез и отрицательно сказывалось на прогрессе междисциплинарных исследований.

Вторая половина 30-х гг. — время первых опытов С. А. Семенова по изучению функций каменных орудий. Нужно сказать, что интерес к функционально-технологической стороне индустрии в 30-е гг. прослеживался довольно отчетливо, хотя попытки подойти к палеолитическим материалам с такой точки зрения до С. А. Семенова сводились к набору догадок и спекулятивных гипотез. Работая с коллекциями из Костенок I, Тимоновки и Сакажиа, С. А. Семенов обратил внимание на следы (особенно на заполировку), остающиеся на поверхности кремневых изделий, и применил микроскопическое исследование, изучая их с помощью бинокулярной лупы.³⁰ Он же сделал первые

²⁴ *Ефименко П. П.* 1) Первобытное общество. Л., 1934; 2) Дородовое общество // Изв. ГАИМК. 1938. Вып. 79; 3) Первобытное общество. Киев, 1953.

²⁵ *Замятнин С. Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Тр. Ин-та этнографии АН СССР [ТИЭ]. 1951. Т. 16. С. 88—152.

²⁶ *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху // Изв. ГАИМК. 1931. Т. 11, вып. 3—4; *Борисковский П. И.* К вопросу о стадийности в развитии верхнего палеолита // Изв. ГАИМК. 1932. Т. 14. № 4.

²⁷ *Ефименко П. П.* Первобытное общество; *Борисковский П. И.* Палеолит Украины // МИА. 1953. № 40.

²⁸ *Замятнин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья // Сб. МАЭ. 1957. Т. 27. С. 432—499.

²⁹ *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки Северной Азии // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. Л.; М., 1934. Вып. 5. С. 246—292.

³⁰ *Семенов С. А.* Изучение следов работы на каменных орудиях // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры [КСИИМК]. 1940. № 4. С. 21—26.

микрофотографии рабочих краев орудий с применением магниевого напыления. Исследователь установил факт использования наконечников с боковой выемкой в качестве ножей для разрезания мяса, а также зафиксировал практику широчайшего употребления неретушированных отщепов в хозяйственных целях.

Еще один примечательный аспект советской археологии 30-х гг. — интерес к изучению палеолитического искусства в его социальном контексте, анализ роли женских статуэток в связи с представлениями об особой роли женщины в древних обществах.³¹

Послевоенные годы стали временем возобновления полевой и издательской деятельности. На протяжении 50-х гг. Сектор палеолита Ленинградского отделения ИИМК (с 1959 г. Институт носил название Ленинградского отделения Института археологии АН СССР — ЛОИА) возглавлял крупнейший исследователь древностей Сибири, подлинный классик отечественной археологии А. П. Окладников. С 1948 г. продолжились работы в Костенках, и здесь в 50-е гг. П. И. Борисовским были произведены широкомасштабные раскопки таких памятников, как Костенки II с остатками жилища из костей мамонта и погребения, и Костенки XIX.³² В плане споров о характере развития верхнепалеолитической культуры особое значение имели его исследования многослойной стоянки Костенки XVII. В то же время А. Н. Рогачев в серии глубоких шурфов и раскопов изучил целый пласт культурных комплексов, предшествовавших по времени основному объекту Костенок I, а именно нижние слои стоянок Костенки I, VIII, XII, XIV, XV и др.³³ Эти материалы позволили ему разработать схему культурно-стратиграфического деления палеолита Костенок. На некоторых из перечисленных памятников удалось изучить жилые конструкции, а Костенки XIV и XV доставили остатки палеолитических захоронений.

В конце 40-х гг. А. Н. Рогачев продолжил начатые М. В. Воеводским раскопки стоянки Авдеево на Сейме. В ходе работ здесь была вскрыта жилая площадка, аналогичная Костенкам I. Исследования по палеолиту охватили Поволжье, где С. Н. Замятнин раскапывает на широкой площади Сталинградскую мустьерскую стоянку. На юге Русской равнины разворачивается экспедиционная деятельность П. И. Борисовского. Интересные результаты принесли раскопки мощного скопления костей бизона и расположенной рядом жилой стоянки в Амвросиевке.³⁴ Е. А. Векилова изучает верхнепалеолитические комплексы в навесе Сюрень II в Крыму.

На Северном Кавказе исследование палеолитических местонахождений, в том числе достаточно ранних, вели С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина. На территории Южной Осетии В. П. Любиным в 1955 г. были открыты многослойные Кударские пещерные стоянки, доставившие выразительные стратифицированные ашельские комплексы и серию мустьерских слоев.³⁵

³¹ *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху.

³² *Борисовский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. 1963. № 121.

³³ *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 9—134; *Paléolithique et Néolithique de l'U.R.S.S.* Paris, 1956.

³⁴ *Борисовский П. И.* Палеолит Украины; *Boriskovskii P. I.* Le paléolithique de l'Ukraine. Paris, 1958.

³⁵ *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.

Особую известность в 50-е гг. получили открытия М. З. Паничкиной в Армении, в первую очередь сборы на холме Сатани-Дар, считавшемся в то время древнейшим пунктом палеолита на всей территории страны.³⁶

В Северной Азии активно изучал палеолит А. П. Окладников.³⁷ Маршруты его экспедиций пролегли в Приморье (Осиновка) и Забайкалье (Ошурково, Санный Мыс). В 1954 г. С. И. Руденко на Алтае открывает Усть-Канскую пещеру, позже признанную первым мустьерским памятником в Сибири. Сотрудники Братской экспедиции исследовали ряд верхнепалеолитических комплексов на Ангаре (Красный Яр I, Федяево, Шамотный Завод). Открытия С. С. Черникова и Э. Р. Рыгдылона в Восточном Казахстане расширили ареал распространения сибирского палеолита в юго-западном направлении.

Основные достижения в археологии палеолита Средней Азии, как и в Сибири, связаны с именем А. П. Окладникова, проводившего сборы на местонахождениях Туркмении и Таджикистана.³⁸

В 1955 г. на территории СССР была известна 831 палеолитическая стоянка.³⁹

Крупные обобщающие работы в 50-е гг. появлялись в виде соответствующих глав в распространенных тогда монументальных изданиях типа «Всемирная история»⁴⁰ и «История СССР».⁴¹ Краткий очерк, преимущественно посвященный нижнему палеолиту в связи с проблематикой происхождения человека, дан в учебном пособии П. И. Борисковского.⁴²

Во второй половине 50-х гг. в ходе ожесточенных споров стадиялизм постепенно уступает место концепции многообразия археологических культур в палеолите, выдвинутой А. Н. Рогачевым. Стоит отметить, что дискуссии между А. Н. Рогачевым и его оппонентами (П. П. Ефименко, П. И. Борисковским) разворачивались именно в стенах Сектора палеолита ИИМК, этой творческой лаборатории научной мысли.

60—70-е гг. — время расцвета Сектора палеолита ЛОИА (с 1986 г. — Отдел палеолита ИИМК), возглавлявшегося на протяжении более 15 лет П. И. Борисковским (после него этот пост занимали В. П. Любин, Н. Д. Праслов и В. И. Тимофеев). Сектор находился в центре неформального сотрудничества исследователей первобытности, он организовывал дискуссии по актуальным вопросам науки о древнем человеке. Археологи из разных городов стремились представить результаты своих работ на Секторе, принять активное участие в проводимых ЛОИА конференциях. Кроме того, чтение П. И. Борис-

³⁶ Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950.

³⁷ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; *Okladnikov A. P.* 1) Ancient population of Siberia and its cultures. Cambridge, 1959; 2) The Soviet Far East in antiquity. Toronto, 1965.

³⁸ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.

³⁹ Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1960. № 81; *Beregovaia N. N.* Palaeolithic sites in the USSR // Russian translation series of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. 1966. Vol. 3. N 1.

⁴⁰ Окладников А. П. 1) Глава I: Возникновение человеческого общества: Ранний древнекаменный век // Всемирная история. М., 1955. Т. 1. С. 17—49; 2) Глава II: Развитие первобытнообщинного строя: Поздний древнекаменный век // Там же. С. 50—88.

⁴¹ Ефименко П. П. Глава 1: Древнекаменный век (палеолит) // Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956. С. 15—46.

⁴² Борисковский П. И. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950.

ковским курса археологии палеолита в ЛГУ обеспечивало преемственность и во многом способствовало формированию исследовательского стиля.

Начиная с 60-х гг. постепенно образуется современная система региональных археологических центров; возникает закономерная реакция на сверхцентрализованный характер нашей археологии предшествовавших десятилетий. Немалую роль в этом процессе сыграл Ленинград. Напомним, что академик А. П. Окладников в 1961 г. покинул Ленинград и основал новосибирскую археологическую школу. Тем самым традиции петербургского палеолитоведения были успешно перенесены на сибирскую почву. Ряд исследователей, оставивших заметный след в изучении палеолита различных регионов бывшего СССР, являлись выпускниками Ленинградского университета, сотрудниками или аспирантами ЛГУ и ЛОИА. Среди них назовем имена Х. А. Амирханова, В. Я. Сергина (Москва), В. В. Попова (Воронеж), П. Ю. Павлова (Сыктывкар), Л. В. Кузнецовой (Самара), Н. Гиджрати (Владикавказ), В. Е. Ларичева, Р. С. Васильевского, М. В. Шунькова, С. В. Маркина, П. В. Волкова (Новосибирск), А. В. Генералова (Иркутск), Н. Н. Дикова (Магадан), О. В. Кузнецова (Чита), А. М. Кузнецова, Н. А. Кононенко (Владивосток), И. В. Сапожникова, Г. В. Сапожниковой (Одесса), И. А. Борзняка, С. И. Коваленко (Кишинев), Х. А. Алпысбаева (Алма-Ата) и др.

Сектор объединял археологов, занимавшихся палеолитом различных регионов СССР. Что касается Восточной Европы, то речь должна идти прежде всего о деятельности костенковской экспедиции. В 60-е гг. основные усилия концентрировались на раскопках и музеефикации жилища из костей мамонта на Костенках XI. Небольшие по объему работы велись на Костенках VIII, XII, XVII, XXI. С 1971 г. была начата кампания по сплошному вскрытию второго жилого комплекса Костенок I, что в принципе могло бы способствовать решению вопросов реконструкции этих наиболее сложных из числа встреченных в палеолите структур обитания. Одновременно шло изучение глубоких разрезов стоянок Костенки XII, XIV, XVII и др.⁴³ Институт антропологии МГУ совместно с ЛОИА (М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев) длительное время исследовал второй комплекс стоянки Авдеево.

Из числа других работ по древнему каменному веку Центральной России отметим завершение Л. М. Тарасовым раскопок в Гагарино,⁴⁴ исследование этим же автором ряда мустьерских и позднепалеолитических памятников в бассейне средней Десны. Развернулась кампания по изучению серии жилищ из костей мамонта в Юдинове.⁴⁵

Работы сотрудников ЛОИА—ИИМК охватили юг России, где Н. Д. Праслов активно занимался изучением местонахождений Нижнего Дона и Приазовья.⁴⁶

⁴³ Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879—1979. Л., 1982.

⁴⁴ Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.

⁴⁵ Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1995. Вып. 1; Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 2; Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 3.

⁴⁶ Праслов Н. Д. Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона // МИА. 1968. № 157; Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья // Свод археологических источников [САИ]. 1964. Вып. А1—5; Праслов Н. Д., Щелинский В. Е. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб., 1996.

На юго-западе Восточной Европы, в бассейне Днестра, Н. К. Анисюткин в содружестве с молдавскими коллегами⁴⁷ открыл и обследовал большое число ашельских и мустьерских памятников, а Г. В. Григорьева занималась поздним палеолитом.⁴⁸ Помимо этого, петербургские исследователи активно участвовали в обработке материалов по древнекаменному веку Северо-Западного Причерноморья.⁴⁹

На Северном Кавказе Н. Д. Праслов возобновил работы на Ильской стоянке, а В. Е. Щелинский обнаружил рядом новое многослойное палеолитическое поселение (Ильская II). Пещерные памятники Северо-Западного Кавказа в течение длительного времени изучались В. П. Любиным; особенно важную роль сыграли раскопки многослойных мустьерских и верхнепалеолитических комплексов в Борисовском ущелье.⁵⁰ Что касается Причерноморья, то в 60-е гг. нижний палеолит здесь исследовался И. И. Коробковым, а Е. А. Векилова провела раскопки Ахштырской пещеры. Позднее работы в пещерах Сочинского Причерноморья были продолжены Д. А. Чистяковым.⁵¹ Верхнепалеолитические пункты обследовались В. Е. Щелинским. В Закавказье на территории Южной Осетии пещеры Кударо в течение нескольких десятилетий были основным местом полевых работ В. П. Любина.⁵²

В меньшей степени был затронут палеолит Урала, где можно отметить деятельность В. Е. Щелинского,⁵³ продолжившего исследования О. Н. Бадера в Каповой пещере. Что касается Средней Азии, то здесь В. П. Любин и его ученики открыли большое число подъемных местонахождений в различных уголках Туркмении.⁵⁴ Н. К. Анисюткин вместе с узбекскими коллегами вел раскопки на Кульбулаке.⁵⁵

⁴⁷ *Кетрару Н. А., Анисюткин Н. К.* Мерсына: Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев, 1967; Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М., 1981; *Анисюткин Н. К., Борзьяк И. А., Кетрару Н. А.* Первобытный человек в гротах Тринка I—III. Кишинев, 1986; *Анисюткин Н. К.* 1) Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб., 2001; 2) Палеолитическая стоянка Стинка I и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. СПб., 2005.

⁴⁸ *Борзьяк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев, 1981.

⁴⁹ *Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н.* Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев, 1989; *Сапожников И. В., Коробкова Г. Ф., Сапожникова Г. В.* Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса; СПб., 1995.

⁵⁰ *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977; Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994; *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губсского ущелья (Северный Кавказ). СПб., 1999.

⁵¹ *Чистяков Д. А.* Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб., 1996.

⁵² *Любин В. П.* 1) Мустьерские культуры Кавказа; 2) Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998; Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980; *Любин В. П., Беляева Е. В.* Стоянка *Homo erectus* на Центральном Кавказе (пещера Кударо 1). СПб., 2004; *Любин В. П., Беляева Е. В.* Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006; *Liubin V. P.* L'Acheuléen du Caucase // *Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège [ERAUL]*. 2002. N 93.

⁵³ *Щелинский В. Е.* Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа, 1996; *Ščelinsky V. E., Širokov V. V.* Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka // *Die Altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im Südlichen Ural*. Thorbecke, 1999.

⁵⁴ *Вишняцкий Л. Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996.

⁵⁵ *Анисюткин Н. К., Исламов У. И., Крахмаль К. А. и др.* Новые исследования палеолита в Ахангароне. СПб., 1995.

В Сибири интересы петербургских археологов традиционно были сосредоточены в бассейне Енисея, где последовательно осуществлялся ряд крупномасштабных археологических кампаний, связанных со строительством каскада ГЭС, — вначале Красноярской, позже Саяно-Шушенской и Майнской.⁵⁶ В результате многолетних раскопок З. А. Абрамовой на Среднем Енисее была изучена на широкой площади серия позднепалеолитических стоянок, материалы которых нашли отражение в двухтомном труде.⁵⁷ Впоследствии ею был раскопан грот Двуглазка с мустьерскими остатками. Эти работы были продолжены Н. Ф. Лисицыным,⁵⁸ открывшим стоянки в покровных отложениях высоких террас Енисея, размываемых водохранилищем Красноярской ГЭС. На Верхнем Енисее С. Н. Астахов обследовал многочисленные местонахождения (включая ашельские и мустьерские) в Туве, а также раскопал несколько верхнепалеолитических поселений в горах Западного Саяна.⁵⁹ Позже к исследованиям в последнем районе подключился и я, сосредоточившись на раскопках группы многослойных памятников близ Майны, которые среди прочего доставили уникальный образец палеолитической глиняной статуэтки.⁶⁰ Важным дополнением к новым данным стало введение в научный оборот рассеянных по хранилищам материалов знаменитых стоянок Афонтовой Горы.⁶¹

В итоге этой деятельности информационный фонд по палеолиту Северной Евразии многократно возрос. По далеко не полной сводке Н. А. Береговой к 1970 г. на всей территории бывшего Советского Союза было известно более 1500 стоянок.⁶² Сейчас трудно назвать точную цифру, тем более что со смертью Н. А. Береговой работа по регистрации пунктов находок прервалась. Однако, судя по материалам региональных сводок, речь должна идти о нескольких тысячах местонахождений.

Вместе с тем сложившаяся в советское время система постоянного ежегодного финансирования раскопочных работ при крайне ограниченной возможности публикаций приводила к накоплению материала, не вводимого в научный оборот, и не способствовала развитию новых направлений исследовательского поиска, особенно на междисциплинарной основе.

Сектор уделял большое внимание вопросам совершенствования методики полевого исследования палеолитических памятников различных типов.⁶³ Далеко вперед продвинулось изучение геологии и палеогеографии палеолита.⁶⁴

⁵⁶ Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А. и др. Палеолит Енисея. Л., 1991.

⁵⁷ Абрамова З. А. 1) Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979; 2) Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.

⁵⁸ Лисицын Н. Ф. 1) Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. СПб., 1997; 2) Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000; Лисицын Н. Ф., Худяков Ю. С. Дюнные стоянки Хакасии. СПб., 1997.

⁵⁹ Астахов С. Н. Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.

⁶⁰ Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб., 1996.

⁶¹ Астахов С. Н. Палеолит Енисея: Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб., 1999.

⁶² Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР (1958—1970). Л., 1984.

⁶³ Коробков И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // МИА. 1971. № 173. С. 61—99; Полевая археология древнекаменного века // КСИА. 1990. № 202.

⁶⁴ Долуханов П. М. География каменного века. М., 1979.

В области анализа каменных индустрий основным событием 60-х гг. стало освоение бордовской статистической типологии.⁶⁵ Много споров велось вокруг определения понятия «леваллуа» и значения данной техники в плане развития обработки камня в палеолите. Особое внимание в тот период уделялось поиску оптимальных таксономических схем классификации индустрий, попыткам усовершенствования типологического метода.⁶⁶

60—80-е гг. — время почти полного господства локально-культурной версии развития палеолитической культуры, страстно пропагандируемой А. Н. Рогачевым и его учениками.⁶⁷ За это время десятки локальных культур были выделены вначале для верхнего палеолита Восточной Европы, а затем и Сибири. Позднее сходные явления были выявлены в среднем и даже нижнем палеолите. В области интерпретации выделяемых культурных явлений доминировала этническая версия археологической культуры, хотя были попытки соотнести культуры с другими понятиями (хозяйственно-культурный тип, историко-этнографическая область и др.).

Может быть, самой парадоксальной чертой нашей археологии является то, что при вынужденной территориальной ограниченности полевых исследований, в ней никогда не угасал интерес к палеолитической культуре различных уголков мира. В 60-е гг. небольшие работы во Вьетнаме были проведены П. И. Борисковским;⁶⁸ позже исследования здесь продолжили Н. К. Анисюткин и А. Е. Матюхин. П. И. Борисковский⁶⁹ обобщил сведения по палеолиту зарубежной Азии. По его инициативе было начато осуществление уникального проекта — многотомного издания «Палеолит мира». Всего вышло в свет четыре тома, посвященные материалам Африки и большей части Азиатской территории.⁷⁰

70—90-е гг. были ознаменованы рядом крупных международных научных форумов. С большим успехом прошли в 1978, 1981 и 1988 гг. советско-французские, в 1989 и 1991 гг. — советско-американские полевые семинары с посещением памятников и обсуждением проблем развития палеолитической культуры в Восточной Европе по сравнению с западом континента и Новым Светом.⁷¹ Сотрудниками Сектора были изданы итоговые труды, из которых

⁶⁵ Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. 1965. № 131. С. 7—75.

⁶⁶ Аникович М. В. Сопоставление по вопросам классификации и номенклатуры зубчатых орудий нижнего палеолита // Сов. археология [СА]. 1978. № 3. С. 303—307; Синицын А. А. Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита // СА. 1978. № 3. С. 307—313.

⁶⁷ Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. М.; Л., 1968.

⁶⁸ Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л., 1966.

⁶⁹ Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.

⁷⁰ Палеолит мира : Возникновение человеческого общества : Палеолит Африки. Л., 1977; Палеолит мира : Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978; Палеолит мира : Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989; Палеолит мира: Палеолит Центральной и Восточной Азии. СПб., 1994.

⁷¹ Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М., 1978; Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М., 1981; Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л., 1989; Закономерности в развитии палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., 1988; From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian adaptations. New York; London, 1993.

стоит отметить сборник «Каменный век на территории СССР»⁷² и том «Палеолит СССР»⁷³ из фундаментальной серии «Археология СССР».

Разработанный С. А. Семеновым трасологический метод получил в 60-е гг. признание у нас в стране и за рубежом.⁷⁴ Трасологическая лаборатория приобрела самостоятельный статус в ЛОИА, и к делу подключились ученики С. А. Семенова, в первую очередь Г. Ф. Коробкова. Были созданы широкие очерки историко-культурного плана, посвященные различным сторонам технического прогресса в эпоху первобытности.⁷⁵ В дальнейшем эта область исследования претерпела диверсификацию, дав начало ряду новых направлений. К ним относятся помимо собственно трасологии, совершенствование методов которой позволило охватить ранее недоступные нижнепалеолитические материалы, морфолого-технологическое исследование нижнепалеолитических изделий (галечные орудия, бифасы), дополненное экспериментальным моделированием, опытное изучение формообразования позднепалеолитических орудий для обработки дерева и рога.⁷⁶

З. А. Абрамовой проделан титанический труд по сведению воедино данных по памятникам палеолитического творчества, найденных на территории СССР и зарубежной Европы.⁷⁷ Эти работы получили международное признание.⁷⁸ Других исследователей привлекала проблема генезиса изобразительной деятельности.⁷⁹

Ныне Отдел палеолита ИИМК продолжает полевое исследование памятников древнекаменного века, но уже в заметно меньших объемах и преимущественно на Русской равнине и Кавказе.

После вынужденного перерыва в работе Костенковской экспедиции А. А. Сеницын и М. В. Аникович возобновили изыскания, ориентированные на получение новых данных по древнейшим комплексам Костенок XII и XIV, а Н. Ф. Лисицын исследует многослойную стоянку Боршево V. Продолжаются многолетние исследования таких важных верхнепалеолитических поселений Русской равнины, как Авдеево и Юдиново, в последнем случае совместно с МАЭ.⁸⁰

⁷² Каменный век на территории СССР // МИА. 1970. № 166.

⁷³ Палеолит СССР // Археология СССР. М., 1984.

⁷⁴ Семенов С. А. Первобытная техника // МИА. 1957. № 54; *Semenov S. A. Prehistoric technology. London, 1964; The roots of use-wear analysis: selected papers of S. A. Semenov // Memorie del Museo Civico di Storia Naturale di Verona. Sezione scienze dell'uomo. 2005. N 7.*

⁷⁵ Семенов С. А. 1) Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.

⁷⁶ Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.

⁷⁷ Абрамова З. А. 1) Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. 1962. Вып. А4—3; 2) Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966; 3) Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб., 2005.

⁷⁸ Абрамова З. А. 1) Palaeolithic art in the USSR // *Arctic Anthropology*. 1967. Vol. 4. N 1; *L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. Grenoble, 1995.*

⁷⁹ Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985; Филиппов А. К. 1) Происхождение изобразительного искусства. СПб., 1997; 2) Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004; Первобытное искусство: (Проблема происхождения). Кемерово, 1998; Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.

⁸⁰ Григорьева Г. В. 1) Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб., 1995; 2) Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг. СПб., 1997.

А. К. Очередным возобновлено изучение нижнепалеолитического местонахождения Хотылево на Десне. Интересные результаты получены в последние годы при раскопках памятников финального палеолита на Верхней Волге.⁸¹ А. Е. Матюхин раскапывает группу разновременных мастерских близ Калитвенки и стоянок в Бирючьей Балке в Ростовской области. Отметим исследование П. Е. Нехорошевым многослойного памятника Шлях в Волгоградской области.⁸²

С. А. Кулаковым продолжено изучение пещерных комплексов Сочинского Причерноморья, а В. Е. Щелинский приступил к раскопкам нижнепалеолитического местонахождения Богатыри (совместно с Г. Бозински и С. А. Кулаковым). А. К. Очередной с соавторами ввел в научный оборот материалы по палеолиту Абхазии.⁸³ В. П. Любин и Е. В. Беляева начали ряд долговременных проектов полевых работ на территории Северного Кавказа, Абхазии и Армении.

В Сибири П. Е. Нехорошев ведет спасательные раскопки палеолитических стоянок в Красноярском крае. Подлинной сенсацией мирового масштаба стало неожиданное открытие В. В. Питулько древнего палеолита в Заполярье, в нижнем течении р. Яны (Якутия). Это открытие, несомненно, приведет к смене наших представлений о первоначальном расселении и адаптациях древнего человека в высоких широтах.

В полевые работы все активнее вовлекаются зарубежные археологи, изыскания на Яне, в Костенках и на Кавказе ведутся в рамках международных проектов. В свою очередь отечественные исследователи стали принимать участие в изучении палеолита за пределами страны. В. П. Любин организовал первую российскую экспедицию в Африку, в Кот д'Ивуар,⁸⁴ а Г. П. Григорьев работал в Эфиопии. С. Н. Астаховым обобщены сведения по древнейшим памятникам Японских островов,⁸⁵ а мной — по Северной Америке.⁸⁶

Кроме Отдела палеолита в ИИМК РАН функционирует Экспериментально-трасологическая лаборатория, возглавляемая ныне В. Е. Щелинским, сотрудники которой наряду с собственно экспериментальными, технологическими и трасологическими штудиями ведут активные полевые работы, которые трудно отделить от экспедиционной деятельности членов Отдела палеолита, о чем говорилось выше. Начат выпуск серии методических руководств по изучению функций древнейших орудий.⁸⁷ О ведущей роли лаборатории в мире говорят успешно проведенные в 2000 г. Первые Семеновские чтения, собравшие практически всех специалистов по трасологии. В 2005 г. при активном участии сотрудников Отдела палеолита и лаборатории в Вероне (Италия) состоялся

⁸¹ Синуцына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996; Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В. и др. Поздний палеолит Северной Евразии: Палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.

⁸² Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

⁸³ Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа — памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005.

⁸⁴ Любин В. П., Гэдэ Ф. И. Палеолит Республики Кот д'Ивуар. СПб., 2000.

⁸⁵ Астахов С. Н. Древний палеолит Японии. СПб., 1999.

⁸⁶ Васильев С. А. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб., 2004.

⁸⁷ Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1996. Ч. 1.

Международный конгресс по экспериментально-трассологическим исследованиям, посвященный памяти С. А. Семенова.

Вне ИИМК РАН в Санкт-Петербурге отдельные исследователи палеолита работают в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, в Музее истории религий, Отделе археологии МАЭ им. Петра Великого, на кафедре археологии СПбГУ. Университетская экспедиция ведет раскопки Пушкинских карьеров.⁸⁸

Учеными Института накоплен огромный объем коллекций, лишь в малой степени введенный в научный оборот. Такие опорные памятники, как Авдеево, многослойное поселение Бирюса на Енисее, Ильская стоянка, богатейшая серия Яштухских местонахождений на Кавказе и другие известны лишь по неполным публикациям. Правда, в последние годы наряду с регулярной активной издательской деятельностью по древнекаменному веку Кавказа начали появляться сборники, посвященные костенковским материалам.⁸⁹

Совместно с новосибирскими коллегами удалось издать первый современный учебник по археологии палеолита.⁹⁰ Сотрудниками Отдела и радиоуглеродной лаборатории ИИМК создана база данных по датировкам палеолита Восточной Европы и Сибири.⁹¹

В последнее десятилетие группа исследователей увлеченно занялась технологическим анализом каменных индустрий в плане реконструкции способов обработки камня на основании изучения морфологии ядрищ и сколов в сочетании с экспериментом. Упор при этом делается на выявление приемов расщепления и построение моделей технологии.⁹² Появляются попытки уловить связь облика артефактов с характером и способами доставки сырья.⁹³

Общие вопросы неравномерности развития культуры в палеолите стали темой исследования Л. Б. Вишняцкого, сформулировавшего оригинальную концепцию «забегания вперед» в развитии палеолитических индустрий. Подобным термином он обозначил случаи неожиданного возникновения элементов, значительно превосходящих дальнейший ход прогресса культуры.⁹⁴

Несмотря на указанные новые моменты, наше палеолитоведение в целом продолжает оставаться на позициях традиционной культурно-исторической археологии, причем в ее «дробительном» варианте, нацеленном на выделение

⁸⁸ *Беляева В. И.* Палеолитическая стоянка Пушкинских карьеров I. СПб., 2002.

⁸⁹ Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002; Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий. СПб., 2004; Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: Хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005; Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб., 2006.

⁹⁰ *Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.* Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск, 1994.

⁹¹ Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. СПб., 1997.

⁹² *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997; *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

⁹³ *Беляева В. И.* Каменный инвентарь, традиции и среда эпохи верхнего палеолита // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб., 1994. С. 38—48.

⁹⁴ *Вишняцкий Л. Б.* 1) Введение в преисторию. Кишинев, 2002; 2) Человек в лабиринте эволюции. М., 2003; 3) История одной случайности, или Происхождение человека. Фрязино, 2005.

в первую очередь локальных вариаций культуры. По-прежнему большинство исследователей трактуют комплексы каменного инвентаря как статичные хранилища культурной информации, влияние же на их состав технологических процессов, характера сырья, функциональных особенностей памятников и т. д. неизменно преуменьшается или игнорируется. Тот «типологический формализм», который Г. П. Григорьев рассматривает как одну из основных особенностей петербургской школы изучения палеолита,⁹⁵ давно стал тормозом на пути внедрения иного, динамического подхода к изучению нашего основного источника — каменных орудий.

В целом невозможность адекватного описания вариабельности культуры с помощью базового понятия локальной культуры и его производных, как и упрощенность представления о палеолите как сумме разграниченных в пространстве—времени культурных общностей вырисовывается сейчас все более отчетливо. Можно констатировать, что в современной археологии локально-культурные схемы сдают позиции, вытесняясь более сложным пониманием многофакторного характера вариации наборов каменного инвентаря. Идет постепенный отказ от использования понятия «археологическая культура» применительно к нижнему и среднему палеолиту. Да и при анализе верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы все большее число исследователей предпочитают пользоваться принятыми в европейской археологии терминами широкого культурно-хронологического плана (ориньяк, граветт, мадлен и др.) и их производными.

В области полевой археологии восприятие новейших приемов сдерживается экономическими факторами, препятствующими внедрению в практику работ технических средств (компьютеры, лазерные теодолиты, ГИС-технологии и т. д.). В итоге наблюдается растущий с каждым годом разрыв в уровне методики исследования между отечественными и зарубежными археологами, частично компенсируемый при помощи организации совместных экспедиций.

Новые направления научного поиска с большим трудом пробивают себе дорогу, что связано как с последствиями долговременной изоляции отечественной науки, так и с огромными еще возможностями «экстенсивного» развития, изучения новых эпох и территорий, подменяющего более глубокий анализ уже полученных материалов. Тормозит дело и давняя нерасположенность нашей археологии к экологическому подходу, подкрепляемая официальным гуманитарным статусом дисциплины как составной части истории.

Так, очень слабо развита геоархеология — вопросы тафономии, изучения процессов формирования и разрушения культуросодержащих отложений, палеоэкологический анализ расположения памятников на местности в синхронном и диахронном аспектах. Совершенно недостаточное внимание уделяется такому приоритетному для нашей науки направлению, как изучение палеолитических жилищ и поселений. Из поля зрения Отдела почти выпали вопросы планиграфического анализа распределения находок, функциональной интерпретации участков стоянок. Крайне малочисленны работы по археозоологии, включающие изучение костных остатков в плане их распределения по частям скелета, фиксацию следов утилизации, воссоздание половозрастного состава

---

⁹⁵ Григорьев Г. П. Петербургская школа изучения палеолита : Прерывистость и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 43—52.

добытых животных и реконструкцию на этой основе сезонности обитания и характера охотничьей деятельности древнего человека. В итоге материалы по палеолиту России мало используются в мировой науке уже не из-за их недоступности и языкового барьера, а в силу того, что они должным образом не проанализированы. Продвижение по новым направлениям научного поиска невозможно без обновления кадрового состава Отдела, привлечения молодых сил.

Очевидно, что в современных условиях, когда большинство конкретных исследовательских проектов успешно осуществляется учеными региональных центров, роль собственных полевых работ сотрудников Отдела будет только сокращаться. Вместе с тем мне кажется, что Отдел не в полной мере использует свой научный потенциал. Я имею в виду задачу создания обобщающих и учебных трудов, словарей, пособий по различным аспектам археологии древнекаменного века (полевые работы, комплексный анализ палеосреды). Прошло уже более 20 лет со времени выпуска в свет последней сводки по древнекаменному веку нашей страны.⁹⁶ Осталась не реализованной и многократно высказанная П. И. Борисковским идея создания «нормативного терминологического справочника» по изучению каменных орудий. Между тем работы подобного рода имеются на всех основных европейских языках. Представляется, что именно посредством публикаций методических руководств такого типа наш коллектив сможет реально влиять на развитие науки о палеолите в нашей стране и сопредельных государствах, продолжая славные традиции, заложенные П. П. Ефименко, А. П. Окладниковым и П. И. Борисковским.

Публикация подготовлена при поддержке программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

---

⁹⁶ Палеолит СССР: Археология СССР. М., 1984.

В. В. НОСКОВ

СТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНИСТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Интерес к Новому Свету в столице Российской империи зародился уже в первые годы ее существования. Знакомству с далеким континентом во многом способствовало основание С.-Петербургской Академии наук, под эгидой которой было организовано несколько исследовательских экспедиций, завершившихся впечатляющими результатами. Материалы этих экспедиций стали первым оригинальным вкладом российских ученых в изучение Америки. Развитие книгопечатания в С.-Петербурге стало еще одним фактором, предопределившим появление отечественной американистики именно в этом городе. Долгое время здесь издавалась преимущественно переводная литература об Америке, примером чего может служить «Описание земель Северной Америки и тамошних природных жителей», переведенное с немецкого (1765).¹ Однако, как справедливо отмечал академик Н. Н. Болховитинов, при всем значении книжной литературы об Америке, в XVIII в. это был «не единственный и даже не главный источник информации. Гораздо более важными были обширнейшие материалы, публиковавшиеся в русской периодической печати того времени». ² Газета «Санкт-Петербургские ведомости», издававшаяся Академией наук, с первых лет своего существования публиковала сообщения из-за океана. Уже 26 января 1728 г. на ее страницах появилась первая заметка об американских колониях Англии.³ 25 ноября 1750 г. в газете было опубликовано историко-географический обзор английских и французских колоний в Северной Америке, подготовленный М. В. Ломоносовым, который писал: «Понеже в печатных ведомостях пишут всегда о спорах Агличан с Французами в Американских селениях и о продолжающихся ныне в Париже советах о учреждении обеих сторон границ в тамошней земле: то для большего уразумения бесполезно будет сообщить краткое о сей земле описание».⁴

¹ См.: Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость (1775—1783). М., 1976. С. 136.

² Там же. С. 141—142.

³ См.: Николюкин А. Н. Литературные связи России и США. М., 1981. С. 20.

⁴ Ломоносов М. В. Известие о нынешних аглинских и французских селениях в Америке // Взгляд в историю — взгляд в будущее: Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США. М., 1987. С. 8. См. также: Акимов Ю. Г. Англо-француз-

Значение прессы особенно наглядно проявилось в годы Войны за независимость США. В главной столичной газете систематически публиковалась разнообразная информация, дававшая «довольно полное представление о ходе военных действий, об общей международной обстановке и о внутреннем положении восставших». Как и прежде, при освещении событий за рубежом для российской прессы было характерно «абсолютное преобладание переводного материала» из европейских изданий.⁵ Представляя иностранные известия столичной публике, редакция «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщала: «Нам не принадлежит устанавливать общее всех мнение о сем великом споре, должность наша требует только представить единые простые бытности, чтоб читатели могли сами, по мере их просвещения, найти лучшую сторону для своих предрассудков и склонностей».⁶ Ход Войны за независимость освещал также столичный журнал «Санкт-Петербургский вестник», выходивший в 1778—1781 гг. Цикл статей «О Америке» опубликовали в 1781 г. петербургские «Академические известия».⁷ В 1779—1780 гг. «посреди внимания Европы, обращенного на дела, происходящие ныне в отложившихся от Англии Американских селениях, столь упорно противящихся великобританской силе», в «Академических известиях» под названием «Перечень истории Америки» печатались извлечения из капитального труда по ранней американской истории шотландского историка У. Робертсона. В 1784 г. его «История Америки» вышла отдельным изданием. Чуть раньше, в год завершения Войны за независимость, в С.-Петербурге было опубликовано также «Известие в Америке о селениях Аглицких, что ныне под названием Соединенных Провинций; выбрано перечнем из новейших о том иностранных сочинений Дмитрием Лодыгиным».⁸

Первым русским очевидцем, имевшим возможность непосредственно ознакомиться с положением дел на месте событий, стал петербургский купец Ф. В. Каржавин, который промышлял в Новом Свете коммерцией, не брезгуя и контрабандой. Начавшаяся в 1775 г. Война за независимость, в которую были вовлечены крупнейшие европейские державы, создавала для этого благоприятные возможности. В период с 1777 по 1787 г. Каржавин трижды побывал в новорожденной республике, проведя там в общей сложности более пяти лет.⁹ Советский исследователь А. И. Старцев назвал его «первым русским американистом».¹⁰ Та-

---

ское соперничество в Северной Америке в середине XVIII в. на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» // Американская проблематика в периодике XVIII—XX вв. М., 2004.

⁵ Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. С. 144—150, 153, 157, 161.

⁶ Цит. по: Шпрыгова М. Н. Освещение в «Санкт-Петербургских ведомостях» войны Северной Америки за независимость // Учен. зап. Московского гос. педагогического ин-та. № 286. 1967. С. 9.

⁷ Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. С. 142—144. См. также: Шпрыгова М. Н. Американская тема в петербургских журналах 70—80-х гг. XIX века // Учен. зап. Вологодского гос. педагогического ин-та. 1967. Т. 36.

⁸ Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. С. 137

⁹ Там же. С. 212—223. См. также: Из записки Ф. В. Каржавина в Коллегию иностранных дел, ноябрь 1788 г. // Россия и США: Становление отношений, 1765—1815. М., 1980. С. 172—176; Saul N. E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867. Lawrence, 1991. P. 8—10.

¹⁰ Старцев А. И. Первый русский американист // Старцев А. И. Русско-американские этюды. М., 1995.

кая оценка представляется не совсем корректной, поскольку литературное наследие Каржавина, посвященное Америке, невелико, а его содержание не отличается исследовательской глубиной. Наибольший интерес представляет дневник Каржавина, который он вел первые месяцы пребывания в Виргинии.¹¹ Одно из ранних описаний независимых США принадлежало перу прославленного впоследствии мореплавателя Ю. Ф. Лисянского. Каждый штат, писал он, «составляет малую республику, а все вообще знатное вольное правление, которое управляется президентом, сенатом и конгрессом». «Хотя почти неприметна в оной сила гражданской и военной власти, но мне никаких бесчинств видеть там не довелось, которые при подобных обстоятельствах могли произойти в Европе, а сему причиной, верно, добрые законы и нравственность», — отмечал Лисянский.¹²

Автором первых оригинальных работ о США явился дипломат и художник П. П. Свиньин, занимавший в 1811—1813 г. пост секретаря генерального консула России в Филадельфии. Его обширное литературное наследие включает служебную переписку, дневники, серию журнальных публикаций и книгу, выдержавшую несколько изданий в России и за рубежом. «Совершенно исключительное значение» имеет также собрание акварелей Свиньина, благодаря которым «русский художник внес свой вклад в создание зримого художественного образа ранних Соединенных Штатов».¹³ Если кого и можно назвать «первым русским американистом», то им был Павел Петрович Свиньин (1787—1839). В его трудах русскому читателю впервые была представлена широкая панорама Америки, а сам автор продемонстрировал определенные исследовательские способности. Свиньин старался нарисовать объективную картину, в которой непосредственные наблюдения перемежались вдумчивым анализом. Описывая достижения американцев в самых разных областях, он не закрывал глаза и на неприглядные стороны американской действительности.

«Американцы чрезвычайные спекуляторы, даже в самых мелочах. Деньги есть Бог их», — отмечал Свиньин в своем дневнике 21 октября 1811 г. «Американцы называют себя вольными, но нигде степень богатства так не уважается, так не отмечается».¹⁴ А в письме своему коллеге Ф. Ф. Борелю в январе 1812 г. он указывал на необычайно высокий уровень развития техники в Америке: «Дороговизна рабочей силы обязывает прибегать к знаниям и, наверное, нет страны, где различные механизмы не были бы возведены в более высокую степень совершенства».¹⁵ Свиньин первым указал на важное обстоятельство, которое стало очевидным в период англо-американской войны 1812—1814 гг. и которое в дальнейшем сыграло большую роль в развитии Америки: «...меры, ограничивавшие их торговлю ...привели к появлению мануфактур и фабрик»; поэтому «вряд ли после восстановления мира их развитие будет остановлено

---

¹¹ Каржавин Ф. В. Дневник путешествия в Виргинию в 1777 и 1778 годы // Взгляд в историю — взгляд в будущее. С. 10—39.

¹² Из дневника лейтенанта флота Ю. Ф. Лисянского (1795—1796) // Россия и США: Становление отношений. С. 202. См. также: Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732—1799. М., 1991. С. 130.

¹³ Болховитинов Н. Н. Российская американистика, 1814 — 1999 // Исторические записки. М., 2000. Вып. 3 (121). С. 48—49. См. также: Российская американистика [Справка] // США—Канада. 1999. № 9. С. 8—9.

¹⁴ Свиньин П. П. Американские дневники и письма. М., 2005. С. 66—67.

¹⁵ Там же. С. 355.

конкуренцией иностранной промышленности».¹⁶ На протяжении 1814 г. в петербургском журнале «Сын Отечества» публиковалось сочинение Свиньина «Взгляд на республику Соединенных американских областей»; в том же году оно вышло отдельным изданием.¹⁷ Эта работа, по замечанию Н. Н. Болховитинова, «хотя и не может считаться настоящим историческим исследованием, тем не менее примечательна во многих отношениях».¹⁸ Затем Свиньин подготовил книгу под названием «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», вышедшую двумя изданиями (1815 и 1818). Книга была переведена на немецкий и голландский языки, став первым произведением русского автора об Америке, получившим признание за пределами России. Ее продолжение публиковалось в 1828 г. в «Невском альманахе» и «Санкт-Петербургском зрителе», а в 1829 г. в издаваемых Свиньиным «Отечественных записках».¹⁹ Позднее произведения русского писателя были изданы и в США.²⁰

«Опыт» Свиньина сыграл большую роль в формировании первоначальных представлений о США в России и явился важнейшей вехой в становлении российской американистики. «Страсть к торговым предприятиям господствует во всех классах, и сие неминуемо рождает страсть к сребролюбию и другие, проистекающие от сего пороки», — писал русский наблюдатель. Деньги — «божество для Американца, и можно сказать, что одно богатство земли и набожность поддерживают еще до сей поры их нравственность».²¹ Объяснение экономических успехов США он видел в том, что предприимчивый «дух американцев в торговых оборотах, превосходство постройки судов их, при содействии европейской войны, отдали, можно сказать, в прошедшие 20 лет торговлю всего света в их руки».²² Русский дипломат подчеркивал: «Европейская война была весьма благоприятна для американцев. Пользуясь ею при помощи нейтральности своего флага, они распространили мореплавание свое и торговлю, обогатились насчет всех наций, сделали удивительные успехи в благоустройении земли своей и, так сказать, целым веком подались вперед».²³ «Богатства свои Американцы с удивительным соревнованием употребляют к пользе Отечества своего», — подчеркивал Свиньин.²⁴ Касаясь же духовной жизни Америки, он заключал: «Ненадобно искать в Америке глубокомысленных философов и знаменитых профессоров».²⁵

Заметное место в истории изучения Америки заняли сочинения другого русского дипломата, П. И. Полетики. В 1810—1811 гг. он являлся советником первой русской миссии в США, а в 1819—1822 гг. занимал пост посланника в Вашингтоне. В одном из своих донесений Полетика писал о США: «Доныне

---

¹⁶ П. П. Свиньин — Н. П. Румянцеву, 23 мая/4 июня 1813 // Россия и США: Становление отношений. С. 591. См. также: *Свиньин П. П.* Американские дневники и письма. С. 271—272, 416—417.

¹⁷ *Свиньин П. П.* Взгляд на республику Соединенных американских областей. СПб., 1814.

¹⁸ *Болховитинов Н. Н.* Российская американистика. С. 48.

¹⁹ См.: Взгляд в историю — взгляд в будущее. С. 640—641.

²⁰ См.: *Saul N. E.* Distant Friends. P. 64—65, 69—70, 132, 151.

²¹ *Свиньин П. П.* Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815. С. 23.

²² Там же. С. 27.

²³ Там же. С. 63.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ Там же. С. 32.

лишь торговля и мореплавание связывали их с европейской политикой»; более того, «различие политических интересов настолько велико, что пора, когда начались бедствия Европы, стала для Соединенных Штатов временем, к которому следует отнести начало столь быстрого роста их благоденствия». «Мировая торговля и мореплавание, — подчеркивал русский дипломат, — в которых американцы стали играть ведущую роль, с тех пор как начались войны, порожденные французской революцией, — вот единственные связи, которые объединяют Соединенные Штаты с Европой. Их политическая система целиком определяется коммерческими интересами».²⁶ В 1826 г. в Англии под псевдонимом «Un russe» была опубликована книга Полетики на французском языке «Обозрение внутреннего положения Соединенных Штатов и их политических отношений с Европой», ставшая еще одним русским сочинением об Америке, получившим распространение за рубежом. В том же году в переводе на английский она вышла в США.²⁷ Отрывки из книги в 1825 г. публиковались в «Journal de St.-Petersbourg», а в 1830 г. заключительная ее часть под названием «Состояние общества в Соединенных Американских Областях», благодаря публикации в петербургской «Литературной газете», стала достоянием и более широкой читательской аудитории. В отличие от «Опыта» П. П. Свиньина в этом сочинении представлен более критичный и трезвый взгляд на американскую действительность опытного и наблюдательного дипломата.

В его представлении, американское общество «есть естественное последствие гражданственности современной в Англии, но, вдруг, так сказать, перенесенной в страну, которую по сие время еще почитать можно страню весьма новою».²⁸ Полетика первым в России обратил внимание на специфику американского Запада, который, являясь уже результатом местных условий развития, все более определял своеобразие Соединенных Штатов по сравнению с Европой. По его наблюдениям, «следы гражданственности, так сказать, более и более бледнеют по мере удаления к западу». Таким образом, «в течение нескольких недель можно, путешествуя по внутренности Соединенных Областей, спускаться или подниматься по всем ступеням лестницы гражданского образования».²⁹ Полетика указал также на такую особенность политической системы США, как засилье в ней юристов: «Общее правление Соединенных Областей во всех его отраслях находится в руках юрисконсультов».³⁰ Как наиболее характерную черту национального характера американцев он выделял «народное самохвальство». По его свидетельству, «американцы наблюдают мало меры в похвалах, коими они превозносят себя при всяком случае».³¹ Подводя итог своим наблюдениям, он писал: «Вся деятельность человека обращается на умножение имуществ». «Те люди, кои ищут единственно спокойной и безнужной жизни, — продолжал Полетика, — не требуя ничего более от ближнего, или те, кои спасаются от незаслуженного гонения или имеют в предмете токмо выгодное употребление телесных своих сил, обращенных к како-

²⁶ Из записки советника российской миссии в Вашингтоне П. И. Полетики, 30 мая / 11 июня 1811 г. // Россия и США: Становление отношений. С. 471.

²⁷ См.: *Saul N. E. Distant Friends*. P. 151—153.

²⁸ *Полетика П. И. Состояние общества в Соединенных Американских Областях* // Взгляд в историю — взгляд в будущее. С. 117.

²⁹ Там же. С. 120.

³⁰ Там же. С. 123.

³¹ Там же. С. 128—129.

му-либо художеству или промыслу, легко могут, при хорошем поведении и умеренности, найти желаемое в Соединенных Областях.

Нет края лучше для людей несчастливых, но имеющих некоторый достаток, и для людей трудолюбивых и умеренных, без достатка.

Но еще много пройдет времени прежде, нежели край сей соделается пребыванием наук, свободных художеств и тех наслаждений ума, кои составляют прелесть общественной жизни в Европе», — заключал русский дипломат.³² Сочинение Полетики относится к числу лучших описаний северо-американского государства первой четверти XIX в. не только в России, но и в тогдашней Европе, и поэтому заняло достойное место в истории отечественной американистики.

Значительный вклад в первоначальное ознакомление российской публики с заокеанской республикой внесло такое своеобразное издание, как «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.», выходявшее в С.-Петербурге в 1815—1820 гг.³³ Столичная периодика и в дальнейшем уделяла большое внимание американской проблематике, последовательно расширяя для русского читателя круг знаний о далекой стране.³⁴ В петербургских изданиях публиковались целые циклы статей, таких как серия корреспонденций капитан-лейтенанта А. С. Горковенко в «Морском сборнике» и «Санкт-Петербургских ведомостях» (1853—1854) или очерки племянника российского посланника в Вашингтоне В. К. Бодиско «Из Америки» в «Современнике» (1856).

Важной вехой в процессе постижения феномена Америки стала статья А. С. Пушкина «Джон Теннер», опубликованная «Современником» в 1836 г. Она открыла длинный ряд произведений, авторы которых выражали серьезные сомнения в пригодности американских демократических институтов для построения справедливого и гармоничного общества. «Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями, — писал Пушкин. — Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбуждали снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству ... большинство, нагло

³² Там же. С. 131.

³³ См.: *Болховитинов Н. Н.* Американская тема на страницах «Духа журналов» (1815—1820) // *Американский ежегодник* 1972. М., 1972.

³⁴ См.: *Иванченко Я. А.* 1) Промышленное развитие США в 20—30-е годы XIX в. в оценке русской печати // *Американский ежегодник* 1982. М., 1982; 2) Американская проблематика в русской периодической печати (1825—1841): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; *Арустамян Л. Р.* 1) Американская тема на страницах «Отечественных записок» (1841—1856) // *Американский ежегодник* 1991. М., 1992; 2) Американская проблематика в русской периодической печати (1841—1856 годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы ... со стороны избирателей алчность и зависть» — «такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами». ³⁵ По свидетельству Н. В. Гоголя, Пушкину принадлежали и такие слова: «А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит». ³⁶ Это свидетельство подтверждается В. И. Анненковой, которая вспоминала: «Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: „Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом”». ³⁷

Особое место в становлении отечественной американистики заняли описания Америки, оставленные теми петербургскими исследователями, которым довелось воочию наблюдать жизнь заокеанской республики. Примером может служить статья одного из основоположников Русского географического общества П. А. Чихачева, опубликованная в 1839 г. в «Отечественных записках» под псевдонимом «Русский путешественник». Америка для него — «это юное общество, которое хотя и получило свое начало от нашей дряхлой Европы, но приняло на своем огромном материке совершенно иные формы, совершенно иные потребности». «Географическое положение этой страны, коммерческие и промышленные ее средства, цель и образ жизни ее жителей — все сие так различно с нашей Европою», — подчеркивал он, а «характер людей и предметов там настолько разнообразен и сложен, что путешественник не может составить себе общей о них идеи без того, чтобы не ошибиться в их взаимном соприкосновении друг с другом». «Враг роскоши и удовольствий, — писал Чихачев, — трудолюбивый, неутомимый и смелый народ американский по любви своей к работе и по своим обширным предприятиям занял вдруг и без всякой постепенности одно из первых мест в человечестве. Подобно медленной, но полной и мощной волне... он все гонит пред собою, отбрасывая с одной стороны индейцев к западу за Миссисипи и стесняя границы Мексики к Техасу. Страсть к богатству и дух предприимчивости служат ему путеводителями; смелые сыны Кентуки и Тенеси открывают торжественное шествие сего народа победителей-промышленников, и воинственная слава Марса бледнеет пред этими легионами рабочих, движимых предприимчивым умом Адама Смита». ³⁸ Подводя итог своим наблюдениям, русский исследователь заключал: «Общество американское, беспокойное и частью завистливое, если рассматривать его в подробностях частной жизни, растет по мере того, как от него удаляешься. Каждый член его исключительно предается улучшению своих личных выгод; поэтому очарование, которым в уме нашем мы привыкли облекать его издали, необходимо распадается вблизи, и только расставшись с этим обществом, можно судить о нем беспристрастно. Тогда довольно мелочный образ действий спекулятора, взятого отдельно, сглаживается, а величественное изображе-

³⁵ Пушкин А. С. Джон Теннер // Взгляд в историю — взгляд в будущее. С. 136. См. также: Старцев А. И. Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Старцев А. И. Русско-американские этюды; Аникин А. В. Пушкин и Америка // США—Канада. 1998. № 3; Saul N. E. Distant Friends. P. 153.

³⁶ Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992. С. 80.

³⁷ Там же. С. 465.

³⁸ Чихачев П. А. О пароходстве и озерах в Северной Америке // Взгляд в историю — взгляд в будущее. С. 140—143.

ние массы, во всей общности ее действий и их результатов, резко выдвигается вперед в этой великолепной картине».³⁹

Признавая немалую ценность первых русских работ о США, «принадлежавших перу наблюдательных очевидцев событий» и содержавших «много ценных наблюдений и фактов по истории молодой республики», Н. Н. Болховитинов с полным основанием отмечал: «Появление и развитие профессиональной исторической американистики относится уже к периоду после окончания Крымской войны».⁴⁰ Возникновение в России науки современного типа, с присущей ей специализацией по отдельным направлениям, относится к последней трети XIX в., когда ведущие позиции в мировой научной мысли занимал позитивизм. В этот период складывались предпосылки и для формирования российской американистики как специфической сферы научных исследований, ведущихся по канонам строгой «позитивной науки». Сильный импульс к изучению Америки дала Гражданская война в США, за которой последовало беспрецедентное сближение между Россией и Соединенными Штатами во второй половине 1860-х—первой половине 1870-х гг. «Американская междоусобная война» привлекла внимание петербургского общества как никакое другое событие истории США. Особый интерес происходившему за океаном придавало то обстоятельство, что там решался вопрос о рабстве, всегда особенно волновавший русское общество.⁴¹ Помимо огромного количества материалов, публиковавшихся в столичной периодике, в С.-Петербурге было издано несколько переводных сочинений, посвященных войне.⁴² Одним из первых российских историков, заинтересовавшихся в связи с этим американской тематикой, стал выпускник С.-Петербургского университета В. А. Бильбасов, подготовивший в 1864 г. статью «О причинах восстания в южных штатах Америки», оставшуюся неопубликованной.⁴³

Годы становления отечественной американистики характеризовались прежде всего стремительным расширением источниковой базы исследований. Большой и все возрастающий вклад в просвещение русской публики относительно Америки по-прежнему вносила периодическая печать С.-Петербурга.⁴⁴

³⁹ Там же. С. 149. См. также: *Saul N. E. Distant Friends*. P. 162—163.

⁴⁰ *Болховитинов Н. Н. Российская американистика*. С. 50—51.

⁴¹ См.: *Левитас И. Я.* 1) Гражданская война в Соединенных Штатах Америки (1861—1865) и русское общество : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; 2) Отмена рабства в США и отклики в России // *Актуальные проблемы американистики*. Н. Новгород, 1996.

⁴² См., в частности: *Бойнтон Ч.* История американского флота во время восстания: В 2 т. СПб., 1868—1870; *Гаусман И.* Война в Соединенных Штатах Америки (1861—1865) : В 2 ч. СПб., 1877—1878; *Дрэнгер Дж. В.* История Северо-Американской междоусобной войны : Природа и жизнь Америки и их отношение к происхождению войны. СПб., 1871; *Ланге М.* Авраам Линкольн и великая борьба между северными и южными штатами в продолжении 1861—1865 годов. СПб., 1867; [*Симс Р.*] Крейсерство Сэмтера и Алабамы. СПб., 1878; *Флетчер [Г].* История американской войны. СПб., 1867.

⁴³ См.: *Чепасов А. А.* В. А. Бильбасов о причинах гражданской войны в США // *Изучение и преподавание историографии и источниковедения в высшей школе*. Новгород, 1993. Ч. 2.

⁴⁴ См.: *Малькова И. К.* История и политика США на страницах русских демократических журналов «Дело» и «Слово» // *Американский ежегодник 1971*. М., 1971; *Северьянская К. З.* Русская журналистика 1870—1890 гг. об американском капитализме // *Изв. АН СССР. Сер. истории и философии*. 1950. Т. 7. № 5; *Кучук А. Л.* Изменение сте-

В столице Российской империи публиковалось большое количество переводных работ американских авторов о США.⁴⁵ Систематически переводилась также европейская литература об Америке.⁴⁶ Эта работа требовала труда значительного числа издателей, переводчиков, комментаторов, что вело к формированию сообщества экспертов, занимавшихся изучением заокеанской республики на профессиональной основе. «Книги, в которых излагается что-либо о Соединенных Штатах, читаются в настоящее время с большим интересом, — отмечал французский историк Э. Лабулэ. — Америка в моде и, по моему мнению, эта общественная благосклонность еще не приближается к концу».⁴⁷ В петербургских издательствах все чаще выходили сочинения непосредственных очевидцев происходивших в Америке событий.⁴⁸ Особой популярностью пользовались очерки русского эмигранта П. А. Дементьева, регулярно публиковавшиеся в петербургском «Вестнике Европы» под псевдонимом «Тверской».⁴⁹ Книжный

реотипов восприятия Соединенных Штатов Америки в Российской империи в конце 70-х—80-х годов XIX в.: (По материалам российских журналов) // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике : Империи нового времени : Типология и эволюция (XV—XX вв.). СПб., 1999; *Крайнова В. И.* Проблемы развития Северо-Американских Соединенных Штатов в освещении русской либерально-буржуазной прессы (1895—1904) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 1988. № 5.

⁴⁵ См., в частности: *Диксон В.* Новая Америка. СПб., 1867; *Дрэнпер Дж. В.* Гражданское развитие Америки. СПб., 1866; *Зорге Ф.* Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907; *Райт К. Д.* Промышленная история Соединенных Штатов. СПб., 1903; *Хилквит М.* История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1907; *Эндруз В.* История Соединенных Штатов после междоусобной войны 1861—62 гг. и до наших дней. СПб., 1905.

⁴⁶ См., в частности: *Гамсун К.* Собр. соч. Т. 1: Духовная жизнь Америки. СПб., 1909; *Гейфдинг Г.* Александр Гамильтон и Северо-Американская конституция. СПб., 1905; *Гюрэ Ж.* В Америке: (Путевые очерки). СПб., 1904; *Зомбарт В.* Почему в Соединенных Штатах нет социализма? СПб., 1907; *Лабулэ Э.* История Соединенных Штатов: В 3 ч. СПб., 1870; *Нейманн К. Ф.* История Американских Соединенных Штатов: В 2 т. СПб., 1866—1873; *Норвен Л.* Американские миллиардеры. СПб., 1902; *Поленц В., фон.* 1) Как живут американцы? СПб., 1904; 2) В стране свободы. СПб., 1904; 3) Страна будущего. СПб., 1904; *Реклю Э.* Земля и люди: Всемирная география. Вып. 4: Соединенные Штаты: В 2 ч. СПб., 1898—1899.

⁴⁷ *Лабулэ Э.* Предисловие // Жонво. Нынешняя Америка. СПб., 1872. С. V.

⁴⁸ Назовем лишь некоторые: *Бутин М. Д.* Письма из Америки. СПб., 1872; *Воллан Г. А., де.* В стране миллиардов и демократии. СПб., 1907; *Ильин Н. Д.* Шесть месяцев в Северо-Американских Соединенных Штатах. СПб., 1876; *Лакиер А. Б.* Путешествие по Североамериканским штатам, Канаде и острову Кубе : В 2 т. СПб., 1859; *Огородников П. И.* 1) От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию. СПб., 1872; 2) В стране свободы. СПб., 1882; *Попов П. И.* В Америке : Очерки американской жизни, по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно двадцать три года (1872—1895). СПб., 1906; *Скальковский К. А.* В стране ига и свободы. СПб., 1878; *Славинский Н. Е.* Письма об Америке и русских переселенцах. СПб., 1873; *Хольцов Л. С.* Современная Америка. СПб., 1912; *Эгерт В. П.* Из американских впечатлений. СПб., 1911. См. также: *America through Russian Eyes, 1874—1926* / Ed. O. P. Nasty, S. Fusso. New Haven, 1988.

⁴⁹ Его ранние публикации переизданы в сборнике: *Тверской П. А.* Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб., 1895. См. также: *Арустамова А. А.* Америка и американцы в книге П. Тверского «Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов» // Российско-американские связи : 300 лет сотрудничества. СПб., 2004; *Saul N. E.* Concord and Conflict : The United States and Russia, 1867—1914. Lawrence, 1996. P. 370—371, 483.

рынок российской столицы предлагал жизнеописания знаменитых американцев — У. Пена, Б. Франклина, Дж. Вашингтона, А. Линкольна, Дж. Рокфеллера, Б. Т. Вашингтона и даже президента Дж. Гарфилда, убитого в один год с Александром II. Большая аналитическая статья о США была опубликована в Словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.⁵⁰ Подробные сведения, имевшие отношение к Америке, публиковали и другие справочные издания — от «Архитектурной энциклопедии» Г. В. Барановского до «Военной энциклопедии».

Год за годом расширялись фонды специальной отечественной и переводной литературы по самым различным аспектам американской действительности (сельское хозяйство, промышленное развитие, финансовая система, горное дело, политическое устройство и местное самоуправление, социальные вопросы и др.).⁵¹ Различные правительственные учреждения — министерства военное, морское, финансов, народного просвещения, отдельные комитеты и департаменты — вели целенаправленный сбор информации по предметам своего ведения, которая регулярно публиковалась в ведомственной периодике и в других изданиях. Нередко научные общества и учебные заведения посылали своих представителей за океан для сбора интересующих их данных, которые тоже становились достоянием специалистов и читающей публики. Помимо того, в С.-Петербурге публиковались переводные работы американских мыслителей и специалистов в самых различных областях человеческого знания. Среди их авторов были философы Р. У. Эмерсон и У. Джеймс, экономисты Г. Ч. Кэри и Г. Джордж; историки Г. Адамс и Э. Селигман; основоположник современной океанографии М. Ф. Мори; военно-морской теоретик А. Т. Мэхэн; идеолог «социального христианства» Ш. Мэтьюс; политические деятели Т. Рузвельт, В. Вильсон и многие другие. Все сколько-нибудь значительные проявления американского гения становились достоянием русского общественной мысли.⁵² Русская читающая публика и ученое сообщество имели широкие возможности для знакомства с произведениями ведущих американских писателей и поэтов, вносившими неоценимый вклад в познание их страны.⁵³ Американская архитектура, техника, прикладные и изобразительные искусства тоже постепенно становились известными в России.

Фонды Императорской Публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук и других петербургских книгохранилищ постоянно пополнялись оригинальными американскими изданиями, периодикой и исследовательской литературой по всем отраслям знаний. Достаточно упомянуть огромную коллекцию материалов Конгресса и органов исполнительной власти США, хранящуюся в РНБ. Петербургскими библиотеками был налажен книгообмен с аме-

⁵⁰ Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. 32. С. 256—302.

⁵¹ См.: *Дитякин В.* Указатель литературы на русском языке по истории и общественной жизни Северо-Американских Соединенных Штатов // Саймонс А. М. Классовая борьба в истории Америки. Казань, 1922. С. 119—137.

⁵² Процесс рецепции американских идей в России прослежен мной на примере распространения взглядов крупнейших американских социологов: *Носков В. В.* Л. Ф. Уорд и Россия // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX вв. СПб., 1999; Сочинения Ф. Гиддингса в России и о России // *Americana*. Волгоград, 2000. Вып. 4.

⁵³ См.: *Либман В. А.* Американская литература в русских переводах и критике: Библиография. 1776—1975. М., 1977; *Николюкин А. Н.* 1) Литературные связи России и США; 2) Взаимосвязи литератур России и США. М., 1987.

риканскими библиотеками, научными обществами и другими учреждениями. Излишне говорить, что в столичные библиотеки поступала большая часть литературы об Америке, выходящей в Москве и других российских городах. Помимо главных библиотек города большие книжные богатства накапливались в различных ведомственных и вузовских библиотеках С.-Петербурга, благодаря чему в них сформировались уникальные фонды литературы о США, которые до сих пор в полной мере не введены в научный оборот. Нельзя недооценивать также личные библиотеки петербуржцев, многие книги из них после 1917 г. попали в государственные книгохранилища или на букинистический рынок. Столичные ученые и просто заинтересованные читатели имели возможность выписывать нужные им книги и журналы непосредственно из Америки. Петербургские ученые обменивались литературой с американскими коллегами и привозили книги из командировок за океан. Книги везли и американцы, посещавшие Россию, и морские офицеры, и просто любопытствующие русские путешественники, оказавшиеся по тем или иным причинам в США. Благодаря интенсивной издательской деятельности и постоянному пополнению библиотечных фондов в С.-Петербурге сформировалась обширная источниковая база для развертывания исследований практически по всем проблемам истории и современного положения США.

Еще одно важное обстоятельство, способствовавшее развитию американистики, заключалось в заметном увеличении количества петербуржцев, знавших английский язык. Несмотря на явное преобладание немецкого и французского в среде русской образованной публики, к началу XX столетия заметно выросло число жителей столицы, владевших языком Фенимора Купера и Джека Лондона. Немаловажным фактором стало также расширение межличностных контактов. С каждым годом все больше подданных Российской империи ездило в Америку, а граждан США — в Россию. В С.-Петербурге образовалась целая американская колония, численность которой к началу Первой мировой войны превышала двести человек. В городе функционировало несколько американских предприятий и заведений самого разного профиля. Наиболее зримым символом американского присутствия стало вызывающее для своего времени здание компании «Зингер» в самом центре российской столицы. В рабочих кварталах С.-Петербурга Америку воплощали монументальные корпуса «Российско-Американской резиновой мануфактуры». Дорога же с городских окраин на Невский проспект пролегла через «американские мосты» на Обводном канале. Благодаря бракам с представителями петербургской знати несколько американок вошли в высшее столичное общество — баронесса Рамсей, графиня Ностиц, княгиня Белосельская, а внучка генерала Гранта обрела сразу два громких титула — графиня Сперанская и княгиня Кантакузен. Даже в императорской резиденции американцы оставили свой след — из желудя, привезенного братом сенатора Ч. Самнера, на Царицыном острове в Петергофе вырос «Дуб Вашингтона». Шаг за шагом все американское превращалось для петербургских жителей из экзотики в обыденность. Таким образом в С.-Петербурге формировалась повседневная среда и насыщенный информационный фон, благоприятствовавшие познанию Америки.

К американской проблематике обращались петербургские исследователи самых разных специальностей: правоведы, литературоведы, экономисты, социологи, представители естественных и технических дисциплин. Сдержательный очерк об Америке опубликовал знаменитый русский химик

Д. И. Менделеев, посетивший в 1876 г. Всемирную выставку в Филадельфии. Очерк представлял собой раздел его труда «Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе», впервые изданного в 1877 г. Подводя итог своим наблюдениям, Менделеев писал: в «С.-А. Штатах выразились и получили развитие не лучшие, а средние и худшие стороны европейской цивилизации: пресловутая всеобщая подача голосов, стремление политикой, компанейскими приемами и всякими неправдами нажить и нажиться, пользование трудом тех безответных, которые лишены капитала». ⁵⁴ «Одно скажу, — заключал он, — Америка представляет драгоценный опыт для разработки политических и социальных понятий». Но «оставаться жить там — не советуя никому из тех ... которые развились до понимания общественных задач. Им, я думаю, будет жутко в Америке. Там место другим». ⁵⁵ Однако, позднее вернувшись к американской теме, Менделеев высоко оценил итоги экономического развития США: «Северо-Американские Соединенные Штаты, бывшие сперва страной чисто земледельческой и вывозящие уже ныне много готовых товаров, но все же продолжающие вывозить и сырье, представляют, на мой взгляд, пример того, к чему стремится и должен стремиться весь мир для блага народного и развития всей цивилизации. Над Амер. Соед. Штатами я всего более и останавливаюсь в моих „Заветных мыслях” именно по той причине, что в них вижу начало будущего, особенно поучительного для нас, русских, которым должно всемерно стремиться выйти из периода одних земледельческих усилий». ⁵⁶

Значительной вехой в истории изучения США стало участие петербургских ученых во Всемирной выставке 1893 г. в Чикаго. По итогам своего пребывания там они опубликовали целый ряд работ о различных аспектах развития Америки. ⁵⁷ В С.-Петербурге были опубликованы отчеты и других российских участников выставки в Чикаго. В совокупности довольно внушительная «чикагская» библиотечка представляла собой своеобразную энциклопедию американской жизни конца XIX в. На Всемирной выставке 1893 г. побывали также известные ученые Н. А. Бородин и П. Г. Мижухев, которые своими последующими работами внесли большой вклад в изучение США.

Русская публика всегда проявляла большой интерес к религиозной жизни Америки. Наиболее серьезным ее исследователем стал известный богослов и историк А. П. Лопухин. По окончании С.-Петербургской Духовной академии он получил степень кандидата богословия и, «как прекрасно владевший английским языком», был назначен псаломщиком в русскую церковь в Нью-Йорке. Годы пребывания в Америке, 1879—1882, обогатили его «массой новых впечатлений касательно бытовой стороны ... американской жизни, которыми он делился с русскими читателями». «В бытность свою в Америке он непрерывно печатал результаты своих наблюдений над жизнью американского народа в русских журналах и газетах: в „Церковном вестнике”, „Право-

⁵⁴ Менделеев Д. И. Поездка в Америку // Менделеев Д. И. Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 151.

⁵⁵ Там же. С. 154.

⁵⁶ Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 113.

⁵⁷ См.: Соколов А. С. 1) Россия на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. // Американский ежегодник 1984. М., 1984. С. 159—163; 2) Санкт-Петербург—Ленинград на Всемирных выставках в Америке // История Петербурга. 2003. № 6 (16). С. 82; Allen R. V. Russia Looks at America : The View to 1917. Washington, 1988. P. 114—228; Saul N. E. Concord and Conflict. P. 372.

славном Обозрении”, „Страннике”, „Береге”, „Новостях” и „Неделе”». ⁵⁸ В то же время Лопухин сотрудничал в журнале «Oriental Church Magazine», издававшемся при русской церкви в Нью-Йорке, на страницах которого он «знакомил американцев с русской церковно-религиозной жизнью». В 1881 г. Лопухин опубликовал в С.-Петербурге «исследование о современном состоянии и причинах быстрого роста римско-католической церкви в Соединенных Штатах Северной Америки» под названием «Римский католицизм в Северной Америке», на основе которого по возвращении в Россию защитил в С.-Петербургской Духовной академии диссертацию на соискание степени магистра богословия. ⁵⁹ Это была первая в России диссертация по американской тематике. Вслед за тем вышли его книги «Жизнь за океаном. Очерки религиозной, общественно-экономической и политической жизни в Соединенных Штатах Северной Америки» и «Религия в Америке». Знакомя читателей с религиозным опытом заокеанской республики, он стремился отойти от традиций «русской публицистики, которая сплошь и рядом не любит своего, потому что не имеет надлежащего понятия о чужом». ⁶⁰

С 1883 г. Лопухин читал в С.-Петербургской Духовной академии сравнительное богословие, с 1885 г. занимал там кафедру древней гражданской истории. С 1892 г. он редактировал журнал «Христианские чтения», с 1893 г. — «Церковный вестник», с 1899 г. — «духовный учено-литературный журнал» «Странник», в приложении к которому издал четыре тома «Православной богословской энциклопедии». Авторитетный богослов принимал также деятельное участие в издании «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. «Не было, кажется, ни одного более или менее крупного события в церковной жизни России и всего света, на которое бы тотчас же не отозвался А. П. Лопухин», — говорилось на траурной церемонии по случаю его безвременной кончины. ⁶¹ «В свои переводы инославных авторов, всегда высоколитературные, — отмечал автор некролога в «Историческом вестнике», — Лопухин вносил освещение событий и мнений с точки зрения православного богослова, стоящего на истинной высоте историко-научного понимания. В редактируемых им журналах Лопухин рассеял сотни своих статей по самым разнообразным вопросам веры и богословия, богословской науки и общественной жизни. Положительно невероятно была его кипучая деятельность». ⁶² Этот «великий труженик христианского просвещения», как подчеркивал ректор С.-Петербургской Духовной академии, великое множество своих читателей, «благодаря своему таланту изложения и знанию языков, сделал участниками или хотя созерцателями духовной, умственной жизни христианских народов». ⁶³ Своей неутомимой дея-

⁵⁸ И. Т. Памяти профессора А. П. Лопухина // Памяти профессора Александра Павловича Лопухина. СПб., 1904. С. 8—9.

⁵⁹ См.: Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 18. С. 8; Новый энциклопедический словарь. СПб.; Пг., 1911—1916. Т. 24. С. 902; Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель. Т. 1: (А—Л). СПб., 2001. С. 608; *Saul N. E. Concord and Conflict*. P. 228—229.

⁶⁰ Лопухин А. П. Религия в Америке. СПб., 1882. С. IV.

⁶¹ «Смерть мужу покой» // Памяти профессора Александра Павловича Лопухина. С. 4.

⁶² Лопухин А. П. [Некролог] // Исторический вестник. 1904. Октябрь. С. 391.

⁶³ *Сергий, еп.* Речь после литии // Памяти профессора Александра Павловича Лопухина. С. 14.

тельностью А. П. Лопухин «снискал себе широкую популярность в среде любителей духовной литературы и принес несомненную пользу русскому духовному просвещению».⁶⁴

Все эти годы Лопухин не переставал интересоваться Америкой. Наряду с трудами по библейской истории и другим проблемам богословия в свет вышли его книги «Заокеанский Запад в религиозно-нравственном отношении» (1887) и «Настоящее и будущее православия в Северной Америке» (1897). Неутомимый исследователь не терял интереса к далекой стране до конца жизни. В архиве автора хранится извещение книжного магазина Эггерс и К^о (Невский пр., 8) от 16 декабря 1899 г. о поступлении очередного номера «North American Review», адресованное «Е. В. Господину Профессору А. Лопухину».

Этапным событием, способствовавшим росту интереса к Америке в России, стала испано-американская война 1898 г., сопровождавшаяся общей активизацией политики США на мировой арене. Как обычно, первой на события отреагировала столичная печать.⁶⁵ В С.-Петербурге были оперативно изданы отчеты русских военных наблюдателей на кубинском театре военных действий, правда, с грифом: «Не подлежит оглашению».⁶⁶ Их дополнил анализ боевых действий на море, произведенный таким авторитетным историком флота, как А. Т. Мэхэн. С этого момента внешняя политика США начала привлекать все большее внимание русского образованного общества.⁶⁷ Такие сюжеты, как «новоявленный мессианизм страны доллара», «американский империализм», доктрина Монро, отдельные направления внешней политики США стали постоянной темой как общественно-политической публицистики, так и серьезных исследований.

Одним из ученых, которые обращались к теме американской экспансии, стал известный экономист И. Х. Озеров. После окончания юридического факультета Московского университета он остался на кафедре финансового права, в 1898 г. защитил магистерскую диссертацию о подоходном налоге в Англии, два года спустя — докторскую о системе налогообложения в Германии.⁶⁸ Очень рано в сферу его интересов попала и Америка. В 1894 г. в С.-Петербурге вышла книга Озерова «Общества потребителей : Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России и краткое руководство к основанию и ведению потребительских обществ». В 1903 г. он стал профессором Москов-

⁶⁴ А. П. Лопухин // Там же. С. 1—2.

⁶⁵ См., в частности: Цвиркун А. Ф. Причины испано-американской войны 1898 г. в освещении русской периодической печати // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1990. Вып. 36.

⁶⁶ [Ермолов Н. С.] Испано-американская война : Отчет командированного по Высочайшему повелению к американским войскам на остров Кубу Генерального Штаба полковника Ермолова. СПб., 1899; [Жилинский Я. Г.] Испано-американская война : Отчет командированного по Высочайшему повелению к испанским войскам на остров Кубу Генерального Штаба полковника Жилинского. СПб., 1899.

⁶⁷ См.: Цвиркун А. Ф. Некоторые вопросы внешней политики США в 1898—1914 гг. в освещении русской буржуазно-либеральной печати // Американский ежегодник 1986. М., 1986; Шустов К. С. Русские дипломаты и пресса о взаимоотношениях между США и Кубой (1895—1917) // Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII—XX веков. М., 1975; Окунева М. А. Борьба Венесуэлы против империализма США в освещении русских дипломатов и публицистов // Американский ежегодник 1977. М., 1977.

⁶⁸ Новый энциклопедический словарь. Т. 29. С. 323.

ского, а вскоре и С.-Петербургского университетов.⁶⁹ В том же году в столице была опубликована его работа, в которой Озеров писал: «Америка направляет все усилия в настоящее время на создание материального комфорта, так как это должно освободить человека от материальных забот и высвободить его душу из-под гнета страха за ежедневный хлеб насущный».⁷⁰ По его представлениям, «людей здесь учат действовать, лепить новые формы жизни, класть на жизнь яркий смелый отпечаток собственной личности, здесь все творцы — все художники, и простор, простор для живого творчества жизни и смелости мысли».⁷¹ «В настоящее время, — заключал Озеров, — едва ли можно отрицать, что по накоплению богатства и по развитию промышленности и всякого рода материального прогресса Соед. Штаты в очень короткое время займут безусловно первое место». «Их социальная и политическая система более благоприятствует материальному развитию, чем всякая другая организация, когда-либо придуманная человеком».⁷² В последующие годы русский экономист еще не раз обращался к американской тематике в своих статьях и в книге «Чему учит нас Америка?» (1908). Американский опыт он стремился интерпретировать в прагматическом смысле, стараясь показать, насколько он применим в России.

Знания об Америке, со временем начали занимать все более важное место в идейной и политической жизни России. Особый интерес к США проявляли теоретики либерального направления, которые использовали американские материалы в идейной полемике, набиравшей силу с середины 1890-х гг. Период широких общественных дискуссий о путях развития России открылся публикацией известной книги П. Б. Струве, одну из глав которой автор посвятил вопросу: «Чему учит американское народное хозяйство?».⁷³ Известный русский социолог М. М. Ковалевский за годы эмиграции дважды побывал в США и неоднократно обращался к американской проблематике в своих работах. После возвращения в Россию и избрания в Государственную Думу он жил и работал в С.-Петербурге, опубликовав серию работ о политическом устройстве США.⁷⁴ Эти публикации носили ярко выраженный прагматический и даже пропагандистский характер, их целью было подтвердить американским примером собственные политические взгляды автора. Американское влияние заметно сказалось на формировании политической философии ведущего кадетского идеолога П. Н. Милюкова, который до революции трижды посетил США. Заокеанская республика для него — это «страна свободы, новая рождающаяся нация, быстрый рост и постоянное обновление, огромные размеры мирового эксперимента». Подводя итоги своим впечатлениям, министр иностранных дел Временного правительства заключал: «Я мог наблюдать огромный рост Нового Света — в том числе именно в области развития индивиду-

---

⁶⁹ См.: *Телицын В. Л.* Иван Христофорович Озеров : Жизненные испытания русского ученого // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 135—139.

⁷⁰ *Озеров И. Х.* Америка идет на Европу : (Причины промышленного развития Соединенных Штатов). СПб., 1903. С. 1.

⁷¹ Там же. С. 17.

⁷² Там же. С. 37.

⁷³ *Струве П. Б.* Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. Вып. 1. С. 260—274.

⁷⁴ См.: *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского // Американский ежегодник 1989. М., 1990.

альных стремлений».⁷⁵ Американские политические и социальные идеалы наряду с западноевропейскими прочно вошли в теоретический арсенал тех либеральных политиков, которые идейно готовили Февральскую революцию, а затем приняли непосредственное участие в преобразованиях, доведших Россию до Октябрьской революции.

К концу XIX в. Америка заняла прочное место в учебной и научно-популярной литературе. Показательным примером может служить рекомендованная «для школ и домашнего чтения» и выдержавшая несколько изданий книга А. Ф. Быковой, впервые опубликованная в 1897 г. По существу, это была первая в России специальная обобщающая работа о США. В книге подчеркивалось, что «нравы, обычаи и порядки в Соединенных Штатах крайне своеобразны; во многом они резко отличаются от европейских». «Соединенные Штаты — государство весьма обширное, условия жизни, занятия жителей, их интересы различны, история заселения и развития разных частей государства неодинаковы, а потому нельзя ждать полного однообразия в быте, нравах и понятиях северо-американцев», — писала Быкова. Собственно говоря, уточняла она, «только северо-запад и крайний запад страны составляют ту часть союза, в которой наиболее резко обнаруживаются характеристические особенности, отличающие Америку от Европы».⁷⁶ Вместе с тем по всей стране «прежде всего поражает всеобщее равенство». В сфере сельского хозяйства «Америка — это страна, в которой большая часть земли находится не в руках капиталистов, а в руках многочисленного сельского населения, в руках сельской демократии».⁷⁷ Что касается промышленности, то нигде «на свете не трудились так над усовершенствованием машин, как в Америке, и американские машины по справедливости считаются лучшими в свете».⁷⁸ Наряду с этим в Америке существуют и «нищета, и капиталисты, в руках которых находятся такие богатства, как нигде в мире». Благодаря этому «развивается безумная роскошь».⁷⁹ «Страсть делать доллары» оставалась главной характеристикой американского общества наряду со страстью к спекуляциям.⁸⁰ В современной автору Америке «мелкое хозяйство гибнет, на смену ему выступает крупное производство со всеми его разорительными для масс последствиями».⁸¹

Ярким представителем ранней отечественной американистики стал другой деятель народного просвещения — П. Г. Мижурев. Первоначальное образование он получил в Морском училище; затем окончил С.-Петербургский университет, преподавал иностранные языки в учебных заведениях столицы, занимал должность главного библиотекаря С.-Петербургского технологического института; в 1906 г. получил звание профессора.⁸² Мижурев опубликовал

---

⁷⁵ Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 172. См. также: Saul N. E. Concord and Conflict. P. 461—463.

⁷⁶ Быкова А. Ф. Северо-Американские Соединенные Штаты. 3-е изд. СПб., 1909. С. 123—124.

⁷⁷ Там же. С. 82.

⁷⁸ Там же. С. 89.

⁷⁹ Там же. С. 126.

⁸⁰ Там же. С. 131.

⁸¹ Там же. С. 136—137.

⁸² Новый энциклопедический словарь. Т. 26. С. 455; Словарь американской истории. СПб., 1997. С. 363; Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в XX веке. СПб., 2000. С. 232.

несколько десятков популярных книг и огромное множество статей, посвященных самым различным проблемам истории и современной ему общественной жизни западноевропейских государств и США. Особое внимание в его сочинениях уделялось историческому опыту англоязычных стран. «Содержание всех статей относится к англо-саксонскому миру: Англии, Америке, Австралии, — писал Мижув в предисловии к очередному сборнику своих работ, — т. е. к тому миру, где указанные нами вопросы поставлены наиболее ясно и определенно, где обсуждение их чуждо каких-либо недомолвок и куда поэтому невольно приковывается взор всех тех, кто с волнением ищет на тусклом небосклоне современной действительности первых проблесков занимающейся зари лучших дней». «Ex Occidente lux!», был убежден российский публицист.⁸³

Перу Мижужева принадлежала целая серия популярных работ по истории и современному положению США, отличавшихся неприкрытой апологией заокеанской республики и «дешевым демократизмом, только затемняющим понимание исторического процесса».⁸⁴ Российский публицист стремился показать «увлекательность самой американской истории, по крайней мере для всех тех, кто сколько-нибудь интересуется великими политическими и социальными вопросами, над разрешением которых так много трудилось и так много еще будет трудиться человечество».⁸⁵ Оценивая значение «американской революции», он замечал: «...для Америки полная свобода развития, достигнутая отделением от Англии, повела к такому великому и всеобъемлющему прогрессу, какого до тех пор не видел еще культурный мир, особенно если иметь в виду не верхние слои общества, а всю массу населения».⁸⁶ Пропагандируемый Мижувым идеал нашел отражение в названии его главного труда на эту тему — «История великой американской демократии», во введении к которому он писал: «С.-Американский Соед. Штаты представляют собой одно из самых замечательных государств современного культурного мира, занимая выдающееся положение во многих и весьма важных отношениях». Наиболее очевидным и показательным для него явлением был «необыкновенный экономический прогресс» США, благодаря чему в Старом Свете «заговорили даже о грядущем неотвратимом промышленном порабощении Европы Америкой». «Соед. Штаты представляют собой одну из самых замечательных и наиболее интересных стран и в политическом отношении, — продолжал Мижув, — в самом деле, в этой великой республике происходит в самых широких размерах опыт народо-властия». Этими обстоятельствами объяснялось, по его мнению, «насколько велико принципиальное и практическое значение внимательного изучения истории и современного состояния республики».⁸⁷

«Мы надеемся, — писал Мижув в другой своей работе, — что читатели простят нам ту настойчивость, которую мы проявляем в подчеркивании хороших сторон американской жизни и общего благоденствия и счастья, которым пользуется американский народ, по крайней мере в сравнении с народами, на-

⁸³ Мижув П. Г. Социологические этюды. СПб., 1904. Предисловие.

⁸⁴ Дитякин В. Предисловие // Саймонс А. М. Классовая борьба в истории Америки. С. VI.

⁸⁵ Мижув П. Г. Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). СПб., 1901. С. 1.

⁸⁶ Мижув П. Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. 2-е изд. СПб., 1909. С. 41.

⁸⁷ Мижув П. Г. История великой американской демократии. СПб., 1906. С. 1—3.

селяющими разные страны старой Европы. Ведь Соед. Штаты представляют наиболее грандиозный опыт демократической формы правления, который когда-либо до сих пор приходилось делать человечеству. Поэтому установление правильного мнения о влиянии политических учреждений Америки на благосостояние народной массы имеет огромный принципиальный интерес».⁸⁸ Помимо названных Соединенным Штатам было посвящено большое количество статей и еще несколько книг П. Г. Мижуева: «Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных Штатах Северной Америки» (1893); «Школа и общество в Америке» (1902); «Призрение бедных, бесприютных и порочных детей в Америке», «Документальная история одной стачки» (1907); «Современная школа в Западной Европе и Америке» (1912).

Гораздо более серьезным и профессиональным подходом отличался двухтомный труд А. В. Бабина, который из всех дореволюционных русских работ по истории США в наибольшей степени соответствовал принятым в то время канонам научного исследования. Автор в молодости эмигрировал в Америку, окончил там Корнельский университет, получив степень магистра американской истории. Более пятнадцати лет он проработал в различных библиотеках США, последние годы перед возвращением в 1910 г. в Россию заведовал Славянским отделом Библиотеки Конгресса.⁸⁹ На родине Бабин трудился на ниве народного просвещения. Вскоре после возвращения он довольно удачно воплотил в жизнь свой давний замысел «познакомить своих соотечественников с нетронутой русскими историками главою „священной книги народов”», издав в С.-Петербурге двухтомную историю США.⁹⁰ Бабин, по замечанию рецензента, «обратил особенное внимание ... на финансовую, экономическую и политическую историю Соединенных Штатов, и многие страницы в этой области прочтутся, конечно, с большим интересом, так как именно здесь и сказываются особенно результаты знакомства автора с малоизвестным для иностранцев материалом». При этом «так называемая культурная история отошла в книге г. Бабина совсем на второй план». Отметив ряд недостатков, рецензент подчеркнул также, что по ходу повествования «ясно проявляются политические симпатии и антипатии автора».⁹¹

«Американский материк, — писал Бабин, — с самого открытия своего дал выход бродячему инстинкту, свойственному всем народам и временам, открыл широкое поле для искателей приключений и быстрого обогащения, расширил границы торгового мира, дал новое поприще миссионерам». Таким образом, Новый Свет «спас от нищеты избыток европейского населения (избыток беспокойный и нежелательный)».⁹² Касаясь роли Запада в истории США, Бабин писал: «В начале XIX столетия в состав американского общества вошел новый элемент — поселенец западной окраины, настойчиво расширявший черту американской оседлости». Однако скудость «умственных интересов и невозмож-

⁸⁸ *Мижуев П. Г.* Главные федерации современного мира. СПб., 1907. С. 248—249.

⁸⁹ *Пивоваров Е. Г.* А. В. Бабин (1866—1930). СПб., 2002. С. 26—61. См. также: *Saul N. E.* Concord and Conflict. P. 391, 560.

⁹⁰ *Бабин А. В.* История Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб., 1912. Т. 1 [Авторское предуведомление].

⁹¹ *Фридолин П. П.* [Рец.]: Бабин А. В. История Северо-Американских Соединенных Штатов // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Сентябрь. С. 172—174.

⁹² *Бабин А. В.* История Северо-Американских Соединенных Штатов. Т. 1. С. 245.

ность найти достойный человека духовный отдых вели к грубому времяпровождению и развлечениям».⁹³ Всепоглощающими интересами американского общества стали нажива и политика, отмечал он.⁹⁴ В числе первых русских исследователей Бабин указал на тяжелые последствия Гражданской войны в США: «Серьезным последствием войны было ослабление нравственной чуткости в разных слоях общества и простор, данный войною зверским инстинктам». Ее итогом стал «дикий разгром цветущих южных областей».⁹⁵

К началу XX в., констатировал автор, Америка являла собой образец «всестороннего прогресса и роста народного благосостояния, беспрецедентного в истории».⁹⁶ Больше всего впечатлял ее «феноменальный экономический прогресс».⁹⁷ Вместе с тем «влияние капитала на правительство создало в стране экономические и социальные условия, лежащие тяжелым бременем на население». Американское «правительство, будучи в руках капитала, не в меру пренебрегает интересами обывателя и нации», указывал Бабин. Чрезмерное «влияние капитализма на власть сказывается и в недочетах правосудия в Соединенных Штатах», поскольку для «многочисленного класса юристов обеление явных преступников сделалось предметом своеобразного спорта, — спорта доходного, но подрывающего в обществе доверие к суду». Уже тогда он предвидел, что при «современном экономическом строе англо-саксонскому населению Соединенных Штатов предстоит выродиться в численно ограниченную расовую правящую аристократию среди пестрого конгломерата других национальностей, осевших в стране».⁹⁸

Крупнейшим достижением дореволюционной российской американистики стал, без сомнения, фундаментальный труд известного правоведа и историка М. Я. Острогорского. Как отмечал Н. Н. Болховитинов, «только труд М. Я. Острогорского по истории американской политической системы получил международное признание и оказал влияние на развитие историографии в самих Соединенных Штатах».⁹⁹ Однако эта оригинальная работа оказалась надолго забытой на родине ученого, несмотря на то что «„невероятно влиятельное исследование“ М. Я. Острогорского справедливо считалось классическим трудом, мимо которого не может пройти ни один серьезный исследователь».¹⁰⁰ Острогорский, выпускник юридического факультета С.-Петербургского университета, работая в Министерстве юстиции, «выработал ряд законопроектов по предметам первостепенной важности». Помимо того, он принимал «деятельное участие в трудах комиссии по народному образованию»; опубликовал несколько учебников и справочников по хронологии российской и всеобщей истории. С конца 1880-х гг. во французских журналах начали появляться его работы, посвященные изучению конституций и «политического быта Англии и Америки», в процессе подготовки которых он побы-

⁹³ Там же. С. 477—479.

⁹⁴ Там же. С. 489.

⁹⁵ Там же. Т. 2. С. 194—196.

⁹⁶ Там же. С. 412.

⁹⁷ Там же. С. 426.

⁹⁸ Там же. С. 440—441.

⁹⁹ Болховитинов Н. Н. Российская американистика. С. 49.

¹⁰⁰ Болховитинов Н. Н. Введение // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник 1992. М., 1993. С. 11; *Bolkhovitinov N. N. American History in Russia: Retrospect and Prospect // American Historical Review. 1992. Vol. 79. N 2. Sept. P. 525.*

вал в США, «черпая сведения из непосредственного источника политической жизни».¹⁰¹ В 1889 г. в «Анналах» парижской Свободной школы политических наук была опубликована работа Острогорского «Организация политических партий в Соединенных Штатах». Об авторитете российского ученого свидетельствует тот факт, что известный исследователь государственного строя США и историк, будущий президент подарил ему свою книгу с надписью: «М. Острогорскому в надежде, что в связи с недавней беседой он прочтет эссе, озаглавленное „Суть дела” (первоначальное название: «О написании истории»). — В. Н.), и что он примет этот том в знак неизменного уважения от его друга. В. Вильсон. Принстон, ноябрь 1896».¹⁰²

В 1898 г. в Париже вышло в свет капитальное исследование Острогорского «Демократия и организация политических партий», второй том которого был целиком посвящен США. Еще через четыре года появилось англоязычное издание *opus magnum* Острогорского, а в 1910 г. американский том в переработанном виде был издан в США под названием «Демократия и партийная система в Соединенных Штатах. Исследование внеконституционного правления». Начиная с парижского издания 1912 г. «выдающееся по обилию, свежести и новизне материала»¹⁰³ исследование Острогорского переиздавалось под названием «Демократия и политические партии», превратившись в классику мировой политической мысли. Труд российского ученого об Америке ставился в один ряд с классическими сочинениями А. де Токвиля и Дж. Брайса.¹⁰⁴ Сам Брайс высоко оценил заслуги Острогорского, особенно в исследовании того феномена, который он назвал «патологией партийного правления».¹⁰⁵ В 1906 г., после своего избрания в Государственную Думу, Острогорский получил «из Америки приглашение занять кафедру политических наук в университете Кливленда, но он предпочел послужить России».¹⁰⁶ После разгона I Думы он преподавал в Петербургском психоневрологическом институте.

М. Я. Острогорский исходил из предпосылки, что «демократия — это скорее проблема, чем решение». Он проследил эволюцию партийной системы США и ее влияние на все стороны политической и общественной жизни Америки. Общий итог казался российскому исследователю неутешительным: «...мы имеем партии, разделенные на части, морально разложившиеся, а в результате — неспособность «придать представительному управлению жизненную силу, которой им самим не хватает».¹⁰⁷ «Система организованных партий», писал Острогорский, «чрезвычайно ослабила рвение гражданина к управлению, уменьшила действующую силу механизма управления, уста-

¹⁰¹ Первая Государственная Дума : Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906. С. 130—131.

¹⁰² См.: *Носков В. В.* Неизвестный автограф Вудро Вильсона // Русское прошлое. СПб., 1993. Кн. 4. С. 350—351. См. также: М. Я. Острогорский — В. Вильсону, 12 декабря 1896 // *Papers of Woodrow Wilson*. Princeton, 1971. Vol. X. P. 76—77.

¹⁰³ Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 29. С. 855.

¹⁰⁴ См., в частности: *Терехов В. И.* Концепция исключительности партийно-политической системы Соединенных Штатов в работах А. Токвиля, Дж. Брайса и М. Острогорского // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. № 5.

¹⁰⁵ *Bryce J.* Preface // *Ostrogorski M. Democracy and the Organization of Political Parties*. London; New York, 1902. Vol. 1. P. XLII—XLVI.

¹⁰⁶ Первая Государственная Дума. С. 131.

¹⁰⁷ *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 360.

новленного конституцией, и ослабила живые силы, являющиеся ее истинной пружиной». «Сенат, являющийся великим соперником президента, выиграл в могуществе, но потерял в достоинстве в связи с тем положением, которое создано благодаря системе партий», — продолжал он. «В сенате нет недостатка в талантливых людях, но их талант является исключительно талантом дельцов», широкие взгляды и «развернутые концепции национальной политики в сенате не находят себе места. В этом большом собрании штатов государственные умы отсутствуют. Это скорее большая национальная биржа», где идеалом «является торговля, и их методами являются методы торговцев», — так характеризовал автор высший представительный орган власти США.¹⁰⁸

О деятельности обеих палат Конгресса Острогорский замечал: «...неприкрытый деспотизм партий является выдающейся чертой, выявляющейся в деятельности палаты, в то время как в деятельности сената выявляют другую черту американского управления: преобладающее влияние плутократии на государственные дела». Завершало характеристику представительной системы США такое замечание: «Законодательные собрания штатов еще более очевидно являют собой упадок и, можно было бы даже сказать, банкротство представительного управления».¹⁰⁹ «Таким образом, — заключал он, — эволюция американской демократии привела к двум фактам чрезвычайной важности: народное управление ускользнуло от народа, и меркантилизм, со своей самой гнусной стороны, наложил руку на управление». Главную причину этого российский исследователь видел в том, что американский народ «вложил все свои моральные силы в материальное строительство государства» и «материальные заботы овладели всем существом американца. „Делать деньги“ явилось для американца назначением человека на земле, и поэтому смыслом существования хорошо организованного государства, с его точки зрения, явилось способствовать выполнению этого предназначения. Понятие о моральных целях государства затемнилось в умах американцев, и от государства они ничего больше не требовали, кроме охраны и содействия в производстве богатств». «В высшей степени спекулятивный ум американца», писал Острогорский, толкает его на «путь, дающий значительные непосредственные результаты. Всегда и везде, желая обогатиться, он не думает о последствиях; он видит только выгоды настоящего момента. Это преимущественно недалекий человек ... фатально недальновидный», — делал он вывод.¹¹⁰

Говоря о «более возвышенных стремлениях» обитателей Нового Света, российский исследователь приходил к выводу: «...американцы вложили весь свой идеализм в американскую национальность».¹¹¹ В Америке «свобода при этих грубых манипуляциях почти лишилась своей духовной природы». Идеальная свобода, продолжал он, «видоизмененная таким образом и окруженная тем патриотическим сиянием, которым упоение материальными успехами окружило образ Союза, лишь осветила собой ту национальную гордость, которую вызывали эти успехи, и лишь развила ту патриотическую чувствительность, которая заглушила гражданскую сознательность американца. Это напыщенное национальное чувство все больше и больше приближается к той нацио-

¹⁰⁸ Там же. С. 506—508.

¹⁰⁹ Там же. С. 511—512.

¹¹⁰ Там же. С. 525—526.

¹¹¹ Там же. С. 527—528.

налистической экзальтации», которая «превратила обожание родины в языческий культ, где отсутствует живой бог».¹¹² «Таким образом, идеализм, принимая упадочные формы патриотического, политического, религиозного и социального формализма, сделался соучастником материалистического духа, чтобы усыпить гражданскую совесть и открыть дорогу врагам народного блага».¹¹³ В итоге свобода оказалась узурпированной теми «людьми, которые торгуют общественным благом под флагом партии и именем демократии».¹¹⁴ Первоначальный анализ Острогорского относился к тому периоду истории США, который характеризовался расцветом коррупции и общей деморализацией политической жизни. При последующих переизданиях книги он внес некоторые «поправки, чтобы смягчить краски». Это объяснялось серьезными переменами, происходившими в США в «прогрессивную эру», когда, по мнению автора, «явилась возможность объединить все живые силы американского общества для борьбы против политической коррупции и одержать победы, которые дают возможность не разочаровываться в американской демократии и в управлении народом через народ».¹¹⁵

После начала Первой мировой войны в общественной мысли России все большую популярность стала приобретать идея о необходимости сотрудничества с США. На протяжении всей войны и особенно после Февральской революции столичные органы печати уделяли им повышенное внимание.¹¹⁶ «Вестник Европы», например, систематически публиковал статьи П. А. Тверского и корреспонденции А. И. Зака «Из Америки». Редакция «Нивы» посвятила Соединенным Штатам специальный выпуск, вышедший в свет вскоре после большевистского переворота.¹¹⁷ В начале 1915 г. в Петрограде было образовано Общество сближения между Россией и Америкой, развернувшее активную пропагандистскую работу, направленную на формирование благожелательного отношения к США в российском обществе. Его «Известия» стали новым важным источником информации о заокеанской республике.¹¹⁸ В Общество вступили несколько известных ученых, профессионально занимавшихся изучением США или имевших возможность непосредственно ознакомиться с жизнью в Америке. В состав редколлегии «Известий» Общества и его Лекционной комиссии вошел П. Г. Мижуев, начавший свою работу в этом качестве с доклада «Соединенные Штаты и мировая война».¹¹⁹ Одним из наиболее активных деятелей Общества стал член Государственного совета И. Х. Озеров, который еще в 1914 г. входил в число инициаторов создания Русско-Амери-

¹¹² Там же. С. 531.

¹¹³ Там же. С. 534.

¹¹⁴ Там же. С. 538.

¹¹⁵ Там же. С. 584.

¹¹⁶ См., в частности: *Листиков С. В.* 1) Российская патриотическая пресса о вступлении США в Первую мировую войну (конец 1916—начало 1917 г.) // *Американский ежегодник* 1995. М., 1996; 2) *Конец самодержавия и проблема выбора пути: (Русская пресса 1917 года об американском опыте)* // *Первая мировая война: Пролог XX века*. М., 1998.

¹¹⁷ *Нива*. 1917. № 45 (11 ноября).

¹¹⁸ *Известия Общества сближения между Россией и Америкой*. Пг., 1915—1918. Вып. 1—5.

¹¹⁹ Краткий отчет о деятельности Общества сближения между Россией и Америкой // *Изв. Об-ва сближения между Россией и Америкой*. 1915. Вып. 1. Дек. С. 15—18.

канской торговой палаты в Москве.¹²⁰ Во время мировой войны Озеров опубликовал несколько статей, в которых стремился показать причины усиления позиций США на мировой арене, и теперь продолжил свою публицистическую деятельность в печатном органе Общества.

Товарищем председателя Общества сближения между Россией и Америкой был избран известный ученый-ихтиолог и общественный деятель Н. А. Бородин. Он окончил естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета; с 1899 по 1906 г. и с 1911 г. служил старшим специалистом по рыбоводству в Департаменте земледелия. Бородин являлся также членом редколлегий «Журнала животноводства» и «Известий комитета по холодильному делу», сотрудничал в «Технической энциклопедии» и в «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства», читал лекции на С.-Петербургских сельскохозяйственных курсах. Дважды, в 1893 и 1913 гг., он посетил США. Его перу принадлежало несколько специальных работ, посвященных американскому рыбному хозяйству и холодильному делу; в 1898—1900 гг. вышло в свет его двухтомное исследование «Рыбоводство и рыбный промысел в Западной Европе и Северной Америке».¹²¹ Во время мировой войны Бородин опубликовал две книги и серию статей об Америке и русско-американских отношениях. В одной из своих работ он писал, что, несмотря на существующие различия, население Соединенных Штатов «характеризуется все же одной общей чертой: это — искатели лучшей жизни или потомки таковых, это — тип колонизаторов со всеми присущими им качествами».¹²² Бурная «энергия и самодеятельность являются основными чертами американца», — продолжал он. Но «едва ли не самую характерную особенность американцев и, несомненно, самое поучительное для нас явление представляет резко подчеркнутое у каждого американца сознание национального единства». В основе этого лежит то обстоятельство, что «американская жизнь дает разительный пример единства и единообразия культуры». «Гораздо более внушительным и в политическом отношении более важным является единомыслие гражданское», т. е. «сознание единства нации и ее общих интересов», — добавлял русский исследователь. «Эта поразительная способность ассимилировать разнообразные элементы и превращать их в сплоченную сознанием единства прав и обязанностей массу американских граждан, — заключал он, — как нам кажется, является лучшим показателем того, что государственное устройство Соединенных Штатов и установленные в них порядки отвечают потребностям среднего человека в области правовых отношений».¹²³ Летом 1917 г. Бородин в качестве представителя Министерства земледелия в составе миссии Б. А. Бахметьева вновь отправился в США, где изучал состояние сельского хозяйства. Итогом поездки стали новые публикации ученого.¹²⁴

¹²⁰ *Saul N. E. War and Revolution: The United States and Russia, 1914—1921.* Lawrence, 2001. P. 15—16, 36.

¹²¹ См.: Новый энциклопедический словарь. Т. 7. С. 638; *Изюмов А. И.* Николай Андреевич Бородин // США. 1991. № 6. С. 48—50; *Изюмов А., Щелоков О.* Бородин Николай Андреевич // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 104—105; *Русская интеллигенция.* Т. 1. С. 171.

¹²² *Бородин Н. А.* Американцы и американская культура. Пг., 1915. С. 3.

¹²³ Там же. С. 6—8.

¹²⁴ *Изюмов А. И.* Николай Андреевич Бородин. С. 52.

После Февральской революции началось новое сближение между Россией и США, основанное на иллюзии о возможности союза «двух величайших демократий мира», которым, как полагали его сторонники, должно принадлежать будущее планеты. В этот уникальный исторический момент в общественном сознании России произошла стремительная трансформация представлений об Америке, которые день ото дня приобретали все более идеализированный характер. Процесс идеализации Америки достиг кульминации после вступления США в войну на стороне держав Антанты. Образ «старейшей демократии» мира, поддержавшей в трудную минуту самую юную из них, тиражировался в миллионах экземпляров печатной продукции (листовки, плакаты, брошюры и пр.). Никогда еще на Россию не обрушивался столь мощный поток информации о США. На помощь пропагандистам из Общества сближения между Россией и Америкой пришли сотрудники Американского бюро печати, основанного в Петрограде в конце 1917 г.¹²⁵ Однако победа большевиков, разрыв дипломатических отношений с США и потеря Петроградом столичного статуса коренным образом изменили ситуацию. Набиравшая в прежние годы силу петербургская американистика разделила судьбу всей русской науки. Завершилась целая эпоха в ее истории, ее поступательное развитие было нарушено, исследовательские традиции оказались во многом утраченными, а солидные наработки дореволюционной петербургской американистики по большей части не были востребованы новой властью по идеологическим причинам. Преемственность между поколениями последних российских и первых советских американистов была практически прервана. Ленинградским американистам пришлось начинать практически с нуля, а их деятельность разворачивалась уже не в столице великой империи, а в областном центре, обескровленном во всех отношениях за годы войн, революций и классовых чисток.

---

¹²⁵ См.: *Привалова Е. А.* В союзе с белогвардейской прессой : Американское бюро печати в Советской России (1917—1920-е годы). М., 1990. С. 28—36.

III. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В. П. ЛЕОНОВ

О ПОСЛАНИИ МАРШАЛЛА МАКЛЮЭНА

Впервые с известным библиофилом и издателем Колином Франклином я встретился в Кейптауне на коллоквиуме Международной ассоциации библиофилов (АИБ) в 2002 г., и с тех пор мы постоянно общались. В марте 2006 г. он пригласил меня посетить Оксфорд с целью показать свое собрание книг. По дороге к нему домой, в предместье Оксфорда — Кулем я рассказал ему о замысле своей новой книги, в которой, в частности, хотелось бы уделить место Маршаллу Маклюэну — автору «The Gutenberg Galaxy» («Галактики Гутенберга»).

Услышав имя Маклюэна, Колин посмотрел на меня и, улыбнувшись, произнес: «The medium is the message». Это одна из ключевых формул «Галактики Гутенберга» — средство передачи сообщения само является сообщением.

Видя мое удивление, Колин пояснил. В 60-е гг. он работал в издательстве «Routledge», которое решило опубликовать некоторые разделы «Галактики Гутенберга», вышедшей ранее, в 1962 г., в «University of Toronto Press». Для переговоров Колин прилетел в Торонто. Сказывалась усталость после длительного перелета из Лондона, хотелось отдохнуть. Вскоре в номере гостиницы раздался звонок: «Я — Маршалл Маклюэн, нам надо встретиться и поговорить». Тон был уверенный и категоричный. Колин попытался отказаться, тогда Маклюэн по телефону стал объяснять ему некоторые положения книги, особенно смысл формулы «The medium is the message». Колин молчал и только слушал.

Добавлю к этому рассказу несколько свидетельств о Маклюэне.

«Маршалл Маклюэн родился в 1911 и умер в 1980. К моменту смерти респектабельные ученые не воспринимали его всерьез, а популярная пресса писала о нем как об эксцентричном интеллектуале, чьи дни в медиасреде кончились так же быстро, как и начались. Но пришествие новых цифровых СМИ выставило старые технологии в новом, более резком свете и заставило нас неожиданно задуматься о медиасреде. В сумятице цифровой революции Маклюэн вновь оказался востребован».¹

«Маклюэн любил поговорить. Речь была для него естественным медиа. Он мог проспать несколько часов, а проснувшись с какой-то идеей, мог в лю-

---

¹ Вульф Г. Мудрость Св. Маршалла, Священного Глупца [электронный ресурс] // Русский журнал. 2000. 19 апр. Режим доступа: www.russ.ru/netcult/20010419_wolf.htm.

бое время позвонить другу и начать говорить об этом. Питер Друкер, знавший Маклюэна в 40-е, когда Друкер преподавал в Беннингтон-Колледже, вспоминает момент, когда ранним дождливым утром он открыл дверь и обнаружил на пороге Маклюэна, промокнувшего, но желающего побеседовать. По словам Хью Кеннера, канадца, хорошо знавшего Маклюэна в 50-е, которого Маклюэн просто заставил получить докторскую степень в Йеле и который позже стал блестящим ученым и эссеистом, Маклюэн был фанатичным говоруном, который любой фильм мог смотреть не более 20 минут, — этого вполне хватало, чтобы зарядить лекцию на весь вечер».²

В 1967 г. Маклюэн опубликовал книгу «Средство коммуникации есть сообщение», а в 1968 г. — «Война и мир в глобальной деревне»³ в соавторстве с Квентином Фиоре. Они принесли автору необычайную популярность и были «обречены» на обильное цитирование.⁴

В основе концепции Маклюэна лежит представление о том, что развитие человеческого общества в первую очередь определяется развитием средств коммуникации, причем основное воздействие средство коммуникации осуществляет не передаваемым смысловым содержанием, а своими принципами организации, внутренней структурой. Именно они, развиваясь, получают «свое продолжение применительно к формам мышления и организации опыта в обществе и политике».⁵

В другой работе «Understanding Media» («Понимание медиа») (1964) сделана попытка проанализировать место и роль средств коммуникации в современной жизни (помимо устных, письменных и печатных Маклюэн включает туда радио, кино, телевидение, деньги, одежду, жилище, часы, фото, автомобили, игры, оружие и т. п.).

«Галактика Гутенберга» и «Понимание медиа» содержат ряд теоретических положений и концепцию истории средств коммуникации Маклюэна, сформулированную не только в известном изречении («the medium is the message»), но и в терминах «глобальная информационная деревня», «горячие» и «холодные» средства коммуникации.

В начале 60-х гг. прошлого столетия, во времена интенсивного распространения средств массовой информации, обсуждения проблем коммуникаций, книги «Галактика Гутенберга» и «Понимание медиа» вызвали широкий общественный резонанс. А через сорок лет оба издания были впервые переведены на русский язык.⁶

² Там же.

³ *McLuhan M. War and Peace in the Global Village / M. McLuhan, Q. Fiore. New York; Toronto, 1968. 190 p.*

⁴ Оксфордский словарь английского языка содержит 346 ссылок на М. Маклюэна (Тюрина И. О. Великое пророчество : Философская концепция Маршалла Маклюэна // Маклюэн М. Галактика Гутенберга : Становление человека печатающего. М., 2005. С. 8).

⁵ *Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга : Сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ., послесл. А. Юдина. Киев, 2003. С. 4.*

⁶ *Мак-Люэн М. 1) Галактика Гутенберга; 2) Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.; Жуковский, 2003. Вот названия некоторых глав «Понимания медиа»: 1. Средство коммуникации есть сообщение; 2. Горячие и холодные средства коммуникации; 3. Обращение перегретого средства коммуникации в свою противоположность..; 5. Гибридная энергия; 6. Посредники как переводчики; 7. Вызов и коллапс..; 33. Автоматизация. Учиться жить.*

М. Маклюэн выделял в истории цивилизации три этапа:
первобытная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации, основанная на принципах коллективного образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира;

письменно-печатная культура («галактика Гутенберга»), эпоха дидактизма и национализма, заменившая естественность и коллективизм индивидуализмом, деколлективизацией и детрайбализацией;

современный этап существования человеческого социума, возрождающий естественное аудиовизуальное, многомерное восприятие мира и коллективность, но на новой электронной основе — через замещение письменно-печатных языков общения радиотелевизионными и сетевыми средствами массовых коммуникаций.

Когда в 1967 г. вышла книга под названием «The Medium is the Massage», многие усмотрели в этом опечатку. Между тем в действительности автор сделал это намеренно: за счет смены одной буквы знаменитый афоризм Маклюэна обрел как минимум два новых толкования — «средство информации как массаж», нечто оглаживающее, массирующее человека, исподволь меняющее законы восприятия, и «средство информации как век масс».⁷

Постоянно создавая различные технологии, человек, применяя эти технологии, постоянно изменяется под их воздействием. До изобретения письменности человек воспринимал свою среду слухово, гармонически. Изобретение алфавита и возникновение письменности, а в Новое время и создание типографского станка привели к тому, что человек начал переживать вещи как следующие одну за другой (подобно буквам в тексте), линейно и последовательно, переключили центр восприятия со слуха на зрение. На смену «племенному» человеку, жителю деревни, пришел человек «типографский и индустриальный», а линия, ряд стали основной моделью организации приложения сил. Именно типография, а вернее, технология книгопечатания, породила сборочный конвейер и первое массовое производство, т. е. нечто, разобщающее людей. С тех пор начались процессы фрагментации общества и отчуждения человека: печатное слово позволило познавать мир индивидуально, вне коллективного сознания общины.⁸

Маклюэн показывает, как переход к электронной культуре разрушает матрицу, внутри которой в свое время вынашивалась культура книгопечатания. «Любая сила, если мы не осознаем ее влияния, — подчеркивает он, — становится бедствием, особенно если мы сами же ее и создали».⁹ Культура книгопечатания обладала исторически определенными способами знания. Знание, когда-то считавшееся объективным, на самом деле зависело от особенностей печатного слова.

«Когда Маклюэн произнес свою известную фразу „the medium is the message”, он пытался поднять тревогу. По его мнению, яростные дебаты по поводу контента в СМИ — по поводу изображения секса и насилия на ТВ — полностью игнорируют суть дела. Трансформация человеческой жизни продолжается скорее с помощью носителей сообщения, нежели с помощью программ, которые они транслируют. Протестовать против этих программ бесполезно,

⁷ Тюрина И. О. Великое пророчество. С. 10.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. С. 363.

поскольку владельцы медиа всегда рады дать обществу именно то, что оно хочет. Вставить же в оппозицию к такому „программированию” — значит не только обрекать себя на одиночество и изоляцию, но и способствовать популяризации того, против чего протестуешь.

Маклюэн полагал, что послания электронных медиа несут опасность всему человечеству: они приносят весть о конце человечества как такового, существующего в последние 3000 лет с возникновения фонетического алфавита. Механическая интерлюдия между двумя великими органическими периодами культуры заканчивается в то время, как мы это видим и слышим.

Маклюэн не хотел жить в глобальной деревне, эта перспектива его пугала. Печатная культура породила человека рационального, для которого представление (видение) стало доминантой. „Человек печатный” жил в мире скорее светском, чем духовном, скорее разбитом по специальностям, чем едином.

〈...〉 когда информация путешествует со скоростью электричества, линейная четкость печати сменяется ощущением „все-здесь-и-немедленно”. 〈...〉 Нет четкого порядка или последовательности. Неожиданное превращение пространства в цельное поле „низвергает визуальный смысл”. Это и есть смысл „глобальной деревни”: мы находимся в пределах досягаемости одного голоса или звука племенных тамтамов. Для Маклюэна такое будущее несло огромный риск массового террора и было чревато ужасом». ¹⁰

«Электронная вселенная — это не что иное, как бессовестный обманщик, открытое выражение Антихриста», — написано не критиком Маклюэна, а им самим.

«„Месседж” Маклюэна проник в устную культуру электронного века, и никакая научная критика или едкие насмешки уже не смогут вывести его из обращения. Маклюэна продолжают цитировать не только потому, что его высказывания остроумны, но также и потому, что они так и не были поняты. Если бы они были аккуратно упакованы в оболочку систематической социологии СМИ, общество бы их поглотило, усвоило и спокойно забыло. Его фразы похожи на строки из стихов или песен — они несут в себе мощные и двусмысленные сообщения, обращенные к новым условиям среды». ¹¹

Приведу еще несколько ключевых тезисов Маклюэна из «Галактики Гутенберга».

«Книгопечатание — это технология индивидуализма. И если в наше время этой визуальной технологии предстоит претерпеть модификацию под натиском электрической технологии, то такая же участь ожидает и индивидуализм»; ¹² «...под влиянием электрической технологии мы в наших самых обычных повседневных переживаниях и действиях становимся похожими на людей примитивной культуры»; ¹³ «...человеческий род теперь существует в условиях „глобальной деревни”». ¹⁴

Как оценить послание М. Маклюэна 60-х гг. сегодня? Оценки послания и личности самого автора в литературе неоднозначны. Соображения амери-

¹⁰ Вульф Г. Мудрость Св. Маршалла, Священного Глупца.

¹¹ Там же.

¹² Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. С. 235.

¹³ Там же. С. 46.

¹⁴ Там же. С. 47.

канского историка культуры П. Хаттона мне представляются наиболее аргументированными:

«Открытые электронной революцией средства организации и представления знания сделали возможной более вдумчивую позицию по отношению к ресурсам печатной культуры, аналогичную позиции рукописной культуры по отношению к устной. Медиакратическая культура заставила наших современников осознать ограниченность печатной культуры, осознать зависимость знания вообще от тех средств, через которые оно передается... *Каждая новая стадия сосуществует с уже имеющимися, вступая с ними во все более сложное взаимодействие. Память, которую сначала понимают как повторение, в конечном счете, воспринимается как воспоминание...*» (курсив мой. — В. Л.).

На надгробии Маршалла Маклюэна высечены его собственные слова: «Истина сделает тебя свободным».

Каждую стадию в истории сменяющих друг друга способов коммуникации можно связать с различным историческим представлением о памяти: устную культуру — с воспроизводством живой памяти, рукописную — с восстановлением утраченной мудрости, культуру книгопечатания — с реконструкцией далекого прошлого и медиакратическую культуру — с деконструкцией форм, из которых составлены образы прошлого. Такая схема не только кратко описывает историю памяти, но и дает возможность увидеть, как историческое знание с самого начала порождается памятью, которая в свою очередь скрывается под абстракциями историков. Задача историков — выяснить, как эта связь изменялась.¹⁵

Можно не сомневаться, что для многих читателей соображения, изложенные Г. Вульфом и П. Хаттоном, покажутся нестандартными. Мы, изучая историю книжной культуры, привыкли рассматривать стадии развития способов устной и письменной коммуникации независимо друг от друга, углубляясь в особенности каждого из них. Неспециалисты, полагаю, считают, что с внедрением электронных технологий у нас вообще не осталось нерешенных проблем. Но из заключения П. Хаттона можно сделать вывод, что, в частности, фундамент библиотеко-, библиографо-, книговедения не только не достроен, но как будто никогда и не будет достроен до конца. «Каждая новая стадия сосуществует с уже имеющимися, вступая с ними во все более сложное взаимодействие»; «задача историков — выяснить, как эта связь изменялась», — подчеркивает он. Что это означает?

Трудно не процитировать здесь выдающегося математика XX в. Германа Вейля (1885—1955): «...процесс познания начинается, так сказать, с середины и далее развивается не только по восходящей, но и по нисходящей линии, теряясь в неизвестности. Наша задача заключается в том, чтобы постараться в обоих направлениях пробиться сквозь туман неведомого, хотя, конечно, представление о том, что колоссальный слон науки, несущий на себе груз истины, стоит на каком-то абсолютном фундаменте, до которого человек может докопаться, является не более чем легендой».¹⁶

¹⁵ Хаттон П. Х. Память и изменяющиеся формы коммуникации // Хаттон П. Х. История как искусство памяти / Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб., 2003. С. 55—62.

¹⁶ Цит. по: Клайн М. Математика : Утрата определенности / Пер. с англ. Ю. А. Данилова; Под ред., предисл., примеч. И. М. Яглома. М., 1984. С. 6.

Возможно ли в принципе пробиться «сквозь туман неведомого» и двигаться в обоих направлениях, ощущая почву под ногами? Думаю, да.

Новую попытку проанализировать послание Маклюэна осуществила отечественный ученый О. И. Тарасова. Она прочитала «Галактику Гутенберга» параллельно с сочинением отца Павла Флоренского (1882—1937) «Обратная перспектива». В результате чтения одного текста через другой, и наоборот, в журнале «Человек» появилась публикация «Беседа о П. Флоренского и М. Маклюэна об иллюзионизме сознания, услышанная и записанная корреспондентом журнала».¹⁷

О. И. Тарасова смоделировала ситуацию смыслового (неконтактного) резонанса. У нее никогда не встречавшиеся и не знавшие о существовании друг друга, П. Флоренский и М. Маклюэн обсуждают главную проблему: как и с помощью чего осуществлялось развитие человеческой цивилизации на протяжении нескольких тысячелетий. Ход их размышлений таков.

«Есть две познавательные способности — зрение и слух, но возвеличивание, отделение и абсолютизация одной из них — зрения — создало предпосылки для развития письменной цивилизации. Письменность стала технологией, которая лежит в основе всех технологий западной культуры. Это создает серьезную конфликтную ситуацию между культурами. Обособленность визуального мышления приводит к своеобразному виду слепоты, умственной и духовной, к пассивности отъединенного сознания... Почему мировоззрение и вся жизнь превращаются в зрелищность и представление, и как исчезает Священное?.. Каким образом получается непротиворечивая, но искаженная научная картина мира, как при пассивности мысли разрушается Образ, превращаясь в тривиальный фотоснимок, а мировоззрение превращается в кино... и почему печатное слово есть остановленное умственное усилие?.. Эти вопросы задают оба автора».¹⁸

Исследуя сочинения П. Флоренского и М. Маклюэна, О. И. Тарасова приходит к заключению, что они символизируют две противоположные тенденции поисков: с одной стороны, превозносятся электронная устность и электронная глобализация (Маклюэн), с другой — утверждается необходимость возвращения к духовным первоисточкам (Флоренский). Вывод автора следующий:

«Для преодоления современной кризисной цивилизации человечеству необходимо увидеть, что консервативная революция — это не регресс: развитие человека предполагает развитие способностей самого человека, а не технологическое совершенствование вещей, которые он создает. Поэтому необходимо не движение вспять, а „*обратноперспективная переоценка ценностей*”».¹⁹

С такими выводами О. И. Тарасовой трудно не согласиться, и в этом актуальность послания Маршалла Маклюэна сегодня.

---

¹⁷ Тарасова О. И. Беседа о П. Флоренского и М. Маклюэна об иллюзионизме сознания, услышанная и записанная корреспондентом журнала // Человек. 2005. № 4. С. 13—26.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ Там же. С. 26.

IV. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

Б. В. АНАНЬИЧ

И. И. ТОЛСТОЙ И С. Ю. ВИТТЕ В СОВЕТЕ МИНИСТРОВ (ноябрь 1905—апрель 1906)

Знакомство С. Ю. Витте с И. И. Толстым в середине 1890-х гг. началось с довольно острого конфликта. К этому времени оба они занимали видное положение в петербургском обществе. И. И. Толстой еще в 1893 г. был назначен вице-президентом Академии художеств, был широко известен как сторонник ее радикальной реформы и пользовался покровительством президента Академии великого князя Владимира Александровича. В 1892 г. С. Ю. Витте возглавил Министерство финансов и очень скоро стал одним из самых влиятельных министров в правительстве Александра III, а затем и Николая II.

Весной 1895 г. С. Ю. Витте предпринял попытку приспособить здание Публичной библиотеки для помещения в нем фондовой биржи, а библиотеку перевести в Михайловский дворец, приобретенный у принцев Мекленбургских. Кроме того, во флигеле дворца должны были разместиться Электротехнический институт и один из департаментов Министерства финансов.¹ Натиску С. Ю. Витте уступили и министр народного образования И. Д. Делянов, и директор библиотеки А. Ф. Бычков. Против этого проекта энергично протестовал В. В. Стасов. И. И. Толстой устроил ему встречу с великим князем Владимиром Александровичем. Сам И. И. Толстой высказал идею использовать Михайловский дворец под национальный музей имени Александра III и подготовил об этом по поручению своего патрона специальную записку «Русский музей в память в Бозе-почившего императора Александра Александровича».²

Записка отличалась лаконичностью и четкостью формулировок. Предполагалось, что музей будет назван «Русским музеем императора Александра III» и в Михайловском дворце будут сосредоточены «все картины и статуи русской школы: а) находящиеся в императорском Эрмитаже; б) приобретенные в Бозе-почившим государем для музея и находящиеся в различных дворцах (преимущественно в Зимнем и в Царскосельском); в) некоторые из находившихся в Москве замечательных картин русской школы, как-то „Явление

¹ Толстой И. И. Дневник. 1906—1916 / Публ. Л. И. Толстой. СПб., 1997. С. 611.

² Там же. С. 612.

Христа народу” Иванова, „Представление старшин государю” Репина; г) некоторые из картин императорской Академии художеств». «Весь бельэтаж дворца должен был быть отведен под собрание русских картин и статуй». Со временем предполагалось в нижнем этаже дворца и во флигелях устройство этнографическо-исторического музея. Во главе музея должен был «стоять один из членов Императорского Дома». Подробности положения о музее должны были быть выработаны специальной комиссией.³ И. И. Толстой убедил великого князя Георгия Михайловича возглавить музей. Записка И. И. Толстого была передана императору, и вопрос об организации музея был окончательно решен. Известие о создании Русского музея вызвало восторженные отклики многих единомышленников И. И. Толстого и в первую очередь Н. П. Кондакова.

«Я получил Ваше письмо о проектах Национального Музея и все во мне поднялось! — писал из Ялты 27 марта 1895 г. Н. П. Кондаков И. И. Толстому. — Боже мой, зачем я не с Вами!».⁴ 19 апреля члены Академии художеств устроили торжественный обед в честь своего вице-президента и отправили телеграмму великому князю Владимиру Александровичу с благодарностью за возрождение «Русской Академии» и создание «Русского Музея». Таким образом, в представлении петербургской общественности эти два события оказались тесно связанными друг с другом.⁵ В Москве, однако, вызвали беспокойство слухи о передаче в Петербург новому музею лучших картин из собрания И. М. Прянишникова и картины А. А. Иванова, принадлежавших Московскому Публичному музею. «Меня засыпали вчера и третьего дня запросами на суть этого „грабежа”, как называют здесь это мероприятие Академии к наполнению нового Музея. Волнуется вся Москва...», — писал И. И. Толстому встревоженный И. В. Цветаев.⁶

С. Ю. Витте пришлось расстаться со своим замыслом передать здание Публичной библиотеки в распоряжение биржи и финансировать не только ремонт Михайловского дворца, но и содержание нового музея. Он предпринял попытку подчинить музей Министерству народного просвещения, но и в этом потерпел неудачу.⁷

Воспользовавшись влиянием президента Академии художеств, вел. кн. Владимира Александровича, И. И. Толстой добился ежегодного ассигнования из казны в 50 000 р. в распоряжение Академии на субсидирование провинциальных художественных училищ. Когда И. И. Толстой приехал к С. Ю. Витте, чтобы благодарить его за это, министр заставил его прождать в приемной полтора часа и был настолько груб, что Толстой «вышел от него, не поклонившись и не говоря ни слова».⁸ С. Ю. Витте был так раздражен своим поражением, что когда к нему обратился И. В. Цветаев с просьбой поддержать открытие в Москве музея скульптуры, то Витте заявил, что потратил на музей

³ Записка И. И. Толстого вел. кн. Владимиру Александровичу (Архив Л. И. Толстой).

⁴ Н. П. Кондаков — И. И. Толстому 27 марта 1895 г. (Там же).

⁵ Владимир Александрович оставил резолюцию, адресованную И. И. Толстому: «Передайте всем участвовавшим мою сердечную признательность за те слова сочувствия, которыми почтили наши общие с Вами начинания» (Там же).

⁶ И. В. Цветаев — И. И. Толстому 24 апреля 1895 г. (Там же).

⁷ Великий князь Георгий Михайлович — И. И. Толстому 22 мая 1895 г. (Там же).

⁸ Толстой И. И. Дневник. С. 612.

3.5 млн р.: «...народу нужны лапти, а ему строят музеи; я не дам на них ни копейки».⁹

Однако перед великокняжеским напором С. Ю. Витте устоять все-таки не мог. В первых числах июля 1895 г. великий князь Георгий Михайлович приехал к Витте на дачу просить у него 73 тыс. в год на содержание Русского музея. Витте был «неподатлив и ссылался на то, что его со всех сторон осаждают, прося денег». Тогда великий князь спросил Витте, «завтракает ли он вообще, и когда получил ответ, что это час его завтрака... попросил накормить и его министерским завтраком». «За завтраком лед растаял, и после завтрака Витте обещал все сделать, о чем просил великий князь».¹⁰

В мае 1899 г. И. И. Толстой решительно выступил в комиссии по празднованию столетия со дня рождения А. С. Пушкина против предложения С. В. Витте восстановить «Российскую академию» и способствовал тому, что оно было провалено.¹¹

Однако всего несколько лет спустя, под влиянием революционных событий 1905 г., от неприязненных отношений между С. Ю. Витте и И. И. Толстым не осталось и следа, а И. И. Толстой выступил в роли единомышленника и партнера С. Ю. Витте в Совете министров, впервые созданном в России объединенном правительстве.

19 октября 1905 г. И. И. Толстой в знак протеста против митингов, проходивших в здании Академии, подал прошение об отставке, а 21-го был уволен от должности вице-президента Академии художеств. 19 октября указом Николая II С. Ю. Витте был назначен председателем Совета министров и приступил к формированию кабинета.

27 октября И. И. Толстой неожиданно получил приглашение С. Ю. Витте занять пост министра народного просвещения.

Приглашение было передано через курьера поздно вечером. И. И. Толстой должен был приехать к председателю Совета министров на Дворцовую площадь, в казенную квартиру, куда С. Ю. Витте только что перебрался по соображениям безопасности из своего особняка на Каменноостровском проспекте. Разговор занял всего шесть минут. С. Ю. Витте прямо сказал, что уже предлагал этот пост трем лицам, но они отказались и что кандидатуру И. И. Толстого назвал император.

После мучительных размышлений И. И. Толстой на следующий день вновь посетил С. Ю. Витте с целью предупредить председателя Совета министров, что принимает его предложение, но на определенных условиях. «Несмотря на всю мою неопытность в большом административном деле, — признался И. И. Толстой, — я намерен сразу же дать новое направление деятельности министерства, так как убежден в совершенной неправильности существующего направления... Принимая место, я должен предупредить, что, как это ни тяжело, намерен немедленно расстаться с целым рядом чинов министерства, известных уже мне по репутации».¹²

И. И. Толстой назвал себя человеком «левых взглядов». «Я сторонник широкой самодеятельности общества, — сказал он, — сторонник решительно-

⁹ И. В. Цветаев — И. И. Толстому 16 июня 1895 г. (Архив Л. И. Толстой).

¹⁰ В. П. Лобойков — И. И. Толстому 8 июля 1895 г. (Там же).

¹¹ См.: *Кони А. Ф.* Собрание сочинений. М., 1968. Т. 5. С. 250—251.

¹² Мемуары графа И. И. Толстого. М., 2002. С. 37—38.

го ограничения администрации почти во всех ее нынешних правах, сторонник широкого местного самоуправления на началах всеословности, за уничтожение сословных и иных привилегий, в том числе за уничтожение привилегий дипломных, стою за автономию везде, где она практически осуществима без прямого вреда для дела и т. д.».¹³ Кредо И. И. Толстого не смутило С. Ю. Витте. Он спешил, и аудиенция длилась не более четверти часа.

30 октября в связи с предстоящим назначением И. И. Толстой был принят в Петергофе Николаем II. С императором И. И. Толстой был столь же откровенен, как и с председателем Совета министров.

И. И. Толстой сформулировал перед императором основные положения необходимой, с его точки зрения, реформы государственного строя: «1) Равенство всех перед законом, т. е. уничтожение всяких сословных и иных привилегий, 2) расширение сферы компетенции местного самоуправления, которое должно быть всеословным, с соответственным сокращением значения центральной власти и 3) равноправие всех народностей, обитающих Россию, в том числе и даже главным образом евреев».¹⁴

У императора И. И. Толстой пробыл более получаса и был растроган оказанным приемом. 31 октября последовал указ о его назначении министром народного просвещения. И. И. Толстой оставался на этом посту до 24 апреля 1906 г.

Насколько искренен был Николай II, сочувственно выслушивая рассуждение И. И. Толстого о необходимости проведения серьезных реформ, стало очевидным достаточно быстро.

Когда император рекомендовал И. И. Толстого на пост министра народного просвещения, он, разумеется, не подозревал, что только что покинувший свой пост вице-президент Академии художеств войдет в Совет министров с готовой программой существенных преобразований и активно возьмется за их проведение в жизнь. Естественно, и С. Ю. Витте не подозревал, что найдет в И. И. Толстом не просто единомышленника, но и самого активного партнера в проведении реформ в духе Манифеста 17 октября. В окончательном виде программа реформ представлена в воспоминаниях И. И. Толстого и заслуживает быть приведенной полностью, так как И. И. Толстой последовательно придерживался ее в своей общественной и политической деятельности.

«Реальная политика желательных реформ в России в предположении, что конституционная форма правления является ныне совершившимся фактом, — писал И. И. Толстой в начале 1906 г., — может быть выражена в следующих основных положениях: 1. Полное уравнение во всех правах всех сословий. 2. Полное уравнение в правах всех национальностей, в том числе и даже прежде всего как наиболее нуждающихся в этом евреев, с остальными гражданами. 3. Уничтожение всех излишних стеснений личности и в том числе прежде всего уничтожение паспортной системы во всех ее проявлениях. 4. Абсолютная веротерпимость и исключение из государственных законов всех карательных мер за преступления „против веры“. 5. Реформа аграрная в смысле покровительства мелкой собственности, обрабатываемой самим владельцем, причем реформа эта должна быть осуществлена путем прогрессивного налога на землю. 6. Издание законов о рабочих с нормированием продолжительности рабо-

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 44.

чего дня, работы несовершеннолетних и женщин, а также разработка вопроса о страховании, о профессиональных союзах и т. д. 7. Развитие принципа местного самоуправления, разработанного с определенной целью децентрализации управления, с передачей земствам и городским думам ряда функций, принадлежащих ныне правительственным органам. 8. Реформа всего учебного дела с привлечением к нему широких кругов населения и с введением выборного начала при обсуждении вопросов, касающихся школы, а также с признанием культурных прав отдельных народностей, населяющих Россию, системы образования... 9. Отмена навсегда смертной казни».¹⁵

Революционные события 1905 г. побудили И. И. Толстого к размышлениям и анализу ситуации в России. Рассмотрев данные переписи 1897 г., И. И. Толстой заключил, что в начале XX в. народонаселение империи, включая Финляндию, должно было составлять приблизительно 150 млн. Из них приблизительно 97 млн были славяне, в том числе 56 — великороссы, 25,5 — малороссы, 6,5 — белорусы и 9 млн — поляки. Поляки, как имеющие «свой собственный культурный язык», по мнению И. И. Толстого, должны были быть причислены к «инородцам». Кроме того, около 16 млн составляли различные национальные группы, исповедовавшие ислам. В результате И. И. Толстой приходил к выводу, что «русских в России всего 88 миллионов против 62 миллионов инородцев», а «в отношении культурности русские стоят далеко не на первом месте: культурнее их поляки, немцы, которых в России более полутора миллионов, финны Великого Княжества».¹⁶ Наиболее многочисленными народами И. И. Толстой считал поляков (9 млн) и евреев (около 6 млн), по численности за ними следовали литовцы и латыши (около 4 млн) и армяне (около 2 млн).¹⁷ И. И. Толстой полагал, «что русская революция нашла самых лучших пособников в среде именно поляков и особенно евреев», хотя «начальный толчок ... движению против русского правительства и его режима был дан не этими народностями, а маленькою Финляндиею, считавшеюся в царствование Александра III образцом лояльности и любви к династии». «Финские патриоты» выступали в роли организаторов разного рода «съездов революционеров», и «Финляндия стала убежищем преследуемых в России и базисом для революционной армии».¹⁸

Однако едва ли не главную причину развития революционного движения в России И. И. Толстой видел в политике правительства. По его мнению, «оно со времени великих реформ... в течение 40 лет не только не сделало ничего в развитие этих реформ, но, напротив, или портило по мере сил уже сделанное, или оставляло без внимания недоделанное». Русское правительство, особенно в царствование Александра III, проводило по отношению к инородцам политику обрусения, «стараясь осуществить идеал, объявленный когда-то московскими патриотами, вызвавшийся в знаменитом изречении: „Православие, самодержавие, народность“, якобы воплощающем идеалы русского народа». Однако плодом этой политики стала усилившаяся ненависть «инородцев ко всему русскому режиму, а у отдельных националистов — ко всему русскому вообще».¹⁹

¹⁵ Там же. С. 317.

¹⁶ Там же. С. 285—286.

¹⁷ Там же. С. 286.

¹⁸ Там же. С. 287—288.

¹⁹ Там же. С. 287—289.

И. И. Толстой не сомневался в исключительной важности в революционном движении национального вопроса.

По убеждению И. И. Толстого, из 88 млн русских 70 или 75 млн так или иначе были связаны с землей, но правительство ничего существенного не сделало для разрешения другого «кардинального вопроса русской жизни» — аграрного. Он видел выход из положения в «переходе крупных земельных участков, обрабатываемых наемным трудом, а тем более совсем не обрабатываемых, лежащих втуне, в руки землеробов-крестьян и во введении прогрессивного налога на землю».²⁰ Мемуары И. И. Толстого свидетельствуют о его знакомстве с учением К. Маркса и К. Каутского. Отказывая социализму «в признании целиком», И. И. Толстой считал, что правительство должно было узаконить права рабочих вступать в профсоюзы, разрешать стачки, не поддерживать фабрикантов в экономической борьбе с рабочими, не вмешиваться «в договорные отношения между предпринимателями и рабочими», заботиться об их здоровье и безопасности.²¹

Однако «несравненно... важнее и аграрного, и рабочего законодательств» для И. И. Толстого были «мероприятия в области народного образования». Оно одно, по его мнению, могло «из полудикарей и грубых эгоистов создать действительно сознательных граждан, а не именуемых только такими полужнаек, которыми всякие политические аферисты и авантюристы распоряжаются по своему усмотрению, обещая им всякие блага, предоставляя затем своими боками расплачиваться за свое легкоеверие».²²

И. И. Толстой имел достаточно продуманную программу усовершенствования народного образования. Задачу начальной школы он видел в том, чтобы научить «отлично читать и писать на родном языке», а также сообщить молодому человеку элементарные сведения по истории, географии, ботанике, зоологии и космографии. При этом он придавал большое значение упрощению орфографии и предлагал проект реформы правописания. Он называл себя сторонником совместного обучения мальчиков и девочек. В качестве воспитательного элемента допускал преподавание религии, «по преимуществу в виде изложения нравственных ее начал, учения той церкви, к которой принадлежит ребенок».²³

Среднюю школу И. И. Толстой рассматривал как этап в подготовке к высшему образованию. Что же касается высших учебных заведений, то И. И. Толстой отстаивал идею создания автономных высших школ на общегосударственные средства. Он считал возможным также основание и развитие частных и общественных высших учебных заведений, которым государство могло бы «в заслуживающих внимания случаях» оказывать финансовую поддержку.²⁴

В разработке реформ И. И. Толстой исходил из следующих принципов: «интересы личности должны всегда стоять на первом плане», роль государства «должна заключаться в защите слабых от сильных» и «интересы большинства должны быть ему ближе, чем интересы немногих», «деятельность

---

²⁰ Там же. С. 290, 300—302.

²¹ Там же. С. 302—306.

²² Там же. С. 307.

²³ Там же. С. 308—310.

²⁴ Там же. С. 314.

государства начинается там, где сил отдельных лиц или общественных организаций не хватает для осуществления справедливых и законных желаний граждан» и, наконец, правительство в своей деятельности должно опираться на «принципы права и справедливости, руководствуясь этическими соображениями наравне с практическими».²⁵

«Гарантию прав граждан и залог правильного развития страны» И. И. Толстой видел «не в парламенте с любым количеством палат, а в широко поставленном и снабженном обширными правами местном самоуправлении». Он считал необходимым радикальную реформу земства. Превращение его во всеобщее с предоставлением пассивного и активного избирательного права «всем жителям территории, входящей в состав юрисдикции данного земства, без различия пола и состояния, с тем ограничением, что в выборах участвуют только плательщики земских налогов (начиная с минимальной суммы), проживающие в местности не менее определенного времени (например, трех лет) и достигшие известного возраста (23 или 24 лет)».²⁶ И. И. Толстой допускал возможность сохранить деление на губернские и уездные земства «с образованием мелкой земской единицы, соответствующей волости». Города с населением в 30 или 40 тыс. жителей должны были составить «земские единицы, соответствующие уездным земствам».²⁷

Земства, по замыслу И. И. Толстого, должны были получить широкие полномочия, губернские вплоть до права избрания из своей среды губернаторов, уездные — исправника, а волостные — старшину. В распоряжение земствам должны были быть переданы: местная полиция, пути сообщения, сбор податей и налогов, народное образование, почта, страховое дело и т. д. Земство должно было стать «политической школой граждан» и способствовать «осуществлению возможно лучшего представительства населения в парламенте».²⁸

Вступив в должность, И. И. Толстой назначил своими товарищами: директора Московского дворянского пансионата-приюта О. П. Герасимова и попечителя Петербургского учебного округа П. П. Извольского. Этот триумvirат и сосредоточил в своих руках всю подготовку реформирования системы народного образования.

Министерство С. Ю. Витте просуществовало всего полгода. В течение этого срока высшие школы оставались закрытыми. По поручению И. И. Толстого советы отдельных университетов и других высших учебных заведений подготовили материалы для нового университетского устава. Затем зимой 1906 г. профессорскими комиссиями под председательством И. И. Толстого был выработан общий проект нового устава для высших учебных заведений на основе широкой свободы для частной и общественной инициативы «на всех стадиях образования».²⁹ Окончательно он должен был быть внесен на рассмотрение законодательных учреждений.

13 ноября 1905 г. И. И. Толстой выступил на заседании Совета министров с докладом о реформе начальной школы.

---

²⁵ Там же. С. 295—296.

²⁶ Там же. С. 297.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 297—298.

²⁹ Там же. С. 314—316.

26 ноября 1905 г. на его основе было издано циркулярное распоряжение «О некоторых мерах к упорядочению школьной жизни».³⁰ Оно предусматривало предоставление широких полномочий советам средних учебных заведений. На их заседаниях с правом решающего голоса мог присутствовать уездный предводитель дворянства, председатель уездной управы или их заместители, а также городской голова или избранный Городской думой представитель из числа гласных. Разрешалось также создание при школах родительских комитетов.³¹

30 декабря 1905 г. И. И. Толстой выступил в Совете министров с запиской о деятельности его министерства, а 9 января 1906 г. издал циркуляр «О мерах, могущих обеспечить правильный ход занятий в средних учебных заведениях». Педагогическим советам предлагалось принимать меры против образования при учебных заведениях «ученических организаций» революционного толка.³²

В конце января 1906 г. И. И. Толстой представил в Совет министров записку об отмене процентной нормы для евреев при их поступлении в высшие учебные заведения.

Еще в 1886 г. Комитет министров принял решение ограничить «значительный наплыв в школу лиц еврейского происхождения» как распространителей материалистического взгляда на образование. Министру народного просвещения было разрешено по собственному усмотрению принимать «частные меры к ограничению приема евреев в подведомственные ему высшие и средние учебные заведения». 16 июня 1887 г. Комитет министров подтвердил это решение, отметив, что «опубликование во всеобщее сведение ограничительных постановлений относительно приема евреев в высшую и среднюю школу могло бы быть неправильно истолковано» и следует ограничиться частными распоряжениями министра. В связи с этим Министерство народного просвещения 1 июля 1887 г. циркулярным распоряжением установило следующие ограничения для лиц иудейского исповедания при приеме в учебные заведения: «в черте еврейской оседлости в количестве 10 %, в учебные заведения столиц — в количестве 3 % и во все остальные в количестве 5 % общего числа поступающих лиц».³³ Поскольку это решение было принято не в законодательном, а в административном порядке, И. И. Толстой счел возможным не только его опротестовать, но и подвергнуть резкой критике. В мемории Совета министров от 20 января 1906 г. было отмечено, что процентная норма «не основана на законе», «противна духу... школьного законодательства», «несправедлива, практически бесплодна и даже вредна», и на этом основании «граф Толстой ходатайствует об отмене особых правил, ограничивающих права евреев при поступлении в высшие учебные заведения Министерства народного просвещения».³⁴

---

³⁰ См.: Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте о мерах по усовершенствованию среднего образования // Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. : Документы и материалы. Л., 1990. С. 62—64.

³¹ *Жебелев С. А.* Граф Иван Иванович Толстой (1895—1916) // Мемуары графа И. И. Толстого. С. 399.

³² Там же. См. также: Мемория о деятельности Министерства народного просвещения. Не позднее 25 января // Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 211—212.

³³ См.: Мемория Совета министров 20 января 1906 г. // Там же. С. 196.

³⁴ Там же. С. 197.

Большинство членов Совета министров (князь А. Д. Оболенский, В. И. Тимирязев, И. П. Шипов и Н. Н. Кутлер), включая С. Ю. Витте, одобрили предложение Толстого. Однако Николай II настоял на том, чтобы это решение было отложено. 2 февраля 1906 г. С. Ю. Витте доложил императору о решении Совета министров. Реакция Николая II была достаточно определенной: «...еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным».³⁵

В этом вопросе Николай II занимал последовательную позицию, о чем свидетельствует известный эпизод, связанный с отказом императора уже П. А. Столыпину утвердить в декабре 1906 г. журнал Совета министров о внесении на основании статьи 87 Основных законов некоторых поправок в законодательство о евреях. Император без смущения объяснил свой поступок «веледениями» совести и «внутреннего голоса». П. А. Столыпин, естественно, был обеспокоен возможностью проникновения в прессу сведений о случившемся и попытался убедить императора «положить» на журнале более приемлемую резолюцию: «Не встречая по существу возражений против решения принятого Советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87 статьи законов основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной думы».³⁶ «При таком обороте дела, — писал П. А. Столыпин, — и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия Вашего Величества, а в настоящее время Вам, государь, нужно правительство сильное».³⁷

Если даже гораздо более скромные попытки П. А. Столыпина разрешить еврейский вопрос вызвали такую реакцию Николая II, то поведение И. И. Толстого, его активность не могли не раздражать императора. В апреле 1906 г. правительство С. Ю. Витте было отправлено в отставку. И. И. Толстой был уволен со своего поста и не получил никаких благодарностей или отличий.

К 1905 г. Витте уже был известен как реформатор и сторонник ускоренного развития национальной промышленности. Он заложил основы политехнического образования в России. В 1898 г. Витте в письме к Николаю II обратил внимание императора на необходимость пересмотра крестьянского законодательства и превращения крестьянина в «персону», освобождения его от рабства и беззакония, от круговой поруки и общинной системы землевладения.³⁸ Предложение Витте было провалено в Министерстве внутренних дел. В 1902 г. Витте возглавил «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». В самом начале 1905 г. вышла в свет его брошюра «Записка по крестьянскому делу», основанная на материалах Особого совещания. Витте отстаивал в своей брошюре идеи «твердого личного права собственности», «гражданской и экономической свободы», уравнивания крестьян в правах с другими сословиями. Публикация этой своеобразной программы крестьян-

³⁵ Там же. С. 196.

³⁶ П. А. Столыпин — Николаю II 10 декабря 1906 г. // П. А. Столыпин : Переписка. М., 2004. С. 20—22.

³⁷ Там же.

³⁸ Из архива С. Ю. Витте : Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб., 2003. С. 537—542.

ской реформы не получила поддержки у Николая II. 30 марта 1905 г. «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» было закрыто, а Витте отстранен от участия в разработке крестьянской реформы. Спустя несколько лет уже в разгар столыпинской реформы Витте утверждал в своих мемуарах, что если бы совещанию под его руководством дали окончить работу, то «крестьянство, вероятно, не было бы так взбаламучено революцией». «Все революции, — писал Витте, — происходят от того, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности, ...остаются глухими к народным нуждам».³⁹ До конца не вполне понятно, почему Николай II, закрыв весной 1905 г. Особое совещание под председательством Витте, осенью 1906 г. доверил проведение аграрной реформы П. А. Столыпину.

Отставка правительства С. Ю. Витте означала смену политического курса. Программы С. Ю. Витте и И. И. Толстого в сочетании могли бы стать основой продолжения реформ, объявленных Манифестом 17 октября. Однако Николай II считал Манифест 17 октября неоправданной уступкой. В царской семье Витте обвиняли в том, что именно он вынудил императора подписать злосчастный манифест.

И. И. Толстой высоко оценивал работу первого объединенного правительства. В ноябре 1906 г. он писал С. Ю. Витте. «Вы единственный у нас настоящий государственный человек, способный вывести Россию на настоящий путь и попытавшийся по мере сил и возможностей сделать это... В каких-нибудь пять месяцев разработали и провели: 1) проект настоящей конституции, 2) сложный избирательный закон, 3) закон о печати, кто бы что ни говорил, замечательно либеральный, 4) закон о союзах и собраниях, 5) законы о стачках и об ограждении от них общепольных предприятий, 6) основные законы, 7) проект всеобщего обучения и реформу университетского устава... В шесть месяцев сделали Вы то, чего в России не было сделано за 50 лет!».⁴⁰

И. И. Толстой вовсе не считал все поступки С. Ю. Витте на посту председателя Совета министров безупречными. По мнению И. И. Толстого, «главная» ошибка С. Ю. Витте состояла в том, что он «по политическим и тактическим соображениям» пригласил на пост министра внутренних дел П. Н. Дурново, а не кого-то из своих единомышленников, чтобы не нести нравственной ответственности за действия этого министерства. Кроме того, очевидной «тактической ошибкой» С. Ю. Витте было отношение к кадетской партии. И. И. Толстой был убежден, что ее преследование со стороны П. Н. Дурново, запрещение кадетских митингов только способствовали ее популярности и «реклама преследуемой партии „порядочных людей“ была осуществлена самим правительством».⁴¹

³⁹ Из архива С. Ю. Витте : Воспоминания. Т. 2: Рукописные заметки. С. 58.

⁴⁰ Это письмо было обнаружено Р. Ш. Ганелиным в бумагах С. Ю. Витте в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке и опубликовано в комментариях к первому изданию мемуаров И. И. Толстого. См.: Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого 31 октября 1905 г.—24 апреля 1906 г. / Сост. Л. И. Толстая. М., 1997. С. 286. Об И. И. Толстом как министре народного просвещения см. также: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 232, 240, 343—344; *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* М., 2006. С. 479, 485—486.

⁴¹ Мемуары графа И. И. Толстого. С. 294.

В первой половине апреля 1907 г. И. И. Толстой несколько раз встречался с С. Ю. Витте, он только что вернулся из-за границы и обсуждал с ним общеполитические вопросы. В воскресенье 8 апреля бывший премьер заехал на автомобиле к И. И. Толстому и они в течение часа говорили о современном положении в России. С. Ю. Витте предсказывал неминуемый роспуск Думы и обрушился как на революционно настроенную, так и черносотенную печать, считал необходимым «немедленно прикрыть» «Московские ведомости», «Знамя русского народа», «Кремль» и подобные им издания крайне правого направления. По мнению Витте, ни у Николая II, ни у Столыпина не было никакого политического плана. С. Ю. Витте отмечал, что «уклонение вправо сделало в стране быстрые шаги вперед и что опасность самой бесшабашной реакции уже... налицо». Особенно он возмущался ролью всероссийского дворянства, «лишенного капли политического разума и даже порядочности». «Государь, — говорил Витте, — легко может войти во временный хотя бы союз с этой кликою, если не вошел уже, и тогда, кроме самых постыдных последствий, ничего из этого факта не последует».⁴²

И. И. Толстой продолжал поддерживать отношения с С. Ю. Витте и после 1907 г., но их встречи уже не были деловыми. Теперь их объединяло резко отрицательное отношение к П. А. Столыпину. Потеряв министерский пост, И. И. Толстой целиком посвятил себя общественной деятельности и открытой полемике с политикой П. А. Столыпина.

---

⁴² Толстой И. И. Дневник. С. 90.

Ю. А. ПЕТРОСЯН

**РЕМЕСЛО ПРИДВОРНОГО ИСТОРИКА:
КОДЖА ХЮСЕЙН И ЕГО ТРУД «УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ»**

Османская средневековая историография — отнюдь не череда ярких авторских индивидуальностей. Историками Османской династии и государства обычно становились придворные чиновники высокого ранга либо официальные летописцы царствующего султана, которые обычно назначались из числа приближенных, хорошо владевших письмом и слогом. Получая поручение написать очередную историю Османского государства, новый летописец прежде всего был озабочен должным возвеличиванием своего монарха и времени его правления. Что касается исторического прошлого, то оно обычно представлялось более или менее конспективно и хронологические рамки его могли быть разными, но чаще всего излагалась вся история династии и государства от момента их возникновения. Иногда в сочинение вводился и краткий очерк всемирной истории, чаще истории региона Османской империи. И все же, несмотря на очевидную схожесть подходов османских историков к освещению событий истории государства и Османской династии, в изложении событий своего времени они сохраняли определенную авторскую индивидуальность, чаще, правда, продиктованную своим положением при дворе султана.

В контексте темы нашей статьи конечно существенное значение имеют все известные исторические факты, относящиеся к биографии автора рассматриваемой нами исторической османской хроники XVII в. «Беда-и ул-века-’и’» («Удивительные события»), человека, занимавшего видное место в османской сановной иерархии. Его имя — Коджа Хюсейн, и он давно известен в ряду других османских летописцев XVII в. Его упомянул еще в самом начале XIX в. известнейший историк-османист Иозеф фон Хаммер. Краткие сведения об этом летописце содержатся и в ряде турецких и европейских востоковедных библиографических изданий. Отметим, что везде Коджа Хюсейн упоминался лишь как автор сочинения по всеобщей истории, в котором не излагалась история Османского государства. Между тем этот историк и государственный сановник написал в качестве второй части своего труда по всеобщей истории и другой объемистый трактат, посвященный специально истории Османского государства. Этот трактат, как это не раз бывало с подобными произведениями, три века оставался неизвестным. Более того, как отмечено выше, весьма ав-

торитетные историки-османисты считали до середины прошлого века, что такого сочинения в природе не существует. Между тем уже с начала 60-х гг. XIX в. оно покоилось в фондах Азиатского музея Российской Академии наук, будучи приобретено музеем у известного русского коллекционера восточных рукописей и иных редкостей графа Л. А. Перовского. Но прежде чем охарактеризовать историю этой рукописи, обнаруженной в фондах Азиатского музея, и до определения ее содержания и автора, вернемся к биографии историка Коджи Хюсейна. Сведения о нем, содержащиеся в исторической литературе, достаточно скудны, но все же позволяют составить краткую характеристику его жизни и деятельности.

Коджа Хюсейн-эфенди был боснийцем из Сараево.¹ Достоин внимания, что его отец был хранителем библиотеки в мечети Хусрев-паши. Особое уважение местных мусульман к этой мечети и ее ценной библиотеке сохранялось и в XX в. Нам неизвестен точный год рождения Хюсейна, но поскольку известно из текста его сочинения, что он начал составлять второй том в начале 1645 г., будучи уже отставленным от государственных должностей после 60 лет службы в султанской канцелярии, то можно полагать, что наш автор родился примерно в 1565—1570 гг. Мы не имеем сведений о том, по каким ступеням служебной лестницы прошел Хюсейн в султанской канцелярии, но, вероятно, служил он исправно и смог достигнуть высокого поста реис-ул-кюттаба — главы большой группы секретарей в канцелярии султанского дивана. Это важное ведомство в султанском аппарате власти давало, конечно, большие возможности знакомства с делами в государстве. Примечательно, что глава аппарата секретарей подчинялся непосредственно великому визиру. Не случайно, что пост реис-ул-кюттаба, который Хюсейн занял около 1636 г. и покинул в возрасте 70—80 лет, через несколько десятилетий после его смерти стал одним из ключевых в султанском правительстве, а занимавший этот пост должен был выполнять обязанности министра иностранных дел.² Трудно, конечно, сказать, насколько осведомленность в государственных делах отразилась на содержании сочинения Хюсейна, тем более что хронологически оно ограничено 1520 г., но очевидно, что уровень знаний автора в освещении османской истории определялся не только историческими хрониками его предшественников, но и теми возможностями, которые предоставили обширные материалы султанской канцелярии. Как же возник второй том сочинения Хюсейна «Беда-и ул-века-и»? Сам автор излагает историю его написания в тексте рукописи.

Когда турколог и знаток турецких средневековых исторических сочинений А. С. Тверитинова обнаружила в 1950 г. в фондах Рукописного отдела Института востоковедения в Ленинграде неизвестную рукопись, явно представляющую собой османский исторический трактат, началась интереснейшая работа по определению его характера и его автора. Эта работа, в которой участвовал автор этих строк, закончилась публикацией факсимиле рукописи с необ-

---

¹ Сведения о биографии Хюсейна см.: *Babinger F. Osmanli tarih yazarlari eserleri*. Mersin, 1992. S. 204—205. Сведения о жизни Хюсейна в этом труде предельно кратки. Более подробно изложено содержание его труда по всеобщей истории.

² О функциях реис-ул-кюттаба и его ведомства см.: *Carter V. F. Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789—1922*. Princeton, 1980. P. 55—56, 67, 70—85, 89—92.

ходимыми комментариями.³ Был сделан первый шаг в изучении еще одной страницы османской средневековой историографии.

Почему труд Хюсейна столь длительное время оставался вне поля зрения более поздних османских хронистов XVII—XVIII вв. и до середины XX в. был неизвестен историкам Турции? Хюсейн, по-видимому, не успел либо и не предполагал переписки своего труда в некотором количестве экземпляров, а потому он остался в единственном списке-автографе. Сочинение не было представлено султану, да и сам автор писал в предисловии, что создает свои труды для того, чтобы они «остались на страницах времени». Соответственно трактат, не представленный правителю, не вошел в официальную библиотеку султана или его канцелярии (об этом свидетельствуют четыре владельческие надписи в начале рукописи С-564), до того как был продан за рубеж, попал в XX в. в Россию, в коллекцию рукописей Азиатского музея.

Первые же страницы рукописи под шифром С-564 содержат, в соответствии с османской средневековой исторической традицией, сведения об авторе и его труде.⁴ Вряд ли нужны еще какие-либо доказательства того, что обнаруженная в 1950 г. в фондах Института востоковедения османская историческая хроника написана Коджа Хюсейном. И чтобы у исследователя не оставалось в этом никаких сомнений, автор сообщает, что однажды он увидел сон, который указал ему на необходимость составить вторую часть его труда, специально посвятив ее истории династии Османа. Он взялся за эту работу в весьма преклонном возрасте, потратил на нее не менее 5—6 лет и закончил ее, вероятно, около 1650 г.

То, что рукопись С-564 — плод труда того же автора, который сочинил «Удивительные события», — хранящийся в Венской национальной библиотеке обзор всемирной истории, — подтвердило и сличение этих двух рукописей по фотокопиям нескольких страниц, присланным из Вены в 1959 г. при подготовке факсимильного издания ленинградской рукописи труда Хюсейна. Выяснилось, что обе рукописи идентичны по почерку, оформлению текста и его формату. Примечательно и то, что обе рукописи не содержат ни даты переписки, ни имени переписчика. Поскольку изучение ленинградской рукописи обнаружило существенные приметы авторской правки,⁵ то, скорее всего, эта рукопись «Удивительных событий», содержащая историю династии Османа, не только уникальное сочинение, но и автограф. Еще одно подтверждение этому мы находим в предисловии, где Хюсейн излагает обстоятельства своей работы. Он сообщает, что мысль о необходимости создания второй части пришла ему в голову в тот момент, когда он собирался переписывать набело свое сочинение по всемирной истории. И он начал работу над новой частью, отложив переписку набело первой части. Вторую часть он также не переписывал набело, явно успев до конца жизни лишь составить текст османской части своего труда. А раз венская и ленинградская рукописи идентичны по почерку и авторской манере письма, то очевидно, что к сочинению Хюсейна переписчики причастны не были. В пользу версии, что Хюсейн сам переписывал обе части своего труда — всемирную историю и историю османскую, — говорит как отсутствие имени переписчика и обычного для профессиональных переписчиков колофо-

³ Хюсейн. Беда-и ул-века'и' (Удивительные события). М., 1961. Ч. 1—2.

⁴ Там же, л. 2-а.

⁵ Там же, л. 194-б, 196-б, 171-а, 240-а, 260-б, 261-а, 308-а, 308-б.

на, так и характер отмеченных авторских поправок, выполненных тем же почерком и в той же манере письма. Очевидно, были все основания считать находку второй части труда Хюсейна важным событием в османистике. Это подтвердила публикация факсимиле ленинградской рукописи и отклики на нее в научной литературе.

Конечно, традиционный жанр исторической хроники, которому неотступно следовали турецкие средневековые историографы, не оставлял места описанию иных событий, кроме деяний султана, военных походов его войска и действий султанских визирей. Но сам хронист как государственный чиновник был знаком со многими экономическими и политическими реалиями своего времени. Эти знания, хотя и весьма косвенно, но отражались в его труде. В этой связи следует охарактеризовать положение Османской империи в ту пору, когда автор «Беда-и ул-века-'и'» составлял свой обширный труд.

Хюсейн доводит свое повествование до 1520 г., когда умер султан Селим Грозный (1512—1520) и на престол взошел его сын Султан I Законодатель, известный в Европе под именем Сулеймана Великолепного. Эпоха царствования этих двух едва ли не самых знаменитых правителей империи османов была порой успешных завоевательных походов турецкого войска. Во всяком случае завоевания Селима I на Балканах, в Юго-Восточной Анатолии и в Аравии, наконец, территориальные приобретения в Северной Африке почти вдвое увеличили владения османских султанов. Этот военно-политический итог деятельности Селима I обстоятельно отражен в хронике Хюсейна, как, впрочем, и прочие военные успехи и территориальные приобретения всех турецких султанов — предшественников Селима I.

Между тем автор «Беда-и ул-века-'и'» составлял свой труд значительно позднее 1520 г. — в конце 40-х гг. XVII в., когда завоевательный порыв османской военной машины значительно ослаб, а государственная машина империи стала работать со значительными сбоями. Империя явно начала ощущать слабости в своем социально-экономическом развитии, проявившиеся с особой силой в XVII в.

Хюсейн представлял гигантские масштабы Османской империи и сложности управления государством с разноплеменным составом населения, весьма разнообразными климатическими условиями и хозяйственно-бытовыми традициями жителей страны. Правда, он прямо не формулировал сложность ситуации, да это и не было в традициях османских летописцев, но в его труде немало рассуждений о необходимости укрепления государственной власти и соблюдения законов империи.

Современному историку Османской империи ясно, что главными слагаемыми успеха турецких султанов в управлении огромным государством были последовательная политика централизации и укрепления политического единства османской державы, хорошо отлаженная военная машина, тесно связанная с тимарной (военно-ленной) системой землевладения. Наконец, то обстоятельство, что султан носил титул халифа — духовного главы всех мусульман-суннитов, — делало его олицетворением всей полноты власти не только светской, но и духовной. Все эти факторы, вместе взятые, и обеспечивали незыблемость султанской власти в качестве гаранта обеспечения могущества империи.

Конечно, турецкий хронист середины XVII в. был далек от возможностей современного историка в оценке характера османской государственности, но

значение института султанской власти, военных институтов и тимарной системы землевладения он в своем сочинении показывает. Заметим при этом, что симптомы упадка империи, которые дали о себе знать в расстройстве государственного и военного механизма, участившихся военных неудачах и ослаблении власти султана, появились уже в пору жизни Хюсейна. Они ясно не отразились в его сочинении ввиду его хронологических рамок (до 1520 г.), но отдельные заметки автора, выходящие за эти временные рамки, свидетельствуют о знании Хюсейном происходивших в его эпоху в государстве событий. Да и как могло быть иначе, если за плечами автора остались десятилетия государственной службы, в том числе несколько лет на посту реис-ул-кюттаба. Так, описывая такое важное историческое событие, как создание пехотного войска — *я* и *мюселлем* — при султানে Орхане, Хюсейн дополняет этот рассказ сведениями о ликвидации этого войска по причине обнаружившейся его низкой боеспособности уже в самом конце XVI века.⁶

Именно на рубеже XVI—XVII вв. все более и более очевидными стали признаки распада тимарной системы, представлявшей собой основу социальной структуры османского общества, краеугольный камень его государственности. Примечательно, что почти одновременно с подготовкой труда Хюсейна известный османский автор трактатов, представленных султанам Мураду IV (в 1631 г.) и Ибрагиму I (между 1640 и 1648 гг.), Кочибе́й Гёмюрджинский весьма полно и образно отразил, в особенности в первом из этих трактатов, причины упадка тимарной системы, которые заключались в том, что земли тимариотов попали в руки сановников и вельмож, лишив ратных людей их содержания. Действительно, именно в эту пору разгорелась борьба за перераспределение земельного фонда, юридически находившегося в руках государства, между тимариотами-ленниками и умножавшейся султанской бюрократией. Ситуация усложнялась и тем, что по мере уменьшения военных успехов турок и соответственно сокращения доли военной добычи тимариотов они все чаще и чаще под разными предлогами уклонялись от участия в военных походах султанов, предпочитая увеличивать свои доходы за счет хозяйственной эксплуатации своих земель и податного населения.

Другими важными симптомами начавшегося упадка государства были в пору жизни и творчества Коджи Хюсейна чудовищная коррупция и казнокрадство в среде османской бюрократии — от сановников двора султана до провинциальных чиновников всех рангов. Хюсейн, конечно, далек от обобщений, но он не раз на протяжении своего обширного труда пишет о злоупотреблениях сановников султана или о взяточничестве судей. Пишет он и об указе султана Мехмеда II относительно наведения порядка в предоставлении тимаров и оформлении его султанским бератом. Здесь тоже очевидна попытка поставить заслон злоупотреблениям в этой важной сфере.⁷ Приметами кризиса были и обострившиеся противоречия внутри господствующего класса — столичной бюрократии, борьба за власть в самой правящей элите. Все это происходило на фоне непрерывного ухудшения экономического и финансового положения страны, упадка сельскохозяйственного производства, ремесла и торговли.

Невозможно определить, насколько осведомлен был Коджа Хюсейн о серьезных проблемах своего государства, одним из хронистов которого его

⁶ Там же, л. 44-б—45-а.

⁷ Там же, л. 94-б, 374-а.

сделала судьба, но с большой долей уверенности можно считать, что автор «Беда-и ул-века-’и’» достаточно ясно представлял себе состояние тимарной системы и армии, а также видел губительные результаты коррупции и казнокрадства. В его сочинении это дает о себе знать в периодических рассуждениях о соблюдении законов, обеспечении прав тимариотов или ответственности сановников.

Уже в самом начале своего труда Хюсейн излагает в целом традиционный для средневековой османской историографии взгляд историка на значение и важность знания истории для правителя страны и должного выполнения им своих обязанностей.⁸ Историк считает возможным и нужным критически оценивать действия монарха. Так, он решительно не одобряет пристрастие султана Баязида I (1389—1402) к спиртному, его беспечность в делах управления, использовавшуюся врагами государства.⁹ Описывая события, относящиеся по времени к царствованию султана Баязида II (1481—1512), он отмечает, что этот правитель порой чрезмерно доверял ведение государственных дел своим сановникам, чьи злоупотребления ухудшали положение государства.¹⁰ Факты о недостойных поступках и корыстолюбии некоторых султанских сановников Хюсейн в своей хронике упоминает не раз.

Труд Хюсейна, подобно сочинениям его предшественников, османских хронистов, посвящен, как уже было сказано, событиям политической истории государства османов. Главное место в изложении занимают обстоятельства смены на троне властителей, их завоевательные походы, меры по укреплению султанской власти, отношения с соседями империи. В сочинении Хюсейна нет специальных разделов, освещающих социально-экономическое положение Османской империи в описываемый им период. Но в нем немало разрозненных сведений о том, как распределялись завоеванные земли, какова была налоговая политика властей, какими были цены на рынках империи. Хюсейн писал и об административном устройстве страны, ее вооруженных силах и их организации, о том, как султаны управляли покоренными землями.¹¹

Следуя традициям османских хронистов, Хюсейн очень подробно описывает борьбу османских султанов за покорение малоазиатских бейликов, за присоединение к складывавшейся огромной империи все новых и новых земель в Азии и Европе, на севере Африки. Примерно треть текста его сочинения отведена завоевательным походам султанов, а также мерам властей по сохранению империи в борьбе против внешних врагов и внутренней смуты, против проявления народного недовольства. В изложении этих событий Хюсейн очевидно опирался на своих предшественников, которых он сам называет. В их числе такие известные османские средневековые историки, как Ашыкпашазаде (род. в 1400 г., скончался в 80-х гг. этого столетия) — автор широко известного сочинения «История дома Османа»; Мехмед Нешри (умер в 1520 г.) — автор сочинения по всемирной истории, один из разделов которого был посвящен истории династии Османа; Кемальпашазаде (умер в 1535 г.) — автор также очень известной хроники под названием «История династии Османа»; наконец, в числе авторов, трудами которых пользовался Хюсейн, он называет и имя

⁸ Там же, л. 3-а

⁹ Там же, л. 93-б, 95-б.

¹⁰ Там же, л. 374-а.

¹¹ Там же, л. 43-б, 45-а, 62-а, 63-а, 94-б, 234-б, 265-а, 267-б, 277-б, 492-а.

очень известного историка Саадеддина Коджа-эфенди (род. в 1536 г., умер в 1598 г.) — автора одного из особо ценящихся в османской историографии трудов по османской истории под названием «Венец истории». Мы отметили эти сочинения как наиболее значимые источники при составлении Хюсейном его компилятивного труда, что было неизбежным следствием османской исторической традиции. Но Хюсейн стремился творчески использовать материал своих предшественников. В своем труде он не просто излагает материал разных авторов по поводу одного и того же исторического события, но порой считает нужным изложить свое мнение о том, чья версия, с его точки зрения, в данном случае наиболее убедительна. Этот подход автора «Удивительных событий» особенно очевиден, например, при описании похода султана Баязида I против Бурханеддина Сивасского в 1395—1396 гг.¹² В сравнении с изложением этого похода Саадеддином, Хюсейн значительно более подробен и критически относится к датировкам Саадеддина и его источникам. Вообще, следует отметить, что Хюсейна отличает очевидная самостоятельность суждений и не очень свойственная османским средневековым историкам готовность к критической оценке своих предшественников при описании событий, известных автору из различных источников. Это весьма заметно, например, при изложении Хюсейном истории создания при султানে Орхане иррегулярных воинских частей,¹³ а также мятежа Шах-кулу в 1511—1512 гг. в Анатолии.¹⁴ Сравнение этих и ряда других исторических эпизодов хроники Хюсейна с соответствующим изложением одного из главных источников Хюсейна Саадеддина наглядно свидетельствует, что автор «Беда-и ул-века-'и'» ставил своей целью не простую компиляцию, а подготовку нового исторического труда, учитывающего все данные, которыми он располагал. Похоже, что Хюсейн, имевший по должности реис-ул-кюттаба доступ ко всем материалам, как книжным, так и архивным, султанской канцелярии, мог иметь в своем распоряжении данные источников, оставшиеся неизвестными другим османским хронистам. Не исключено, что Хюсейн, даже после отставки оставшийся на службе в канцелярии, мог, работая над своим сочинением, пользоваться теми или иными документами государственного характера для критического осмысления материала традиционной османской историографии. Во всяком случае ему удалось составить наиболее полный свод истории Османского государства и тем самым занять достойное место в османской средневековой историографии.

Чтобы полностью оценить значение и место сочинения Коджи Хюсейна в череде османских средневековых летописцев, стоит кратко охарактеризовать турецкую историографию эпохи Хюсейна и его предшественников.¹⁵

Прежде всего заметим, что османская историческая традиция была ко времени Хюсейна сравнительно молода, ее истоки восходят к середине XV в. Первые сведения об истории османов содержало известное поэтическое произведение Ахмеди «Искендернаме». За этим последовало историческое сочинение Ашыкпашазаде «История дома Османа». Во времена султана Мехмеда Фа-

¹² Там же, л. 89-а, 92-а.

¹³ Там же, л. 45-а.

¹⁴ Там же, л. 386-а—388-а.

¹⁵ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi*. II cild, 2 baskı. Ankara, 1964². S. 601—605; III cild, 2 kısım. Ankara, 1954. S. 496—502.

тиха и султана Мурада II появились сочинения Кашифи «Газаннаме-и Рум» и посвященный османской истории труд Абдуррахмана Бистама. Затем последовали исторические сочинения об османской истории, написанные Шюкрюллахом (на персидском языке), Таджизаде Джафером Челеби — «Дюстюрнаме». Оба этих труда относятся ко второй половине XV в. В конце XV—начале XVI в., в особенности в эпоху султана Баязида II, число историков, занятых историей государства османов, заметно возросло. В этот период появились сочинения Ашыкпашазаде, Нешри, Кятиба Рухи и Оруд-бея. Ашыкпашазаде и Нешри представляют сегодня классику османской историографии. За ними в этом ряду следует Ибн Кемаль с его историей османов, сочинения по османской истории, написанные Идрисом Битлиси (на персидском языке, по указу султана Баязида II) и Лютфи-пашой. С середины XVI до середины XVII в. появилось несколько значительных сочинений по османской истории. Они принадлежали перу таких известных ныне авторов, как Саадеддин-эфенди («Таджут-теварих»), Селяникли Мустафа-эфенди, Ибрагим Печеви, Кятиб Челеби, Солакзаде, Карачелебизаде Абдулазиз-эфенди, Хюсейн Хезарфен, Мюнеджимбаши Ахмед Деде. Некоторые из названных авторов писали не только труды по всеобщей и османской истории, но и начали составлять описания организации Османского государства и его законодательства. И. Х. Узунчаршылы в числе историков, творивших в середине XVII в., называл и Хюсейна-эфенди из Боснии — автора всемирной истории «Беда-и ул-века-’и’». Труд И. Х. Узунчаршылы, изданный в 1954 г., подтверждает, что историкам-османам, особенно авторитетным из которых был этот турецкий исследователь, ничего не было известно о второй части труда Хюсейна. Как видим, предшественников у Хюсейна было сравнительно немного — 20—25 авторов, при этом не все они писали специально об истории государства османов. И его труд, как отмечено выше, выделяется подробным изложением фактов, определенной критичностью в их оценке, самостоятельностью авторских суждений. Надо отметить, что автор «Беда-и ул-века-’и’» сделал безупречный выбор, решив опереться на данные этих трудов, которые и по сей день входят в число наиболее достоверных и обстоятельных османских хроник. Это один из существенных признаков высокого профессионализма самого Хюсейна.

Возникает вопрос, почему Хюсейн предпочел остановить свое изложение на 1520 г. Только ли возраст и здоровье не позволили ему довести повествование до своего времени — первой половины XVII в. Конечно, принять эту версию можно, тем более что через несколько лет после завершения своей работы Хюсейн умер. Но, поскольку автор был не просто историком, но и искусственным в политике государственным чиновником, возможно и иное объяснение.

1520 год не был, конечно, сколь-нибудь заметной вехой в том процессе упадка Османской державы, которыми были отмечены конец XVI—начало XVII в. Султан Сулейман I, который занял трон после умершего в 1520 г. Селима I, еще более четырех десятилетий продолжал завоевательные войны на западе и востоке своей империи. Казалось бы, Хюсейну как хронисту ничто не мешало изложить хотя бы события эпохи Сулеймана I. Но дело в том, что именно в годы правления этого государя появляются признаки военно-политического упадка империи, начинают давать себя знать существенные изменения в ее хозяйственной жизни — массовое разорение крестьян, их бегство с земель феодалов, масштабные крестьянские восстания. Все это, как известно туркологам, нашло отражение в целой серии турецких дидактических трактатов вто-

рой половины XVI—первой половины XVII в.¹⁶ Примечательно, что даже в одном из первых таких трактатов, принадлежащем перу великого визира Лютфи-паши и написанном примерно в 1564 г., автор рекомендовал власть имущим такие меры по ограничению прав крестьянства, которые обеспечивали бы полный контроль над податным населением. Но в то же время Лютфи напоминал о необходимости не слишком притеснять «реайю», не посягать на их имущество. Это сказано не случайно. Уже в первые десятилетия XVI в. очевидным стал рост недовольства крестьянских масс в Анатолии, вылившийся в несколько крупных крестьянских восстаний. Еще более мощные вспышки недовольства крестьян имели место во второй половине XVI в.¹⁷ Это были очевидные приметы неблагополучия в делах государства, на рубеже XVI—XVII вв. проявившегося в признаках распада тимарной системы — основы социальной структуры османского общества, краеугольного камня его государственности. Наконец, уже в конце XVI в. турецкая армия начала терпеть серьезные военные неудачи, которые стали более масштабными в первой половине XVII в.

Все эти факты, полагаю, были известны Хюсейну в качестве главы султанской канцелярии. И перед ним не мог не встать вопрос — как писать о событиях сравнительно близкого периода. Правдивое изложение неурядиц и неудач второй половины XVI—начала XVII в. ставило перед историком — государственным служащим непростые вопросы. Возможно, ответом на них и стал избранный летописцем хронологический рубеж — 1520 г. Но это, конечно, лишь предположение историка. Замечу при этом, что одно дело писать о социальных неурядицах и необходимости строго соблюдать законы империи применительно к периоду, отстоящему от автора и его властелина на 150—200 лет, и другое дело — описание не очень приятных властителям страны событий и фактов того времени, когда государством управляли непосредственно предшественники султана Мурада IV (1623—1640), который и назначил Хюсейна главой канцелярии султанского Дивана.

В чем значимость сочинения Хюсейна в ряду других трудов османских средневековых историографов и чем примечательна личность автора «Беда-и ул-века-’и’» для историка-османиста. Представляется, что в рамках этой небольшой статьи содержится материал для ответа на эти вопросы. Труд Хюсейна, при всей его компилятивности, несомненно представляет собой самый обстоятельный и хорошо организованный текст, содержащий максимально полный свод сведений об османской истории — от ее начала до начала XVI в. Во всяком случае сочинение Хюсейна отличается полнотой и доскональностью в сравнении с иными османскими хрониками XVII в. По значимости содержания труд Хюсейна может быть поставлен в один ряд с трактатами таких крупных историков — его предшественников, как Саадеддин, Нешри или Кемальпашазаде. Но Хюсейн, обладая способностью критического отношения к используемым источникам, делает существенный шаг вперед, излагая и сопоставляя версии этих и других авторов. Это делает труд Хюсейна, значимым

---

¹⁶ *Тверитинова А. С.* Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах XVI—XVII вв. // Тр. 25-го Междунар. конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 2. С. 401—409.

¹⁷ *Петросян Ю. А.* Османская империя: Могущество и гибель. М., 1990. С. 106—117.

в ряду османских исторических хроник и обеспечивает ему место в процессе изучения османской истории. Что же касается личности автора, то, несмотря на явно традиционный характер его карьеры, он предстает перед нами как историк, занятый своей работой без высочайшего заказа, и, что существенно, будучи уже отставленным от высокого поста реис-ул-кюттаба. Вместе с тем опыт и знания, приобретенные в период долгой государственной службы в султанской канцелярии, а также возможности использования документов позволили Хюсейну столь основательно реализовать свой замысел историка. И хотя труд Хюсейна лишь полвека назад нашел своих читателей и исследователей, его достойное место в османской историографии теперь очевидно.

У. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

И. В. ТУНКИНА

Г. А. КНЯЗЕВ И АКАДЕМИЧЕСКОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ¹

1 октября 1929 г. в 9 часов утра Г. А. Князев² впервые переступил порог Архива АН СССР. Накануне в ленинградской «Красной газете» Георгий Алексеевич, служивший в Морском архиве, случайно прочитал неожиданное для себя сообщение, что он назначен заведующим Архивом АН СССР. В те годы Князев проживал на служебной площадке в «Новой Голландии» в здании Морского архива, и перевод из военного ведомства грозил ему потерей жилплощади. На следующий день Князев встретился с начальником Ленинградского отдела Центрархива А. К. Дрезеном и выразил недоумение по поводу его нового

¹ Переработанный текст доклада 24 апреля 2007 г. на Международной научной конференции «Академический архив: История и судьбы. К 120-летию со дня рождения Г. А. Князева», организованной Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН и Объединенным научным советом по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию Санкт-Петербургского научного центра РАН при поддержке научной программы СПбНЦ РАН и гранта Комитета по науке и высшей школе Администрации г. Санкт-Петербурга.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80283.

² Князев Георгий Алексеевич (1887—1969), историк-архивист; кандидат (1936, без защиты диссертации), доктор (1960, без защиты диссертации) исторических наук. Уроженец Петербурга, из купцов (в анкетах советского времени писал — из крестьян). В детстве переболел полиомиелитом, из-за чего имел физический недостаток — одна нога была короче другой. Выпускник гимназии и историко-филологического факультета Петроградского университета (1916), слушал лекции А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и Д. В. Айналова, вольнонаемный (с 1913 г.), младший делопроизводитель 8-го класса (с 1916 г.) в Архиве Морского министерства, заведующий Историческим отделом Центрального архива флота и морского ведомства (1918), помощник управляющего, заведующий III секции 2-го отдела Главархива—Центрархива (1918—1929), преподаватель истории в средней школе (1918—1925), преподаватель на курсах при Петроградском археологическом институте (1918) и при Центрархиве (1923—1925), доцент (1925—1936) кафедры истории России и СССР XIX—XX вв. историко-лингвистического факультета ЛГУ—ЛГИЛИ (с 1930 г., с 1934 г. — исторического факультета ЛГУ, сверх штата), впоследствии профессор, читал курс по истории и практике архивного дела на кафедре вспомогательных исторических дисциплин; заведующий (1929—1936), директор (1936—1963) Архива АН СССР, старший научный сотрудник-консультант Ленинградского отделения Архива АН СССР (1963—1969).

неожиданного назначения, на что получил ответ: «Перевод Ваш — требование общественности. Вы обязаны подчиниться. После долгих переговоров с Академией Секция научных работников остановилась на Вашей кандидатуре. Относительно жилплощади не беспокойтесь».

Оказалось, что вопрос о назначении Князева заведующим был решен еще на Втором Всесоюзном архивном съезде в Москве в июне 1929 г. Именно Дрезен выступил на съезде с докладом о постановке архивного дела в Ленинграде и заявил о «полном неблагополучии» как с личным составом, так и с «незаконным хранением» политических материалов в Академии наук. «Речь Дрезена была накаленная, решительная, боевая, — вспоминал Князев. — Его слушали с большим вниманием, а когда он произнес: „А знаете ли вы, кто в Академии наук является заведующим академическим архивом?“. Сделав остановку, он выпалил как из пушки: „Некто Путилов.³ А кто такой Путилов? Бывший директор Департамента общих дел Министерства царского правительства, специалист по еврейским делам“. По залу пронесся гул, некоторые даже привскочили с мест, в том числе и я, удивленный, пораженный».

На заседании членов Центрархива, в котором участвовали вновь избранный академик М. Н. Покровский и один из основателей Комакадемии В. В. Адоратский, в то время заместитель директора Института Ленина, А. К. Дрезеном была выдвинута кандидатура Князева на пост заведующего Архивом АН СССР. Этот выбор не был случайным. Георгий Алексеевич был членом-основателем Союза российских архивных деятелей (март 1917—1918) и с первых лет советской власти принял участие в создании органов Центрархива в Петрограде, являлся ученым секретарем Революционного отдела Архива Военно-Морского Флота (1925—1929) и заведующим историческим отделом XVIII—начала XIX в. в Архиве флота и морского ведомства, доцентом (по совместительству) ЛГИЛИ—ЛГУ, неоднократно выступал на петроградских и всероссийских архивных конференциях и съездах с докладами по методике и практике архивного дела (1920, 1925, 1929).⁴

Центрархив и Секция научных работников три месяца согласовывали кандидатуру Князева с руководством Академии наук. Академия выставила собственных кандидатов: академик С. Ф. Платонов предлагал Б. А. Романова,⁵

³ Путилов-Янович Алексей Сергеевич (1876—1931), историк-архивист, юрист, специалист по административному праву. До 1917 г. директор департамента МВД, в годы Первой мировой войны — офицер, в годы советской власти неприменный ученый секретарь Петроградского отделения Главархива (с января 1922 г. — Центрархива), заведующий отделом частных архивов, сотрудник Музея Революции, заведующий Архивом РАН (1925—1929). Арестован в ночь с 19 на 20 июля 1922 г., но вскоре освобожден по ходатайству С. Ф. Платонова через Комиссию по улучшению быта ученых, вновь арестован по «академическому делу» 15 февраля 1930 г., приговорен к высшей мере наказания 10 мая 1931 г., расстрелян 17 мая 1931 г.

⁴ Князев Г. А. 1) Архивная терминология : (Опыт определения главнейших архивных терминов) // Архивное дело. 1926. Вып. 2. С. 50—52 (без подписи; доклад на IV Петроградской конференции архивных работников (1920 г.)); 2) Об архивном фонде // Протоколы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР, 14—19 марта 1925 г. М.; Л., 1926. С. 256; 3) К вопросу о рационализации справочно-ориентирующего аппарата к архивному материалу : Резолюция по докладу на 2-м архивном съезде // Архивное дело. 1929. Вып. 2 (19). С. 35, 108—109 (резолюция по докладу).

⁵ Романов Борис Александрович (1889—1957), историк, специалист по истории Древней Руси, внутренней и внешней политики России конца XIX—начала XX в. Вы-

непременный секретарь С. Ф. Ольденбург — профессора С. Н. Чернова.⁶ С. Н. Чернов и Б. А. Романов сами отказались от должности заведующего академическим Архивом. Чернов, университетский товарищ Князева, хорошо знал его как опытного архивиста. Сергей Николаевич сумел доказать Ольденбургу, что кандидатура Князева — самая подходящая для академического Архива, поэтому к концу сентября она была одобрена административным руководством АН СССР. 30 сентября 1929 г. Г. А. Князев был принят С. Ф. Ольденбургом, который за месяц до своей вынужденной отставки встретил его «приветливо и просто». «Меня поразило, — вспоминал Князев, — что при этом не было никаких формальностей и не было вручено мне никакого „мандата“. Только на словах — принимайте архив и приступайте к работе».⁷

Впервые придя в Архив, Князев был поражен «чистотой и внешним порядком» в хранилищах. «Но с архивной точки зрения как специалист я должен был констатировать полное отсутствие систематизации материалов по принятому к тому времени в советских архивах — по фондам, коллекциям, разрядам; описей за малым исключением не было... Юридически архив мне никто не сдавал». Он принял его по фактическому наличию. В конце первого рабочего дня Князев запечатал помещения Архива и назначил дежурного для закрытия и открытия помещений, ввел книгу с расписками дежурного по Архиву.

Тот факт, что Князев не был членом партии, удивлял многих. «В Академии распространились слухи... — вспоминал Георгий Алексеевич, — что я будто бы снабжен особыми полномочиями от Централархива и от партии. Это... помогло мне отчасти и в моей дальнейшей работе по организации всего архивного дела в Академии наук. Со мною принуждены были считаться и такие

пускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1911), ученик А. Е. Преснякова, сотрудник Централархива (1918—1929), с 1918 г. преподаватель Высших пехотных командных курсов, ассистент, доцент Петроградского университета (1919—1927), научный сотрудник, действительный член Ленинградского отделения Института истории Российской ассоциации научных институтов общественных наук—Ленинградского отделения Коммунистической академии (1927—1929), репрессирован по «академическому делу» (1930), отбывал срок в лагере на Беломорско-Балтийском канале (1930—1933), затем подвергся высылке на 101 км, с 1941 г. старший научный сотрудник ИИМК АН СССР, преподаватель, профессор исторического факультета ЛГУ (1944—1951), старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР (1944—1957), неоднократно подвергался гонениям и проработкам. См.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

⁶ Чернов Сергей Николаевич (1887—1942), историк, декабристовец; доктор исторических наук (1937, без защиты диссертации). Из купцов. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1912), ученик акад. А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Спицына, А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова, С. В. Рождественского, приват-доцент историко-филологического факультета Петроградского университета (1917—1918), доцент, профессор Саратовского университета (1918—1928), с 1928 г. председатель Ленинградской комиссии по изучению декабристов и их времени, ученый секретарь Комиссии по истории знаний (1929—1931), сотрудник Института истории науки и техники АН СССР (1932—1940), профессор Института народов Севера АН СССР, заведующий кафедрой русской истории исторического факультета Ленинградского городского пединститута, профессор Горьковского университета (с 1937 г.). Умер в оккупированном Детском Селе (г. Пушкин Ленинградской обл.).

⁷ ПФА РАН, ф. 929, оп. 2, д. 704.

деятели АН, как академики Никольский, Перетц, Карский, а впоследствии академики Вернадский и Крылов. Последние даже прониклись ко мне не только вниманием, но и уважением, но все же оставались, как мне казалось, и насто-роже».

Настороженность по отношению к Князеву старых членов АН вполне объяснима. В октябре 1929 г. якобы «неожиданная» находка части документов Третьего Отделения и документов членов императорской семьи в Библиотеке АН, Пушкинском Доме и Археографической комиссии, инициированная Центрархивом во главе с М. Н. Покровским, стала поводом к «академическому делу», или «делу историков» (1929—1931),⁸ аресту в феврале 1930 г. и расстрелу в 1931 г. заведующего Архивом АН СССР А. С. Путилова, хотя в самом Архиве АН никаких «компрометирующих» документов обнаружено не было. Направление Князева в академический Архив в годы коренной реорганизации и насильственной советизации Академии наук совпало с началом гонений на ученых «старой школы», с разгромом дореволюционной русской исторической науки, внедрением марксизма в общественные науки. Работа правительственной Комиссии по проверке аппарата учреждений АН СССР для выявления «чуждого и антисоветского элемента» под руководством Ю. П. Фигатнера (1 августа—11 декабря 1929 г.) привела к массовым чисткам в АН.

Еще долгие годы Академия не могла отойти от этих потрясений. Центрархив состоял в ведении ВЦИК, а его руководитель М. Н. Покровский рассматривал свое ведомство как орудие «классовой борьбы на историческом фронте» в противостоянии со строптивой Академией наук, в частности с академиком С. Ф. Платоновым и его учениками, умело используя «архивное дело» в собственных политических целях. М. Н. Покровский крайне нигилистически относился к использованию в практической архивной работе знаний и опыта старой, дореволюционной интеллигенции. Тем не менее административное руководство АН СССР увидело в Г. А. Князеве не «агента Центрархива», а полезного для дела архивного специалиста.

Возглавив академический Архив, Князев стремился максимально сохранить научный коллектив Архива, развивая не только архивное, но и исследовательское направление. Он стал поддерживать сотрудников, отвечавших высоким профессиональным стандартам и жестким дисциплинарным требованиям советских времен, независимо от их социального, зачастую «буржуазного», происхождения (Л. Б. Модзалевский,⁹ М. В. Крутико-

⁸ Подробнее см.: *Брачев В. С.* «Дело историков», 1929—1931 гг. СПб., 1998. С. 8—53.

⁹ Модзалевский Лев Борисович (1902—1948), историк-архивист, литературовед, специалист по истории русской науки и культуры XVIII—XX вв.; кандидат (1935, без защиты диссертации), доктор (1947) филологических наук. Сын Б. Л. Модзалевского, уроженец Петербурга. Выпускник единой трудовой школы (бывшей гимназии К. И. Мая, 1919) и факультета общественных наук ЛГУ (1925), одновременно научный сотрудник в Книгохранилище академических изданий АН СССР (1919—1921), секретарь и делопроизводитель Строительной комиссии АН (1921—1925); помощник архивиста, ученый архивист, старший ученый архивист, старший специалист, старший научный сотрудник Архива АН СССР (15 января 1925—26 июня 1948), член (с 1933 г.) и ученый секретарь (1945—1946) Пушкинской комиссии АН СССР, по совместительству и по договорам работал старшим научным сотрудником — первым штатным хранителем Пушкинского фонда (1933—1941), заведующий Рукописным отделом ИРЛИ (1943—1948), член Комиссии по истории Академии наук (с 1939 г.). В 1941 г. временно

ва,¹⁰ Г. П. Блок,¹¹ А. П. Свикуль¹² и др.). Специфика работы в Архиве предъявляла его сотрудникам высокие квалификационные требования не только в области архивоведения и документалистики, но и истории русской науки и культуры XVIII—XIX вв., а работа с документами — знания иностранных языков. Благодаря дипломатическим способностям и связям, Г. А. Князеву удалось сохранить штат наиболее квалифицированных научных работников в ходе «академического дела» и кадровых чисток 1930-х гг., в частности, предотвратить вероятный арест Л. Б. Модзалевского в 1929 г. При этом директор

уволен из ИРЛИ по сокращению штатов, в июле 1942 г. вместе с семьей эвакуирован в Елабугу, заведующий кафедрой русской литературы Воронежского университета (1942—1943), летом 1943 г. переведен в Казань. В 1944 г. вернулся в Ленинград. Ученый секретарь Музейной и Архивной комиссий АН СССР (1943—1948), неоднократно командировался в Москву, Казань, Новосибирск, Томск, Свердловск для обследования состояния эвакуированных музейных и архивных ценностей (1943—1944), доставил в ИРЛИ из Казани эвакуированные автографы русских писателей XVIII—XIX вв. (1945). 26 июня 1948 г. погиб в поезде Москва—Ленинград при невыясненных обстоятельствах (был командирован в Москву для получения автографов А. С. Пушкина из Государственного музея Пушкина). Автор свыше 120 научных трудов. См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 486—487.

¹⁰ Крутикова Мария Владимировна (1888—1974), историк-архивист, библиограф. Родилась в Царском Селе, из дворян, дочь полкового врача, жена офицера. Выпускница Царскосельской Мариинской женской гимназии (1905) и курсов новых языков Лохвицкой-Скалон (1910), жила частными уроками преподавания языков; заведующая информационно-статистическом подотделом Центрархива (1919—1925); с 1925 г. — ученый архивист, младший научный, старший научный сотрудник, заведующая читальным залом (1925—1960), заместитель директора (1943—1951) Архива АН СССР. Свободно говорила по-французски, переводила с французского, немецкого, английского, хорошо знала латинский язык. См.: ПФА РАН, ф. 7, оп. 1, д. 98, л. 58, ф. 155, оп. 2, д. 375, л. 91—93.

¹¹ Блок Георгий Петрович (1888—1962), историк литературы, текстолог, переводчик с европейских языков; кандидат филологических наук (1946). Двоюродный брат поэта А. А. Блока. Из дворян, выпускник Александровского лицея (1909), служил в Сенатской канцелярии — помощник секретаря, секретарь, помощник редактора «Сенатских ведомостей» (1909—1917); надворный советник, камер-юнкер Императорского двора (к 1914 г.). С 1918 г. начал службу в системе РАН—АН СССР: заведующий научно-издательским отделом Комиссии по изучению естественных производительных сил России (с 1918 г.), ученый хранитель рукописей Рукописного отдела Пушкинского Дома (1921—1923), одновременно управляющий делами Конференции РАН. Главный редактор, заместитель заведующего издательства «Время» (1923—1934), где редактировал собрания сочинений Р. Ролана и Стендаля. В феврале 1925 г. арестован по «лицейскому делу», сослан на Северный Урал, осенью 1928 г. вернулся в Ленинград. В феврале 1935 г. вторично арестован как «социально опасный элемент», вместе с семьей выслан в Казахстан. В конце 1944 г. по вызову Союза писателей СССР вернулся в Москву (судимость снята в марте 1945 г.). Работал по договорам в издательствах АН СССР, Пушкинского Дома, Гослитиздате (1944—1946), младший научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого (1947—1948), в 1948 г. переведен младшим научным сотрудником в Архив АН СССР в Ленинград, где работал старшим научным сотрудником (1950—1958); как член главной редакции Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова осуществлял текстологическую редакцию 1—9 томов (1950—1959), член редколлегии академического Словаря русского языка (1957—1961) и руководитель группы составления Словаря русского языка XVIII в. в Институте русского языка АН СССР (1959—1962). См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. С. 407.

¹² Свикуль Антонина Петровна (1901—?), архивариус Архива РАН—АН СССР (1919—1963).

старался оградить Архив от малоспособных и безграмотных кадров, таких, например, как единственный коммунист в Архиве в 1929—1934 гг. Н. П. Драмов,¹³ который, говоря словами Князева, был больше «занят писанием доносов, чем архивным делом». Драмов, в частности, предлагал директору уволить Л. Б. Модзалевского и «полковную даму» М. В. Крутикову.¹⁴ Г. А. Князев вспоминал: «Я не вступал с Драмовым в пререкания, делал все, чтобы удержать Модзалевского и Крутикову на работе. Это мне... удалось, а с Драмовым я промучился несколько лет, пока он не был разоблачен и уволен» в 1934 г. под предлогом «реорганизации работ архива».¹⁵ Как беспартийный руководитель Г. А. Князев должен был иметь комиссара, которого не замедлил направить Центрархив, но тот через несколько дней сбежал под предлогом того, что не хочет чувствовать себя дураком в столь интеллектуальном обществе. К счастью, со временем Архив оставили в покое.

Даже война не разбросала преданных своему делу архивистов, большинство выживших в блокаду продолжали работать в стенах Архива. Несмотря на эвакуацию директора (1942—1944), коллектив не только сохранил, но и приумножил фонды архива в годы войны, благодаря чему спасенные документы до сих пор служат достоянием науки.¹⁶

Став заведующим, Князев энергично взялся за строительство архивной службы в АН СССР. По его словам, в 1920-х гг. организация архивного дела в АН СССР «не соответствовала требованиям архивной науки, давала возможность не только сокрытия, сколько неиспользования хранящихся в нем ценных научных документов».

В небольшой статье невозможно осветить все основные моменты 34-летней деятельности Князева на посту заведующего, а с 1936 г. директора Архива АН СССР. Отмечу лишь главное.

1. В период руководства Архивом Г. А. Князев юридически закрепил за Академией наук право постоянного хранения своих документов, которое фактически существовало со дня основания АН, но в первые годы советской власти юридически закреплено не было. Это позволило Архиву АН избежать час-

¹³ Драмов Никанор Петрович (27.07.1883—не ранее 1939), историк-архивист. Уроженец Егорьевской волости Сычевского уезда Смоленской губ., из крестьян, выпускник Учительской семинарии, сдал экзамены за курс гимназии, прослушал курс педагогического отделения Петроградского университета (удостоверение от 20 января 1923 г., согласно которому имел незаконченное высшее образование). Работник, помощник заведующего книжным складом книгоиздательства П. П. Сойкина (1901—1910), затем служил в Департаменте народного просвещения Министерства народного просвещения (1910—1912), служащий канцелярии Правления АН (1.10.1912—1914), исправлял должность архивариуса и журналиста Правления АН (с 1.01.1915 г.), президентом АН утвержден в должности архивариуса и журналиста Правления АН (с 16.08.1917 г.), по совместительству научный сотрудник Пушкинского Дома (с 15.09.1919 г.), помощник Управляющего делами Правления АН (с 1.04.1922 г.), научный сотрудник 1-го разряда (30.11.1925—5.10.1934) Архива АН СССР, уволен с 5 октября 1934 г. «ввиду реорганизации работ архива с выдачей выходного двухнедельного пособия», архивариус Ленинградского отделения Издательства АН СССР (с 05.07.1938 г. и в 1939 г.). Член ВКП(б). См.: ПФА РАН, ф. 7, оп. 1, д. 98, л. 36; ф. 18, оп. 4, д. 296, л. 2—3, 5 об., 6 об.

¹⁴ ПФА РАН, ф. 929, оп. 2, д. 704.

¹⁵ ПФА РАН, ф. 7, оп. 1, д. 98, л. 36.

¹⁶ Подробнее см.: *Анфертьева А. Н.* Архив АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады // *Вестник истории, литературы, искусства.* Т. 4 (в печати).

тых в 1920—1930-х гг. массовых макулатурных кампаний, проводившихся Централархивом, и сохранить для исследователей ценнейшие документальные комплексы по истории русской науки.

В 1930 г. Общим собранием АН было утверждено подготовленное Князевым «Положение об Архиве Академии наук» как центральном Архиве ведомства, куда поступают не только фонды учреждений АН, но и личные фонды ученых; определены задачи и структура Архива, его подчиненность Общему собранию и неременному секретарю.

Среди задач Архива — проведение принципа централизации архивного дела в АН, рациональное перераспределение и плановая концентрация материалов в Архиве и в отраслевых архивохранилищах, организация архивов в филиалах АН на местах; внедрение единообразных методов научно-технической обработки документов; инспекторская работа и учет документов; использование документов и введение их в научный оборот. В ноябре 1930 г. Общим собранием было утверждено «Положение об архивохранилищах Академии наук», так как около 60 учреждений Ленинграда хранили документы, в том числе более чем столетней давности.

Параллельно Архив начал работу по выявлению, учету и концентрации документов выдающихся ученых в своих фондах. Среди рассеянных по учреждениям АН оказались материалы Д. Мессершмидта, Леонарда Эйлера, М. В. Ломоносова, П. С. Палласа, К. М. Бэра, переписка братьев Ковалевских, архив Б. С. Якоби и др., из Рукописного отделения Библиотеки АН поступили архив Российской Академии и часть фонда Г. Ф. Миллера.¹⁷ К 1931 г. Архив принял свыше 100 тыс. ед. хр. На основе созданной Князевым классификации и проведенному фондированию документов были сформированы фонды учреждений и личные фонды ученых, а также разряды — исторически сложившиеся коллекции. Если в 1929 г. было образовано всего 19 фондов, то к 1941 г. их стало уже более 400, а к 1963 г. в Архиве хранилось свыше 900 фондов и 16 разрядов, причем все были систематизированы и описаны. В конце 1930-х гг. в Архив АН СССР поступили фонды ликвидированных 43 учреждений, а также личные фонды физиолога И. П. Павлова, физика П. Н. Лебедева, личный фонд астронома И. Кеплера, принятый в архив по распоряжению Президента АН в 1937 г. из Главной астрономической обсерватории в Пулковке.

Право постоянного хранения документов первоначально получили только 4 академических учреждения: Отдел рукописной книги БАН, Археографическая комиссия, Музей книги, документа и письма, Институт востоковедения. К 1963 г. в Ленинграде этим правом пользовались Ленинградское отделение Института истории, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Ленинградское отделение Института народов Азии, Ленинградское отделение Института археологии, Ленинградское отделение Института этнографии, архив Главной астрономической обсерватории в Пулковке, фотоархив Ленинградского филиала Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии, Отдел рукописей Библиотеки АН СССР, архив Географического общества СССР, в Москве — Институт мировой литературы им. М. Горького, Институт государства и права, Институт истории, Институт археологии, Институт народов Азии, фотоархив Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии.

¹⁷ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 29, л. 18.

Постановлением СНК СССР в 1934 г. АН СССР была переведена в Москву, и в 1936 г. было создано Московское отделение Архива (МОА) для обслуживания московских учреждений в области архивного дела. После ликвидации Коммунистической академии при ЦИК СССР в 1936 г. и передачи ее научно-исследовательских учреждений в АН СССР МОА получило фонды Комакадемии при ЦИК СССР и стало комплектоваться фондами советского периода, в том числе академических подразделений и личными фондами советских ученых.

2. Ведомственная принадлежность Архива Академии наук придала ему определенную свободу и от Центрархива, подчинявшегося ВЦИК, и от НКВД, которому в 1938 г. были подчинены государственные и ряд ведомственных архивов. Благодаря умелой политике лавирования и компромиссов, проводившихся Г. А. Князевым, Архив АН СССР стал островком «демократии» в архивном мире в период тотального закрытия архивов для ученых и повсеместного создания «спецхранов». Однако эту относительную свободу удалось получить лишь благодаря четкому выполнению требования Центрархива о передаче «непрофильных» документов из АН в государственные архивохранилища.

В январе 1930 г. при Президиуме была создана Комиссия для перераспределения архивных материалов Академии наук (КРАМ) сначала под председательством Е. В. Тарле, вскоре арестованного по «академическому делу», затем под председательством востоковеда акад. А. Н. Самойловича (арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г.). Членом КРАМ состоял и Г. А. Князев (1931—1932). К 1933 г. КРАМ в основном закончила свою работу, при этом значительная часть «посторонних и ненужных» документов из собраний академических учреждений, в том числе из Архива АН СССР, была передана в Ленинградское отделение Центрархива.¹⁸

После передачи значительной части документов в госархивы Архив АН СССР перестал представлять интерес для власти, тем более что во главе его стоял ставленник самого Центрархива Г. А. Князев. Проявляя способности к лавированию сначала между Академией и Центрархивом, затем между АН СССР и ГАУ НКВД, Георгий Алексеевич пытался сохранить либеральные академические традиции и неуклонно придерживался принципа открытости архива для исследователей — читальный зал работал даже в годы блокады. Тем не менее по настоянию Отделения истории и философии АН СССР директор был вынужден создать «спецхран», но для хранения лишь ограниченного круга документов, например известного письма И. П. Павлова о религии. В Архиве АН СССР в отличие от других архивов ни один фонд не был закрыт по политическим или другим мотивам. Но ограничения на доступ к ряду документов, в частности для фондов Коммунистической академии и ее Ленинградского отделения, сохранялись весь советский период. Следует сказать, что передача в 1936 г. архива Комакадемии именно в Архив АН СССР, а не в систему ГАУ НКВД спасла его от чисток, благодаря чему он дошел до нас в первоизданном виде.¹⁹ Заметим попутно, что вывезенные из Германии после Второй ми-

¹⁸ См., например: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 29, л. 6—7.

¹⁹ *Осипова Н. М.* Архив АН СССР (1917—1941): Проблемы организации, комплектования, хранения и использования документации научных учреждений : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 24, 25, 27.

ровой войны научные материалы Академии в Галле были возвращены в ГДР в конце 1950-х—начале 1960-х гг.

3. Стремление к открытости фондов и максимальной доступности информации для исследователей превалировала и в издательской деятельности Архива. Политика свертывания публикаторской работы в 1930—1950-х гг. в Центральном архиве и ГАУ НКВД, к счастью, не затронула Архив АН СССР. С 1930 г., как и во всех архивных учреждениях, в Архиве АН СССР стали составляться годовые планы работ.²⁰ Первоначально все силы архивистов были брошены на учет, классификацию документов по фондам и разрядам, рациональное размещение документов и создание топографии архивохранилищ, разбор неразобранных фондов, выделение макулатуры и создание научно-справочного аппарата. Однако со временем в планах Архива АН СССР в отличие от других архивов стала превалировать научная тематика.

С 1933 г. по инициативе и под редакцией Г. А. Князева Архив АН стал издавать серийное издание — собственные «Труды», в том числе первые в стране «Обозрения архивных материалов», раскрывшие перед исследователями богатейшее содержание документов архива. К моменту ухода Князева с поста директора, т. е. к 1963 г., их вышло 19 выпусков, в том числе 5 томов обозрений архивных материалов, а также ряд широко известных фундаментальных публикаций, обогативших мировую и отечественную науку. Среди них «Ученая корреспонденция: Научное описание 1766—1782», составленное И. И. Любименко, научное описание рукописей М. В. Ломоносова, подготовленное Л. Б. Модзалевским (1937), «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.», составленные В. Ф. Гнучевой (1940), двухтомная «История Сибири» Г. Ф. Миллера (1937, 1941). После войны были изданы подготовленные еще в довоенный период монография В. Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии наук XVIII в.», сборник «Документы по истории изобретения фотографии: Переписка Х.-Н. Ниепса, Ж.-М. Даггера и других лиц», составленный Н. М. Раскиным (1949), научные описания архивных фондов И. П. Павлова (1949), Б. Б. Голицына (1952), И. П. Кулибина (1953), 9-й (1955) и 10-й (1957) тома собрания сочинений М. В. Ломоносова и др. Академические архивисты широко контактировали с учеными разных специальностей, что способствовало подготовке изданий на высоком научном уровне.

В 1938 г. при Архиве была создана Комиссия по истории АН под председательством акад. С. И. Вавилова (при заместителе Г. А. Князеве) с целью подготовки ее двухтомной истории, действовавшая до 1951 г. В 1952 г. подготовленные редакции текста истории АН были переданы для доработки и издания в только что открытый Институт истории естествознания и техники АН СССР. В 1949 г. по докладу Князева на Общем собрании АН по истории науки в Ленинграде²¹ было принято постановление о создании на базе Архива АН Всесоюзного архива науки и техники, так как фонды выдающихся ученых поступали нерегулярно, отсутствовал какой-либо учет материалов умерших ученых. Однако реально архив организовать не удалось из-за отсутствия помещений и средств. Достаточно сказать, что на момент реорганизации Архи-

²⁰ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 29, л. 29—31.

²¹ *Князев Г. А.* Работа Академии наук над своей историей // Вопросы истории отечественной науки: Докл. на Общем собрании Академии наук СССР 5—11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 799—815.

ва АН СССР в 1963 г. общая площадь всех помещений и в Москве, и в Ленинграде составляла всего 1626 м², а штатная численность насчитывала 46 человек (при реорганизации штат Архива в Ленинграде был сокращен сразу на 9 единиц с передачей их в Москву,²² несмотря на то что объем хранения в Ленинграде всегда превышал количество единиц хранения в Москве).

4. Заслугой Г. А. Князева является разработка концепции и создание научно-справочного аппарата Архива. Впервые были заведены реестр фондов, реестр описей, книга поступлений, составлены картотека фондов и указатели к ним. Под его руководством была создана система взаимосвязанных тематических каталогов по ключевым направлениям научных исследований в области истории АН, истории учреждений, экспедиций, отдельных научных дисциплин, а также персоналии отдельных ученых. Для создания каталогов привлекались консультанты — ведущие ученые по отдельным отраслям знаний. Таким образом, Архивом была создана информационная база для максимально широкого доступа и использования архивных материалов.

5. Научно-исследовательская работа была тесно связана с разработкой теоретических вопросов архивоведения. В 1933 г. Г. А. Князевым был организован научно-методический кабинет архивоведения для руководства сетью академических учреждений, а в 1938 г. — Ученый совет под председательством акад. И. Ю. Крачковского (при заместителе Г. А. Князеве) с целью обеспечения «высокого научного уровня» исследований и публикаций и для осуществления координации научного руководства всех специальных архивохранилищ АН СССР. Единственным на долгие годы методическим руководством для академических архивистов стала брошюра Г. А. Князева «Теория и техника архивного дела : (Опыт систематического руководства)» (Л., 1935).²³ Георгий Алексеевич разработал и издал «Инструкцию по ведению, систематизации и хранению научной и деловой документации (делопроизводства) в учреждениях АН СССР» (М.; Л., 1938), а в 1939 г. Президиум утвердил разработанный им «Перечень дел и документов» академического делопроизводства со сроками их хранения (опубликован в 1940 г.).

Г. А. Князевым были впервые определены источники и принципы комплектования и описания научно-исследовательских документов, в том числе личного происхождения,²⁴ определены принципы хранения²⁵ и теоретически разработаны принципы учета²⁶ научно-исследовательской документации. Для классификации документов делопроизводства учреждений им был создан регистратур-план, положивший основу десятичному классификатору²⁷ науч-

²² ПФА РАН, ф. 7, оп. 1, д. 1543, л. 27.

²³ Князев Г. А. Теория и техника архивного дела: (Опыт систематического руководства). Л., 1935. Перевод на китайский язык вышел в Пекине в 1956 г.

²⁴ Пособие по обработке, хранению и использованию документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР / Под ред., с предисл. Г. А. Князева. М.; Л., 1959; Виноградов Ю. А., Нагорова З. Н. Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых в Архиве АН СССР / Отв. ред. Г. А. Князев. М.; Л., 1960.

²⁵ Методическое пособие по режиму хранения документальных материалов, рукописей и книг: (Из опыта работы Лаборатории консервации и реставрации АН СССР) / Сост. А. П. Петрова-Завгородная; Под ред. Г. А. Князева, Н. Я. Солечника. Л., 1960.

²⁶ Князев Г. А. Учет документальных материалов : (Из опыта Архива Академии наук СССР). М.; Л., 1955.

²⁷ Князев Г. А. Классификатор научно-организационной и деловой документации (делопроизводства) учреждений Академии наук СССР. М., 1955.

но-исследовательской и научно-организационной документации АН СССР с целью отбора документов постоянного хранения. В основу схемы классификации, базировавшейся на логической взаимосвязи классификационных рубрик, был положен перечень вопросов, возникавший в результате деятельности подразделений АН СССР. Совокупность вопросов делилась на 10 основных классов, каждый из которых делился на 10 отделов, индексировавшихся от 0 до 9 включительно.

14 марта 1963 г. на расширенном заседании Ученого совета Архива АН СССР отметили 50-летие непрерывной архивной работы и 75-летие со дня рождения Г. А. Князева, а уже 5 апреля Президиум АН реорганизовал Архив АН СССР — управление Архивом было переведено в Москву, ленинградская часть стала именоваться Ленинградским отделением Архива АН СССР. Г. А. Князев ушел на пенсию, но остался работать в Архиве в качестве старшего научного сотрудника-консультанта, вплоть до своей смерти продолжая заниматься историей русской науки.

При Г. А. Князеве Архив АН СССР превратился в научно-исследовательское учреждение, ставшее центром архивной системы АН СССР и прообразом для создания других научных архивов страны. И сегодня Архив РАН сохраняет традиции, заложенные Г. А. Князевым, действуя по намеченным им направлениям, обновляя и развивая основные виды архивной работы.

Сказать, что Князев отдал много энергии и сил академическому архиву, — значит ничего не сказать, он посвятил ему большую и лучшую часть собственной жизни, отдав любимому детищу всю свою душу.

VI. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

Б. Б. ДЬЯКОВ, Д. Н. САВЕЛЬЕВА

ИСТОРИЯ ПЕРЕХОДА ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В АКАДЕМИЮ НАУК СССР

В большинстве исторических работ, посвященных становлению и развитию физических и физико-технических исследований в СССР, академический статус Физико-технического института (ФТИ) принимается как данность, хотя в годы первых пятилеток институт работал, организационно и по существу, в системе промышленности и на ее нужды. Более того, с первых лет существования институт стал ядром системы научных исследований страны, работавшей на ее индустриализацию и оборону, родоначальником многих научных учреждений: Института химической физики, Украинского физико-технического института в Харькове и Физико-технического института в Днепропетровске, Уральского физико-технического института в Свердловске, Сибирского физико-технического института в Томске, Гелио-технического института в Самарканде.

В начале 1930-х гг. ГФТИ (Государственный физико-технический институт) стал центром физической мысли в СССР. Ведущее место в нем занимали научные исследования. С переходом в 1932 г. в Наркомат тяжелой промышленности, а затем (при разукрупнении наркоматов) в Наркомат среднего машиностроения возникла опасность превращения его в чисто прикладной институт. Беспокоясь о сохранении научно-исследовательского профиля института, А. Ф. Иоффе ставит вопрос о передаче его в ведение АН СССР. Окончательно вопрос решился только в 1939 г.

Вопрос перехода ФТИ из ведомства в ведомство в литературе специально не рассматривался, однако в архиве института сохранились документы, отражающие непростую общегосударственную и внутриинститутскую ситуацию в 30-е гг. XX в. Важность событий подтверждается тем фактом, что уже через несколько месяцев после реорганизации численный состав ЛФТИ увеличился с 45 сотрудников в 1938 г. до почти 200 в конце 1939 г. и до 300 на 1 января 1941 г., а 15 аспирантов института (т. е. треть от числа сотрудников!), судьба которых была под вопросом в 1938 г., вместе с другими «новобранцами» смогли продолжить свои исследования в «большой» науке. Многие из них стали ведущими учеными страны.

Об этом свидетельствует и активная работа научной общественности реорганизованного института во главе с А. Ф. Иоффе по выдвижению своих

ведущих сотрудников на только что учрежденную Сталинскую премию (в 1939—1940 гг.). На Ученом совете было выдвинуто несколько выдающихся работ в области физики и техники полупроводников, ядерной физики и физики твердого тела.¹ Этот же переход решающим образом способствовал развитию и успехам таких важнейших работ ЛФТИ на нужды обороны, как размагничивание кораблей для защиты от минно-торпедного оружия, радиолокация, и в особенности работам в области ядерной физики. Известно, что в 1938 г. ведущие ученые ЛФТИ обратились в Совет Народных Комиссаров (СНК) с письмом, обосновывающим необходимость развития ядерной физики и проведение исследований в институте.² Это направление находилось тогда под угрозой закрытия, а в результате именно оно по сути определило, развитие страны и ее положение в мире на несколько десятилетий.

Впервые вопрос о переходе ГФТИ в ведение АН СССР был поставлен в 1932 г. на заседании Президиума физико-математической ассоциации АН СССР. Условием переподчинения ГФТИ являлось его слияние с вновь организуемым Физическим институтом АН, директором которого должен был стать акад. С. И. Вавилов. После слияния этих двух институтов директором нового объединения стал бы А. Ф. Иоффе. На заседании постановили считать целесообразным передачу в ведение Академии наук Государственного физико-технического института и просить Президиум АН рассмотреть этот вопрос при разработке нового генерального договора с Наркомтяжпромом на 1933 г. Однако до окончательного разрешения дела о присоединении директором Физического института АН временно назначили акад. С. И. Вавилова. Несмотря на положительное звучание документа с резолюцией заседания, переподчинение не состоялось. Прошли годы, и после продолжительных и настойчивых хлопот А. Ф. Иоффе ГФТИ все же перешел в ведение АН СССР, однако как самостоятельный институт, и слияния с Физическим институтом АН не произошло.

По косвенным свидетельствам в сохранившихся документах того времени можно сказать, что сам Иоффе в начале 30-х гг. не принял окончательного решения о том, чтобы перевести институт в ведение Академии, несмотря на ходатайство, которое он подал. Для дальнейшего своего развития институт нуждался в больших средствах, и в этом смысле Наркомат тяжелого машиностроения имел безусловные преимущества. Кроме того, С. Орджоникидзе, возглавлявший Наркомат в это время, пользовался большим авторитетом и уважением среди физиков. А. Вайсберг-Цибульский, немецкий физик, приехавший из Германии в Россию работать во вновь созданном Харьковском физико-техническом институте, в своей книге «Россия в горниле чисток» пишет, что после внезапной смерти Орджоникидзе 18 февраля 1937 г. «было такое чувство, будто мы потеряли защитника народа от тирана. В Народном комиссариате тяжелой промышленности почти все любили наркома Орджоникидзе... Чувствовалось, что пока Серго в Политбюро и руководит тяжелой промышленностью, с нами ничего слишком уж плохого произойти не может, что он всегда в курсе дел и сможет нас защитить».³

¹ Дьяков Б. Б. Первые Сталинские премии в ФТИ : Наука и техника: Вопросы истории и теории. СПб., 2001. С. 14—15.

² Письмо сотрудников ЛФТИ НКМ СССР председателю СНК СССР В. М. Молотову об экспериментальной базе ядерных исследований // Атомный проект СССР. Т. 1, ч. 1: 1938—1945 / Под общ. ред. Л. Д. Рябова; Отв. сост. Л. И. Кудинова. М., 1998. С. 17—20.

³ Лейтунский А. И. Избранные труды. Воспоминания / ГКАЭ СССР. Физико-энергетический институт; Отв. ред. Б. Ф. Громов. Киев, 1990. С. 267.

Вопреки ожиданиям и надеждам, годы, прожитые в подчинении наркоматам, были едва ли не самыми тяжелыми в истории института. С каждым прожитым годом напряженность возрастала, и первая буря разразилась в 1936 г. на мартовской сессии Академии наук.

Неприятности мартовской сессии Академии наук

Как уже было сказано, в конце 20-х—в начале 30-х гг. институт активно действовал созданию новых институтов физического профиля по всей стране. Наряду с положительными результатами по развитию науки и техники это приводило к распылению не столь многочисленной научной элиты института и, как следствие, к необходимости усиления работы по формированию новых научных кадров и научной школы. Из-за перекоса в сторону «отпочкования» к 1937—1938 гг. в ЛФТИ оставалось слишком мало исследователей при их огромной научной и педагогической загруженности. В это время, как об этом свидетельствуют стенограммы научно-производственных активов института и материалы сессии АН СССР в марте 1936 г., решался вопрос либо о сокращении целых научных направлений (на чем настаивали директивные органы и некоторые ученые), либо, наоборот, о развитии перспективных фундаментальных исследований, в первую очередь ядерной физики, физики и техники полупроводников.

Хорошо известно, что особо важная роль в индустриальном подъеме страны отводилась науке. Авторитетнейшим научным учреждением оставалась Академия наук, и руководство страны нуждалось в поддержке и сотрудничестве виднейших специалистов в области точных наук, в том числе и физики. В мартовской сессии АН СССР 1936 г. участвовали также и представители Наркомата тяжелой промышленности, которому тогда подчинялись почти все институты физического профиля, поскольку от проводящихся в них исследований требовались открытия прежде всего прикладного характера. На этой сессии прозвучала острая критика работы физических институтов, особенно ЛФТИ и его руководителя акад. А. Ф. Иоффе, хотя институт и не входил в систему АН СССР. Отчет принимался также и от Государственного оптического института, руководимого акад. Д. С. Рождественским, и от ФИАНа, руководимого С. И. Вавиловым.

В следующем году проверка деятельности ФТИ осуществляла комиссия Наркомтяжпрома, пришедшая к выводу о неудовлетворительном состоянии исследований, что было весьма показательным на фоне политических событий тех лет. Становилось все более очевидным, что для института такого профиля, как ЛФТИ, и для его научных кадров благоприятное переустройство могло быть осуществлено только в системе Академии наук. К тому же реорганизация Совнаркома и дробление крупных наркоматов (в том числе Наркомтяжпрома) неизбежно привело бы к мельчанию тематики и узкой специализации при наличии других подобных же учреждений.

Благоприятным обстоятельством были тесные связи ЛФТИ и АН СССР. Об этом свидетельствуют издание 1936 г. по распоряжению АН сборника «Проблемы современной физики в работах Физико-технического института академика А. Ф. Иоффе»⁴ и проведение специальной сессии АН СССР (14—20 марта

---

⁴ Проблемы современной физики в работах Физико-технического института академика А. Ф. Иоффе. М., 1936.

1936 г.) под председательством Президента АН СССР акад. В. Л. Комарова. Сессия, рассматривавшаяся как «освещение достижений советской физики и ее главнейших физических школ, ФТИ и Оптического института»,⁵ вылилась в острую критику, далеко не во всем справедливую,⁶ положения в отечественной физике. Директор ФТИ акад. А. Ф. Иоффе возглавлял Группу физики в Отделении математических и естественных наук (ОМЕН), на базе которой в 1938 г. было создано Отделение физико-математических наук. Институтом, при активном участии И. В. Курчатова, было подготовлено и проведено несколько всесоюзных совещаний по физике атомного ядра, имевших и международный характер. В то же время существенным обстоятельством было желание руководства АН объединить все исследования по ядерной физике в Академии, в результате чего ЛФТИ лишился бы перспективнейшей тематики и своей ведущей роли в отечественной физике. Кроме того, были предъявлены конкретные претензии ко всем остальным работам, которые велись в это время в институте. В резолюции заседания было записано:

Наряду с достижениями работа ЛФТИ имеет серьезные недостатки, устранение которых является необходимым условием дальнейшего успешного развития физического исследования и настоятельно диктуется требованиями народного хозяйства.

Институт в ряде случаев ограничивался первой стадией исследования, не развивая последовательно начатой работы. Так были оставлены на несколько лет важные исследования по пластической деформации и прекращены работы по рентгенографическим исследованиям, по которым Институт занимал ведущее место в науке, вследствие чего инициатива в этих работах перешла к западноевропейским физикам. Связь теоретической работы с экспериментальной была недостаточна, что снижало общий уровень работ Института. В работе Института имели место также отдельные серьезные ошибки (высоковольтные аккумуляторы, тонкослойная изоляция).

Однако самым важным недостатком работы акад. Иоффе и руководимой им школы является ненадежность правильных взаимоотношений между физикой и практикой нашего народного хозяйства. Это приводило к тому, что физики не знали в достаточной степени запросов народного хозяйства и отчетливо не представляли себе сложного пути, отделяющего установление физической закономерности и ее технического использования.

Вследствие этого значительная часть исследований ограничивалась исключительно принципиальной стороной дела, что без дальнейшей проработки часто не приводило к возможности промышленного использования результатов научной работы.

Так, например, несмотря на многолетнюю работу по полупроводникам и фотоэффекту, в практических результатах мы резко отстаем от передовой заграничной техники, создавшей технически совершенные типы твердых выпрямителей. Ряд важных изобретений, сделанных у нас ранее или почти одновременно с заграницей, был разработан за границей и применен раньше, чем у нас (напр., передача изображений). Таким образом, технические проблемы, решение которых сыграло значительную роль в техническом прогрессе в ряде отраслей промышленности Западной Европы и Америки, не разрабатывались в должной мере. Наряду с этим акад. Иоффе выдвигались подчас недостаточно актуальные технические предложения (наклонные окна, дома-города, крыши из термоэлементов).

Эти предложения носили случайный характер, ориентируясь главным образом на технику будущего и упуская современные запросы, разрешение которых только создавало бы необходимые предпосылки и для техники будущего.

⁵ См.: Известия АН СССР. Сер. физики. 1936. № 1—2.

⁶ Визгин В. П. Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР // Вестник Ин-та естествознания и техники. 1990. № 1. С. 83—84.

Ряд важнейших вопросов промышленности своевременно не удовлетворялся (магнитная дефектоскопия, рентген) и те, действительно технически важные работы, которые были проделаны (стирол, ацетил-целлюлоза, ротонное литье, работы по теплопередаче), нашли свое применение с большим запозданием или вовсе не применены.⁷

После такой неллицеприятной критики нужно было предпринимать какие-то меры, для того чтобы институт имел возможность и дальше плодотворно работать. В это время в стране уже начались политические процессы и некоторые из сотрудников института, начиная с зам. директора Васильева, были осуждены и находились в местах заключения. Ученых начали сажать в тюрьмы, и критика, прозвучавшая сначала в прессе в передовицах газет, а затем и на сессии АН, имела зловещий оттенок. Ситуация была непростой, однако Физико-технический институт пострадал значительно меньше, чем это можно было ожидать.

А. Ф. Иоффе в это время был озабочен главным образом сохранением широкой исследовательской тематики института, и стало очевидно, что для этого институту необходимо поменять свое ведомственное подчинение. А. Ф. Иоффе в своих выступлениях неоднократно говорил, что Ленинградский физико-технический институт основал много других институтов физического профиля по всей стране и что эта деятельность подчеркивает его лидирующее положение и, имея столь высокий статус, институт не может лишиться таких тем, которые являются предметом исследования всех ведущих лабораторий и институтов мира.

Деятельность института неоднократно обсуждалась и на внутренних собраниях и совещаниях. Нужно было «перестраиваться», да поскорее. Нужно было заявить о лояльности и наладить нормальный ритм работы. В одной из резолюций собрания актива института можно прочесть:

Заслушав и обсудив доклад директора ин-та академика Иоффе А. Ф. о деятельности ЛФТИ, собрание актива находит, что как доклад, так и развернувшиеся по нему прения мало отражали решения Пленума ЦК ВКП(б) и указания т. Сталина о развертывании настоящей творческой большевистской критики и самокритики и мало было настоящего разоблачения последствий и остатков вредительской работы троцкистско-террористической банды и их охвостья.⁸

Решения совещаний вновь и вновь настойчиво постановляли налаживать связь с промышленностью, участвовать в «специальных» задачах института, т. е. оборонных проектах, даже группе теоретической физики и лаборатории атомного ядра.

Третьей задачей перестройки Института является подъем его теоретической работы на такой уровень, который был бы достоин ведущего Института Советского Союза по физике. Отмечая научное значение ряда работ Института (развернутое изучение аморфного состояния, свойств полупроводников, механизма хрупкого разрыва, спектров электронов и позитронов), совещание в то же время считает, что Институт не решил поставленной задачи. Имеющиеся в Институте кадры дают возможность добиться более высоких результатов.⁹

⁷ Архив ФТИ им. А. Ф. Иоффе, ф. 3, оп. 1, д. 61, л. 2—4.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Эффективность работы институтов физического профиля, распределение тематики по институтам и общие вопросы организации науки в стране были предметом обсуждения на всех уровнях власти, и некоторые ученые, пользовавшиеся уважением у руководства страны, пытались своими письмами повлиять на принятие решений на самом высоком уровне. П. Л. Капица был давним другом А. Ф. Иоффе и, зная о его желании перехода ФТИ в ведение Академии наук, старался ему в этом поспособствовать. В письме (от 17.02.1938 г.) президенту Академии наук СССР акад. В. Л. Комарову Петр Леонидович Капица писал:

В распределении функций лабораторий, их тематики у нас существует полный кавардак, если мягко выразиться. Если жизнь страны ставит даже крупную задачу, то неизвестно, какое научное учреждение должно ею заниматься. Лаборатории физического института Академии наук занимаются такими вопросами, как определение беременности кобыл или же подбирают наиболее подходящую структуру ниш для Дворца Советов; наши высоковольтные лаборатории рассеяны по всей стране и ведут свои работы изолированно друг от друга; наши криогенные, холодильные лаборатории (мне с ними пришлось познакомиться, так как их тематические планы присылают мне на отзыв) работают в условиях чрезвычайной оторванности друг от друга, они повторяют одни и те же работы, будучи распределены в самых разнообразных ведомствах, частью при заводах, частью даже в электротехнической промышленности. Вопросы эталонирования измерений, веса и температуры, которыми занята Палата мер и весов (Институт метрологии), решаются где угодно и как угодно. Одна из лабораторий МГУ, например, занималась совершенно элементарной и рутинной работой, как определение коэффициента теплопроводности разных специальных сталей, что с легкостью могло быть выполнено на стандартных установках неквалифицированными сотрудниками в лаборатории типа английской Теддингтонской. Вместе с тем институты Наркомтяжпрома, как например Ленинградский физико-технический, занимаются самыми теоретическими и ведущими проблемами физики, как расщепление атомного ядра.¹⁰

На ту же тему П. Л. Капица послал О. Ю. Шмидту копию письма (от 31 октября 1939 г.), отправленного Председателю Госплана Вознесенскому:

Наконец, у нас существуют большие научно-исследовательские институты, прикрепленные к наркоматам, основная цель которых, казалось бы, должна была бы состоять в том, чтобы решать более узкие технические проблемы, связанные с производством данного наркомата, основная задача которых была бы вырабатывать те или иные нормы, решать затруднения на производстве и внедрять в жизнь научные достижения, которые получают высшими научными учреждениями. Когда знакомишься с деятельностью этих учреждений, оказывается, что они занимаются рядом важных научных проблем, и часто очень неплохо занимаются. Например, Физико-химический институт академика Н. Н. Семенова (ныне входящий в наркомат топливной промышленности), который сделал самые ведущие работы в современной теоретической химии, разработав теперь уже общепризнанную во всем мире теорию цепных реакций, сейчас безусловно является мировым центром по этому важному вопросу. В то же время химические институты Академии наук обычно занимаются сугубо прикладными и узкими задачами, и я не знаю, удалось ли им решить хоть одну такую крупную проблему, как Семенову. Еще недавно в институте, принадлежавшем Наркомтяжпрому, занимались заданиями ядерной физики и т. д. При таком распределении сил и работ конечно нельзя ждать максимального использования кадров и научных учреждений. Все здесь идет самотеком, что полностью противоречит принципам социалистического хозяйства.¹¹

¹⁰ Очерки истории естествознания и техники. Киев, 1989. Вып. 37. С. 82.

¹¹ Там же. С. 76—84.

Такое пренебрежительное отношение к академическим институтам физического профиля должно было оттенить продуктивность ФТИ и то обстоятельство, что Академия наук несомненно выиграет, если ФТИ перейдет в ее ведомственное подчинение. К середине 30-х гг. в ФТИ стали выполняться работы мирового класса: И. В. Курчатов — исследования ядерной изомерии, А. И. Лейпунский — экспериментальное обнаружение нейтрино, немного позже Г. Н. Флеров и К. А. Петржак — спонтанное деление урана, Я. И. Френкель — капельная модель ядра и теория электрокапельного деления ядер и др. Дальше развитие пошло так бурно, что первая советская работа о теории ядерных реакторов (Я. Б. Зельдовича и Ю. Б. Харитона, 1939 г.) сделана с незначительным отставанием от достижений мировой науки; первый реактор на медленных нейтронах (И. В. Курчатов, А. П. Александров) — с отставанием на несколько лет, одно из главных направлений ядерной энергетики будущего — реакторы-размножители на быстрых нейтронах (А. И. Лейпунского) — с опережением на несколько лет.¹² Не все открытия были сразу же по достоинству оценены, однако специалистам был виден размах работ, проводимых в институте, несмотря ни на какие чрезвычайные обстоятельства 30-х гг.

Дело о разделе библиотеки

Завершая картину неурядиц и скандалов этого времени, необходимо упомянуть еще и о деле раздела библиотеки. В архиве института были обнаружены два письма А. Ф. Иоффе по этому делу, которые в деталях описывают всю сложившуюся драматическую ситуацию. Неожиданно в институт поступил приказ из научно-исследовательского сектора Наркомтяжпрома СССР о разделе научной библиотеки Физико-технического института, любимого детища А. Ф. Иоффе. Он по праву гордился институтской библиотекой, которую сам же кропотливо собирал. Каждый раз, бывая за границей, он заказывал новейшую литературу и периодику научно-технического профиля, покупал ее сам лично, или через П. Эренфеста, или доверял это делать тем физикам, которые бывали на стажировке за границей. На все это нужно было найти деньги в условиях Гражданской войны и коллективизации в нашей советизирующейся стране, и, надо отдать должное А. Ф. Иоффе, он их находил.

ФТИ занимал заметное положение в мире по уровню своих исследований, и всем научным сотрудникам и аспирантам института вменялось в обязанность знакомство с современной литературой на иностранных языках. Периодически устраивались обсуждения на семинарах некоторых наиболее ярких и выдающихся статей и монографий. Ведущие физики должны были следить за тем, чтобы аспиранты знакомились с литературой и знали современные проблемы не только по своей специальности, но и по другим разделам физики для повышения общего интеллектуального уровня. Другими словами, библиотека являлась кровеносной системой Физико-технического института.

Письма с протестом против раздела библиотеки ФТИ эмоционально ярко описывают всю нелепость и трагичность принятого решения. Поскольку мы имели дело не с оригиналами писем, а со слабо читаемой их копией, напечатанной на папиросной бумаге, нам пришлось прибегнуть к расшифровке некоторых трудно читаемых мест.

¹² *Лейпунский А. И.* Избранные труды. Воспоминания. С. 135.

**Письма А. Ф. Иоффе в Наркомтяжпром СССР
и Комиссию Советского контроля с протестом на приказ
по научно-исследовательскому сектору и изобретательству
Наркомтяжпрома СССР о разделе библиотеки (ноябрь 1937 г.)**

Зам. Наркома НКТИ тов. А. П. Завенягину

Начальник НИСИЗ А. А. Арманд приказом от 15 ноября предложил разделить библиотеку ЛФТИ, одну из лучших и наиболее цельных физических библиотек в Союзе и за границей, на две, отделив всю физическую химию и химию Институту химической физики. Такое разделение совершенно обесценивает обе половины, так как эти науки теснейшим образом связаны между собой. Ни та, ни другая половины в отдельности не пригодны для научной работы. Соломоново решение т. Арманда предлагает разорвать пополам живого ребенка и передать голову одному институту, ноги другому.

Не считая себя вправе, как советский ученый, дорожающий культурными ценностями Союза, осуществлять их разбазаривание и уничтожение, я вместе со всем составом Совета института просим Вас отменить это непродуманное и вредное предложение.

Накануне, 14 ноября тот же т. Арманд особым письмом указал нам, что сохранение библиотеки как единой целесообразно. За ночь мнение его изменилось на прямо противоположное.

Библиотеку ЛФТИ мы подобрали самым тщательным образом в течение 19 лет и создали собрание, которым может гордиться советская физика. Из состава ЛФТИ постоянно выделялись отдельные институты. Часть из них оставалась в Ленинграде, часть направлялась в другие города: Харьков, Свердловск, Днепрпетровск, но вплоть до 15 ноября ни один институт, уходя, не разрушал библиотеки и получал дублиеты и книги по узкой своей специальности. Институт химической физики окончательно выдвинулся 4 года тому назад, в 1936 г. совсем отказался от участия в финансировании библиотеки и сейчас никаких прав на разрушение библиотеки не имеет. ЛФТИ, конечно, охотно готов передать ЛИХФ дублиеты и все те издания, которые не нарушат цельности библиотеки. Сейчас наша библиотека обслуживает кроме ЛИХФ еще 10 научных институтов и 50 библиотек (среди них систематически пользуется Гос. Публичная библиотека и Библ. Ак. наук).

Мне известно, что ставился вопрос о передаче ЛФТИ в состав Наркомата. Но это не дает т. Арманду оснований сделать институт неработоспособным, лишив его главного научного сотрудника — библиотеки. За последние 1.5 года ЛФТИ прилагал все свои усилия, чтобы направить работу своего коллектива (несомненно самого сильного по физике в Союзе) на помощь промышленности и обороне. В обоих направлениях институт добился крупных успехов и дал уже промышленности морозостойкий синтетический каучук, помог наладить производство выпрямителей и не заряжающейся киноплёнки и все свои работы ведет в тесном сотрудничестве с рядом заводов. Еще больше результаты оборонных работ ЛФТИ. Именно для этих работ химическая часть библиотеки оказалась особо необходимой.

Таким образом, предложение т. Арманда не только обесценивает библиотеку всесоюзного значения, но и фактически разрушает возможность плодотворной научно-технической работы. Мы убеждены, что в Советском Союзе и в особенности в Наркомате, руководимом лучшим соратником тов. Сталина Лазарем Моисеевичем Кагановичем, такие законы будут быстро исправлены.

Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой отменить предложение НИСИЗ в части разделения научной библиотеки ЛФТИ.

Директор института академик (А. Ф. Иоффе).

В Комиссию Советского Контроля. Москва. Дом Совнаркома.

Ленинградским Физико-техническим институтом получен приказ начальника НИСИЗ НКТП — А. А. Арманда от 15 ноября с. г. о разделении научной библиотеки между Лен. Физико-техническим институтом (ЛФТИ) и Лен. Институтом химической

физики (ЛИХФ) по следующему приказу: литература по физике остается в ЛФТИ, а литература по химии и физической химии передается в ЛИХФ (копия приказа прилагается).

Считаем этот приказ неправильным и вредным по следующим причинам.

В библиотеке ЛФТИ сосредоточено уникальное по обширности и полноте собрание литературы (в особенности журнальной) по точным наукам и технике. Библиотека создана в результате тщательного систематического подбора литературы, происшедшего в течение девятнадцати лет.

В настоящее время библиотека представляет собой книгохранилище общегосударственного значения. Кроме ЛФТИ и ЛИХФ она обслуживает большое количество научных учреждений, заводов, ВУЗов, ВТУЗов и научных библиотек (всего 70 учреждений). Даже такие книгохранилища мирового значения, как Публичная библиотека в Ленинграде и Библиотека Академии наук, широко используют наши фонды и являются постоянными абонентами нашей библиотеки. Предлагаемый начальником НИСИЗа раздел библиотеки на физическую и химическую часть между двумя учреждениями приведет к ее полному обесценению и явится разбазариванием книжных фондов одного из самых цельных по своему составу книгохранилищ СССР.

Самый же принцип раздела, положенный в основу приказа, — на физику и химию совершенно беспочвен и бессмыслен, так как эти две области науки чрезвычайно тесно переплетены между собой. Библиотека физических журналов и книг, лишенная физической химии, так же бесцельна, как и химическая библиотека без физики. ЛФТИ пользуется химическими изданиями во всех своих работах.

Необходимость сохранения научно-технического фонда в свое время прекрасно учитывалась начальником НИСИЗа, что видно из подписанного им приказа от 17 марта 1934 г., согласно которому институтам, входящим в бывший комбинат Гос. Физ. Тех. институтов, не только не давалось возможности делить между собой библиотеку, но, наоборот, вменялось в обязанность ее финансировать. Более того, нецелесообразность раздела библиотеки была подтверждена начальником НИСИЗа в его отношении от 14 ноября с. г. На следующий же день, 15 ноября с. г. он же сам подписал приказ о немедленном произведении этого раздела.

Из Физико-технического института выделилось последовательно большое число институтов. Каждый из них получил дубликаты и те издания по своей специальности, которые не обесценивали основной библиотеки, своевременно пожелал закупать издания для своей самостоятельной библиотеки (таковы, напр., библиотеки Харьковского и Свердловского физико-технических институтов). Институт химической физики выделился уже много лет назад и никаких особых прав на разорение библиотеки Физико-технического института не имеет.

Единственным объяснением совершенно непонятого приказа НИСИЗ НКТП, может быть, является предположение о передаче ЛФТИ в состав Наркомата машиностроения (о чем имеется приказ тов. В. И.), тогда как Институт Хим. Физики остается в ведении НИСИЗ. Быть может, поэтому спешно перед передачей ЛФТИ НИСИЗ разрушает его библиотеку и отдает «своему» институту.

Правильно ли такое объяснение или же приказ НИСИЗ есть импульсивный необдуманный акт его начальника, выросший в ночь с 14 на 15 ноября, несомненно одно: объективное осуществление этого приказа было бы варварским уничтожением громадной культурной ценности (я не знаю ни в СССР, ни за границей ни одной физической библиотеки такой полноты и законченности). И я, и Совет ЛФТИ глубоко уверены, что в передовой стране Советов такой акт невозможен.

Мы обращаемся поэтому в Комиссию Советского Контроля и к ближайшему Начальству т. Арманда с просьбой отменить его предложение о расчленении ценной библиотеки на два никуда негодных собрания книг.

Мы просим срочно рассмотреть это дело, и впредь до рассмотрения приостановить действие спешного приказа тов. Арманда.¹³

¹³ Архив ФТИ им. А. Ф. Иоффе РАН, ф. 3, оп. 1, д. 54.

Усилия А. Ф. Иоффе по сохранению институтской библиотеки не пропали даром, письма возымели свое действие, и дело закончилось победой — библиотеку расчленивать не удалось. Таким образом, была сохранена необходимая база для дальнейшей плодотворной работы Физико-технического института.

Из текстов писем видно, что эта новая критическая ситуация с разделом библиотеки была связана с тем, что решение о переходе института в ведение Академии наук принципиально уже было принято на самом высоком уровне, хотя еще и не совершилось на деле и к формальностям еще не приступали.

«Небогатая невеста» для Академии наук

К концу 30-х гг. наконец сложилась необходимая благоприятная обстановка для перемены ведомственного подчинения Физико-технического института и выполнения всех необходимых для этого действий. В Академии наук была создана специальная комиссия для приема института в состав Академии под председательством С. И. Вавилова.

Очередное собрание актива Физико-технического института по поводу перехода в ведение Академии наук состоялось 13 июня 1939 г. под председательством акад. Иоффе. На собрании присутствовала комиссия от Академии наук под председательством С. И. Вавилова.

С. И. Вавилов объявил, что Совет Народных Комиссаров согласился на передачу Ленинградского Физико-технического института из системы Наркомата среднего машиностроения в систему Академии наук СССР. В связи с этим Президиум выделил специальную комиссию по приемке института под председательством С. И. Вавилова.

Комиссия работала в течение 6 дней. Работа заключалась в том, что члены комиссии ознакомились с работой института, его научными, хозяйственными и финансовыми делами.

В самом начале заседания заслушали доклад директора института, затем специально интересовались отдельными разделами работы: библиотекой, постановкой аспирантуры. После этого состоялся пленум комиссии, где были приняты некоторые решения. В качестве заключительного акта проделанной работы по положению, установленному Совнаркомом, комиссия должна была предложить вниманию актива института для согласования сделанные выводы.

С. И. Вавилов зачитал краткую характеристику о состоянии дел в институте и в заключение заметил, что на всех членов комиссии институт произвел прекрасное впечатление в отношении научной работы. В отношении же хозяйственной работы мнение сложилось иного характера.

Была отмечена хорошая организация библиотеки и ее превосходная комплектация. Особое внимание комиссия уделила постановке занятий аспирантуры и нашла, что с аспирантурой дело обстоит так же, как и во многих других институтах: все правила соблюдаются, однако она не дает того результата, на который можно было бы рассчитывать. С. И. Вавилов отметил, что у аспирантов Физико-технического института есть немалое преимущество — они вполне обеспечены научным руководством, что не всегда имеется в других науч-

ных учреждениях. Однако нельзя сказать, что в аспирантуру попадают наиболее способные научные сотрудники.¹⁴

Но в целом комиссия осталась вполне удовлетворенной научной деятельностью института, и резким контрастом к высказанным похвальным словам выглядело выступление Михаила Ефимовича Федосеева, управляющего делами Ленинградского отделения Академии, касающегося финансовой и хозяйственной его деятельности.

М. Е. Федосеев отметил, что институт недостаточно снабжается электроэнергией (потребность института составляет 250 кВт, тогда как реально получает 50 кВт). Эту электроэнергию институт получает от киоска Ленэнерго, который по планировке намечен к сносу. Для обеспечения института электроэнергией начали строить трансформаторную подстанцию, к которой не предусмотрели проводку линий питания. Федосеев отметил, что запланированная поставка строительных материалов для подстанции занижена, а когда стало известно (16 мая 1939 г.) о передаче института в ведение Академии наук, Наркомат машиностроения вообще перестал поставлять строительные материалы по ранее утвержденному плану.

Затем М. Е. Федосеев сказал о плохом качестве электропроводки и сделанного капитального ремонта главного здания института. Далее он продолжил:

Я хочу, товарищи, остановиться на самом скверном, что мы получаем в наследство от Наркомсредмаша. Я не говорю о «богатой невесте», мы просим хоть «невесту с одеждой», а фактически получаем «в чем мать родила». Там живут научные работники и в каждой комнате научного работника поставлены подпорки, поддерживающие потолок. Достаточно этим подпоркам упасть, так они придавят научного работника.

Товарищи, ОКС — это громкое название — отдел капитального строительства в системе Академии наук, который производит работы на десятки миллионов рублей, у вас все-таки такой ОКС есть, причем этот ОКС подпорки-то ставил и тратил на ремонт крыши 40 тыс., а крыша прогнила. Зачем нужно было только покрывать. Комиссия вероятно скажет т. Чибисову. Мы юридически должны принять институт, поскольку есть постановление Совнаркома, с активом и пассивом. Но мы сможем поставить перед Совнаркомом вопрос о том, чтобы из актива и пассива (тем более это было взято на актив и пассив в начале 1938 г., на актив — это жилой дом) избавили этот жилой дом. Я же хочу сказать: кто в этих домах живет? Вы думаете работники института? Ничего подобного. Мы занимаем из 4000 м² только 600 м² нашими работниками. И отсюда встает вопрос, нужно ли, для того чтобы привести их в надлежащее состояние, затратить на них 400 тыс. рублей? Кроме того, институт арендует дом. Правильно или неправильно он в свое время арендовал, но факт, что из 828 м² институтом занято только 97 м². Срок аренды кончается в 1940 г. Но это не все, потому что райжилуправление говорит: вы у меня арендаторы, извольте здание привести в такое состояние, в котором я мог бы принять, иначе извольте платить аренду. А для того чтобы привести в порядок, нужно дополнительно 60 тыс. рублей истратить. В итоге расход на полмиллиона. И к этому нужен соответствующий материал: 400 кубометров леса и 20 тонн кровельного железа.¹⁵

Несмотря на эти замечания, комиссия все же приняла «небогатую невесту». Понятно, что такая комиссия вообще не была бы создана, если бы уже не было принято положительное решение. Физико-технический институт вошел в состав Академии наук, и с этого момента началась уже другая история трудностей и побед отечественных физиков.

¹⁴ Там же, д. 97, л. 69.

¹⁵ Там же, л. 71—72.

Н. В. СЛЕПКОВА

**СТАНОВЛЕНИЕ ЗООЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
АКАДЕМИИ НАУК КАК ВЕДУЩЕГО ЦЕНТРА
ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СИСТЕМАТИКЕ
(конец XIX века)**

Зоологический институт Российской Академии наук владеет крупнейшим собранием зоологических коллекций в нашей стране. Наряду с Музеем естественной истории в Лондоне, Национальным музеем естественной истории в Париже, Смитсоновским институтом в Вашингтоне он входит в плеяду важнейших мировых центров изучения зоологического разнообразия. Ценность его коллекций выходит за рамки национального достояния, поскольку Зоологический институт является одним из значительных хранилищ объектов не только отечественной, но и мировой фауны.

Изучение разнообразия животных и создание их классификации представляет собой фундаментальную и актуальную задачу, от решения которой зависят другие отрасли биологии. Вместе с тем систематика является и старейшей биологической дисциплиной. При появлении новых направлений и методов исследований, при смене доминирующих парадигм возникает необходимость отстаивать это направление исследований с его специфическими потребностями в пополнении и поддержании коллекций, накоплении библиотечного фонда, позволяющего следить за описаниями и ревизиями разных групп животных в мировом масштабе. Об актуальности этой задачи свидетельствует то, что численность систематиков в развитых странах имеет тенденцию к снижению, а число систематиков в развивающихся странах хоть и растет, но из-за отсутствия доступа к литературе и достаточной подготовки их деятельность больше проблем создает, чем решает.¹ Описание новых видов требует знакомства со всей накопленной информацией по группе и здесь существенную роль играют, во-первых, библиотеки и крупные коллекции, во-вторых, опыт интерпретации данных, теоретическая подготовка систематика, школа и традиции.

---

¹ Кержнер И. М., Коротяев Б. А. Прошлое, настоящее и будущее систематики // Фундаментальные зоологические исследования : Теория и методы. М.; СПб., 2004. С. 17.

В серьезной степени на деятельность крупнейших центров по систематике влияют доминирующие тенденции и предпочтения, царящие в науке в то или иное время, и даже в какой-то степени — личностные факторы. При очевидной важности систематики для работы любого биолога в глазах чиновников, финансирующих науку, она нередко принимает вид дисциплины не модной, не сулящей значительных практических результатов. В некоторые моменты развития биологии такое отношение складывалось и внутри ученой корпорации, увлеченной новыми методами или направлениями исследований. В обстановке смены научных приоритетов желание считать систематику устаревшей наукой возникало не раз, что неблагоприятно сказывалось на ее финансировании и обновлении кадров.

Роль систематики как универсального языка биологии не нуждается в комментариях. Любая работа в биологии, в том числе и в прикладных областях, требует точного определения объекта и разработанной классификации. Работы по биогеографии и биоценологии, современной и исторической, целиком зависят от определений систематиков, но не менее важна деятельность систематиков для экологов, специалистов по охране природы и защите растений, паразитологов, молекулярных биологов. Следует, однако, помнить, что систематика может быть не только инструментом для постановки и решения задач для смежных научных дисциплин. Обоснованная система живых организмов имеет ценность и сама по себе. Это научно разработанная гипотеза о свойствах животных, обладающая прогностическим значением.

Зоологический институт Академии наук в течение длительного времени накапливал опыт активного развития систематики как одного из ведущих направлений своих исследований, несмотря на то что систематика за 175 лет, прошедших со времени основания Зоологического института, не раз подвергалась критике как направление устаревшее и сама сильно изменилась за это время. Если считать, что коллекции музея, а потом и института собирались вначале в Кунсткамере, то период развития систематики приближается к 300 годам. За это время биология превратилась в сложно структурированную дисциплину. Сначала музей, а потом и образованный из него институт развивались на фоне появления все новых и новых направлений зоологических и в целом биологических исследований. Задачу сохранения систематики как существенной фундаментальной области исследований музея и позже — института приходилось решать при появлении каждого нового направления в науке. В этой связи представляется важным обратиться к истории того, как формировался на базе Зоологического музея крупнейший центр исследований по систематике животных, с какими трудностями при этом приходилось сталкиваться и каким образом их удавалось преодолевать.

* * *

В развитии специализации института на систематике можно выделить два аспекта. Первый аспект — когнитивный — это нарастающая дифференциация биологического знания, в ходе которой наряду с систематикой и фаунистикой возникли и другие сферы исследований со своими специфическими методами и кругом решаемых вопросов. Второй аспект — институциональный — это возникновение специализации биологических учреждений на том или ином направлении в изучении живой природы.

Первый аспект отражает развитие биологического знания. Постепенное накопление сведений о животных породило целый спектр биологических дисциплин. Если рассматривать историю зоологии как историю специализации, то уместно особо выделить XIX столетие, которое разделяется на додарвиновский и последарвиновский периоды. В первой четверти XIX в. окончательно складывается сравнительная анатомия. В конце 1820-х гг. К. М. Бэр установил основные типы эмбрионального развития. Начала складываться сравнительная эмбриология. В 1830-х гг. возникает палеонтология. В 1839 г. была сформулирована клеточная теория. С началом XIX в. связано возникновение экологического и зоогеографического направлений исследований. В середине XIX в. К. Ф. Рулье стал основоположником отечественной экологии животных. Во второй половине XIX в. теория Ч. Дарвина повлекла за собой коренную перестройку не только всей биологии, но и самого характера биологического мышления. В 1869—1874 гг. В. О. Ковалевский формулирует основные постулаты эволюционной палеонтологии. В середине 1860-х гг. и А. О. Ковалевский, и И. И. Мечников работают над созданием эволюционной эмбриологии. В последарвиновский период достигает своего расцвета морфология, филогенетическое направление в которой в конце XIX в. связано с именами А. Н. Северцова и В. М. Шимкевича.

Однако зоологи XIX в. в значительной степени еще были универсальны. С. И. Фокин в главе, посвященной истории зоологии в России в 1874—1932 гг.,² справедливо замечает, что в начале этого периода (т. е. в начале последней четверти XIX в.) разделение зоологии на отдельные специальности не было еще заметным. Эмбриология, энтомология, цитология, протозоология, гидробиология, паразитология еще не считались самостоятельными науками. Даже гистологи, физиологи и анатомы животных во многом еще оставались прежде всего зоологами. Систематики занимались далеко отстоящими друг от друга группами животных. Однако к концу XIX в. процесс специализации в зоологии начинает приобретать ощутимые очертания.

Второй аспект — институциональный. В этом смысле важным представляется возникновение специализации зоологических учреждений на решении тех или иных задач. В течение XIX столетия круг этих учреждений неуклонно расширялся. Известно, что развитие наук в России первоначально происходило в стенах Академии наук в Петербурге. В классификации развития отечественной зоологии, затрагивающей институциональные аспекты, предложенной В. С. Шишкиным,³ период с 1724 г. до начала XIX столетия прямо обозначен как «академический» из-за резкого преобладания Академии в таких исследованиях. Специализация Академии до начала XIX в. в целом характеризуется тотальным господством систематико-фаунистического направления. Основу его развития в Академии составляла Кунсткамера, на базе которой происходило накопление материалов для изучения фауны Российской империи. В 1767 г. ее зоологический отдел был выделен под управление П. С. Палласа, что некоторыми исследователями признается в качестве точки отсчета существования Зоологического музея. Однако вполне независимым он стал в 1830-е гг.

² Фокин С. И. Русские ученые в Неаполе. СПб., 2006. С. 44.

³ Шишкин В. С. Зарождение, развитие и преемственность академической зоологии в России // Зоол. журнал. 1999. Т. 78. № 12. С. 1381—1395.

В первой половине XIX в. сеть научных учреждений, занимающихся зоологией, расширяется. К академическим исследователям, которых можно было тогда перечислить по пальцам одной руки, подключается университетская профессура. К Московскому университету, основанному в 1755 г., добавились Дерпт (1802), Вильно (1803), Казань (1805), Харьков (1805), Петербург (1819). В 1834 г. вместо закрытого в связи с польским восстанием университета в Вильно, был открыт университет в Киеве. Университетская наука стала численно преобладать над академической. Период от начала XIX в. до его середины Шишкин обозначает как «университетский».⁴

В специализации Академии наук и университетов в этот период продолжает доминировать систематика. По Положению 1804 г. при университетах формируются кабинеты естественной истории, первоначально подобные Кунсткамере и представлявшие собой комплексные собрания предметов естественной истории, в которых находились как ботанические, зоологические, минералогические предметы, так и материалы по археологии, произведения искусства. Так, в первом отечественном университетском музее — кабинете натуральной истории Московского университета (1755) были представлены минералы, образцы почв, раковины, куриозитеты. В 1830—1850-е гг. в связи с дифференциацией научного знания выделяются профильные университетские музеи естественного и гуманитарного направлений. Это происходило приблизительно в то же время, что и реорганизация Кунсткамеры, приведшая к возникновению в 1832 г. Зоологического музея Академии наук.

Университетская профессура тоже первоначально занимается развитием систематико-фаунистического направления и изучением локальных фаун. Так, в Московском университете существенную роль в развитии музейной коллекции сыграл Г. И. Фишер фон Вальдгейм — зоолог, профессор естественной истории, служивший в университете в 1804—1832 гг., автор первых научных трудов по фауне России. В Казани в начале века трудился К. Ф. Фукс, бывший прекрасным коллекционером. Он внес огромный вклад в становление и развитие Зоологического музея Казанского университета. Одним из выдающихся зоологов начала XIX в. был профессор того же университета Э. А. Эверсманн, известный путешественник, географ, почвовед, ботаник, автор трехтомной «Естественной истории Оренбургского края», изданной в 1840—1866 гг. При Э. А. Эверсманне музей Казанского университета принял характер систематизированного собрания зоологических коллекций. В Киевском университете велика роль К. Ф. Кесслера, избранного адъюнктом по кафедре зоологии в 1842 г. Он занимался здесь изучением местной фауны и устройством Зоологического музея. Особое внимание К. Ф. Кесслер обращал на орнитологию и издал в 1847 г. «Руководство для определения птиц, которые водятся или встречаются в Европейской России». С 1856-го по 1862 г. К. Ф. Кесслер был деканом физико-математического факультета. Позднее он трудился в Санкт-Петербургском университете, уделяя особое внимание систематике рыб. Можно назвать и многих других известных университетских систематиков.

Во второй половине XIX в. разнообразие учреждений, где изучается зоология, нарастает. Помимо Академии это — университеты, научные общества, биологические станции. В это время к небольшой группе профессиональных ученых из Академии и преподавателей высшей школы (в 1896 г. существовало

---

⁴ Там же. С. 1383.

52 высших учебных заведения⁵) присоединяются натуралисты-любители из различных слоев общества, от высшего дворянства до купцов и разночинцев. Период 50—60-х гг. XIX в. Шишкин определяет как период «научных обществ»,⁶ которые начинают играть значительную роль в развитии зоологии. К старейшим естественнонаучным обществам (1765 г. — Вольное экономическое общество, 1805 г. — Московское общество испытателей природы, 1845 г. — Русское географическое общество) добавляются Энтомологическое в Санкт-Петербурге (1859), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве (1863). По решению I съезда русских естествоиспытателей и врачей в 1867 г. учреждаются научные общества естествоиспытателей, аналогичные московскому, при российских университетах. Такие общества возникают в Петербурге, Казани, Киеве, Харькове, а также в Одессе, Екатеринбургe, Астрахани. К этому можно еще добавить и появление биологических станций, многие из которых были детищем этих обществ, — морские и пресноводные биологические станции: Севастопольская (1871), Неаполитанская (1877), Соловецкая (1882), в Вилла-Франке (1886), пресноводная станция в Бологом (1895) и др. Продолжает развитие и высшая школа. В 1862 г. университетским городом стала Одесса, в 1869 г. — Варшава. Императорский Томский университет, основанный в 1878 г., стал первым высшим учебным заведением на территории Сибири и Дальнего Востока. Весьма значительную роль в развитии биологии этого периода играли и организуемые обществами естествоиспытателей съезды, объединявшие усилия многих ученых для решения общих задач. Всего до конца XIX в. состоялось 8 всероссийских съездов в Киеве, Москве, Казани, Варшаве, Петербурге, Одессе.⁷

Круг интересов научных обществ во второй половине XIX в. требует специальных исследований, однако в целом в отношении биологии можно утверждать, что их массовое появление стало реакцией на дарвинизм, привлечший внимание широких слоев общества к вопросам естествознания. Научным обществам было присуще большое разнообразие интересов, в то же время сбор коллекций и их популяризация составляли значительную часть их деятельности. Общества сыграли важную роль в организации биологических станций. Создание станций явилось выражением потребности зоологов в поиске новых форм организации исследовательской деятельности, ставшей особенно актуальной в 1860-е гг. в связи с общей перестройкой биологии на основах дарвинизма.⁸ Тематикой зоологии становится проверка взглядов Ч. Дарвина. На первый план выдвигаются такие дисциплины, как эмбриология, сравнительная анатомия и филогенетика, призванные доказать генетическое единство позвоночных и беспозвоночных животных. Для обоснования этой идеи требовался массовый материал по морской фауне.⁹ В значительной степени это были малоизученные группы беспозвоночных.

⁵ *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 146.

⁶ *Шишкин В. С.* Зарождение, развитие и преемственность академической зоологии в России. С. 1385.

⁷ *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. С. 155.

⁸ *Музрукова Е. Б., Назаров В. И., Чеснова Л. В.* Русские биологи на Неаполитанской зоологической станции: Формирование международного научного центра // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. С. 28.

⁹ *Фокин С. И., Слепкова Н. В., Смирнов А. В., Лайус Ю. А.* Русские морские биологические станции на рубеже XIX—XX вв. // Фокин С. И. Русские ученые в Неаполе. С. 60.

Что касается специализации университетских зоологов, то во второй половине XIX в., она начинает постепенно меняться. Конец XIX в. стал периодом, «когда происходила коренная перестройка теоретических основ биологии на основе дарвинизма».¹⁰ К этому времени фактически вся профессура переключается на изучение «морфологии», как тогда называли эволюционную сравнительную анатомию, эмбриологию и филогенетику.

Постепенно систематико-фаунистическое направление в университетах оказалось в кризисном положении. Об этом свидетельствует весьма поучительный очерк состояния зоологической науки, данный при представлении Ф. Д. Плеске в адъюнкты Академии наук 27 февраля 1890 г. академиками А. А. Штраухом, Л. И. Шренком, К. И. Максимовичем и Ф. В. Овсянниковым. Приведем этот документ¹¹ в пространных выдержках. В нем говорится: «В... 1889 году биологический разряд Физико-математического отделения вошел в Конференцию с ходатайством учредить вторую кафедру ординарного Академика по ботанике и мотивировал свое представление указанием на существование в современной ботанике двух вполне обособленных направлений, именно систематики с одной — и анатомии и физиологии растений, с другой стороны, требующих каждая своего особого представителя в Академии. Совершенно аналогичное явление, т. е. двойственность в направлении, замечается в настоящее время и в зоологии, где кроме первоначальной систематики выработалась новая отрасль, имеющая предметом исследование строения животных и историю развития как отдельных организмов (Ontogenesis), так и всего животного царства (Phylogenesis) и называющаяся обыкновенно морфологией».¹²

Характеризуя состояние двух отраслей тогдашней зоологической науки, авторы указывают, что в рассматриваемый период «морфология» основательно потеснила систематику: «...в современной зоологии морфологическое направление развивалось и развивается в ущерб систематическому».¹³ Слово «морфология», употребляя это понятие в указанном чуть выше смысле, уместно заключить в кавычки. Понятно, что это не то же самое, что морфология в любом привычном для нас значении. Академики впервые столкнулись с дифференциацией и определили новые направления первоначально одним общим словом «морфология».

Но не только интерес к проверке эволюционных взглядов способствовал, по мнению авторов Представления, отходу университетской профессуры от занятий систематикой. Само развитие систематики требовало все более и более основательной базы как в отношении коллекций, так и в отношении литературы, что затрудняло продолжение ее развития в университетах. В качестве причин неблагоприятного положения, в котором оказалась систематика, была названа необходимость для успешной работы в этой сфере создания обширных библиотек и значительных по объему коллекций. Причем с осознанием наличия внутривидовой изменчивости требования к объему коллекций многократ-

---

¹⁰ Мирзоян Э. Н. Развитие сравнительной эволюционной биохимии в России. М., 1984. С. 273.

¹¹ БАН, Академическое собрание (Ак. с.), Протоколы заседаний Физико-математического отделения (ФМО) АН. Приложение к протоколу заседаний ФМО АН от 27 февраля 1890 г.

¹² Там же.

¹³ Там же.

но возросли. «Систематическая зоология, имеющая задачу определить состав животного царства, выработать естественную классификацию его и изучить распространение животных в настоящем и прошедшем требовала всегда больших коллекций и обширных литературных пособий. {...} Обширная же коллекция и большие библиотеки вообще немногочисленны, имеются почти только в столицах и, следовательно, доступны лишь весьма небольшому числу ученых», — сказано в Представлении Ф. Д. Плеске в адъюнкты.¹⁴

Авторы подчеркивали, что, несмотря на развитие зоологии в университетах, там нет условий для успешного изучения систематики. В лучшем случае возможно изучение местных фаун: «...громадное большинство научных сил, состоящих при провинциальных университетах и других учебных заведениях, вследствие безусловно-недостаточной обстановки последних в отношении научных пособий почти совершенно лишено возможности с успехом заниматься какою-либо частью систематики животных».¹⁵ Авторы Представления отдавали должное проделанным на базе университетских коллекций работам К. Ф. Кесслера, Э. А. Эверсмманна, А. Нордманна, А. В. Черной, Н. А. Северцова и других, однако утверждали, что период успешного развития систематики в университетах отходит в прошлое.

Кроме того, по мнению названных академиков, университетская профессура оказалась под влиянием Западной Европы, где инвентаризация фауны была к этому времени в значительной степени завершена, и, «за исключением немногих зоологов, состоявших при больших музеях, все остальные посвятили себя излучению нового направления науки и отказались от занятий первоначальной, несколько сухою систематикою, в которой не предвиделись столь выдающиеся открытия».¹⁶ В качестве причины преимущественного развития морфологии в России конца XIX в., где фаунистические вопросы были еще весьма далеки от разрешения, в Представлении назван также укоренившийся в 1860-х гг. обычай заграничных стажировок, что влияло на круг интересов обучавшихся за границей студентов. В результате авторы Представления констатировали, что «в настоящее время кафедры по зоологии при всех наших университетах, кроме Гельсингфоргского, заняты исключительно представителями морфологического направления».¹⁷ Развитие преимущественно морфологии в стенах университетов представляло угрозу сохранности и развитию университетских систематических коллекций. «Так как морфологи при своих работах пользуются или свежими предметами, или предметами, приготовленными по специальному методу, то они обращаются к имеющимся с прежних времен университетским коллекциям исключительно для педагогических целей, не заботятся об их пополнении в научном отношении».¹⁸

В записке получила положительную оценку и деятельность научных обществ в развитии исследований по систематике. Высоко оценивая инициативу К. Ф. Кесслера, внесшего на первом съезде естествоиспытателей в 1867 г. предложение по организации обществ естествоиспытателей при университетах, авторы Представления тем не менее отмечали: «Деятельность этих об-

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

ществ, несомненно, принесла немалую пользу делу изучения русской фауны и снабдила часть наших университетов ценными и интересными коллекциями. Но ввиду исключительного морфологического направления всех представителей зоологии в тех же университетах, коллекции эти далеко не обеспечены от разных случайностей».¹⁹

То, что опасения академиков были вполне обоснованны, хорошо видно на примере Московского университета. Известно, что «морфологи» весьма пренебрежительно отзывались о «систематиках», упрекая их в некомпетентности, и активно им противостояли. «Систематика попала в это время в число даже не гонимых, — большинство ее откровенно презирало», — писал об этом Н. Н. Плавильщиков.²⁰ Пример третирувания систематики в Московском университете приводит К. Г. Михайлов. Г. А. Кожевников, директор Зоологического музея МГУ с 1904-го по 1929 г., для которого он добился строительства нового здания и пополнил его коллекции, в 1900-е гг. не имел возможности развивать систематику в университете. К. Г. Михайлов цитирует его письмо А. П. Семенову-Тянь-Шанскому: «...создать из молодежи не коллекторов только, а систематиков мне прямо-таки умышленно мешает пр[оф]. Н. Ю. Зограф, который всячески старается внушить молодежи, что систематика не истинная наука, а Вы знаете, что для начинающего ничего нет страшнее как мысль, что он занимается не „истинно” научным. Зограф позволяет себе публично выставлять в смешном виде систематиков. ...Он, читая обязательный курс, будучи главным экзаменатором по беспозвоночным, имея право оставления при университете..., конечно, может не путем публичных нападок, а путем интимных разговоров с молодыми людьми отвращать их от фаунистических работ, особенно от энтомологических. В своих обязательных курсах он посвящает энтомологии *minimum*, а что касается занятий по систематике насекомых, он их прямо третирует как нечто „любительское”».²¹

Это было общим явлением для университетов того времени. Дарвиновское учение отразилось на методах и — главное — на тематике зоологии. «Началось поголовное увлечение филогенией: в сравнительной анатомии и эмбриологии видели теперь цель и смысл жизни».²² Пренебрежение систематикой было столь велико, что диссертация по «систематике» стала рискованным предприятием. Н. Н. Плавильщиков приводит пример докторской диссертации М. Д. Рузского по систематике муравьев России, «блуждавшей из университета в университет в поисках, кто и где „сжалится” и допустит к защите докторанта-систематика».²³

Расширение и изменение направлений исследований, захватившее биологию второй половины XIX в., не оставляет в стороне и Академию наук. Длительное время (в течение 50 лет) в составе Академии было одновременно три представителя систематической зоологии, о чем упоминал Ф. Д. Плеске в 1895 г. на заседаниях ФМО.²⁴ Сначала это были Ф. Ф. Брандт, А. Ф. Миддендорф и Л. И. Шренк, затем Ф. Ф. Брандт, Л. И. Шренк и А. А. Штраух и, нако-

¹⁹ Там же.

²⁰ Плавильщиков Н. Н. Очерки по истории зоологии. М., 1941. С. 266.

²¹ Михайлов К. Г. Краткий очерк истории Зоологического музея МГУ (1917—1978). М., 2002. С. 6.

²² Плавильщиков Н. Н. Очерки по истории зоологии. С. 266.

²³ Там же.

²⁴ БАН, Ак. с. III приложение к протоколу ФМО 22 ноября 1895 г.

нец, Л. И. Шренк, А. А. Штраух и Ф. Д. Плеске. Если в XIX в. зоологи Академии наук были представлены преимущественно систематиками и фаунистами, то начиная с 1890 г. в состав Академии избирается А. О. Ковалевский, а после него В. В. Заленский, Н. В. Насонов — это все типичные представители нового «морфологического» направления. С отставкой Ф. Д. Плеске в 1896 г. в Академии не остается ни одного классического систематика.

Новые веяния в Академии начинают быстро развиваться с приходом в 1890 г. А. О. Ковалевского. По его ходатайству, в 1892 г. в состав Академии была принята Севастопольская биологическая станция²⁵ вместе со всем тем комплексом задач, которые решались в это время биостанциями. Наряду с Зоологическим музеем в составе Академии в 1894 г. была образована Особая зоологическая лаборатория. Появление этих учреждений отразило процесс институционализации новых направлений исследований в стенах Академии наук.

Классическое систематико-фаунистическое направление, все больше и больше выходящее из моды в стенах университетов, в Академии, однако, нашло активных сторонников, которые отстаивали позиции традиционной систематики, всеми силами способствуя развитию Зоологического музея, ставшего к концу XIX столетия последним оплотом этого важнейшего направления. Авторы уже упоминавшегося Представления Ф. Д. Плеске в Академию в 1890 г. вынуждены были констатировать, что Зоологический музей остался «единственным учреждением, которое у нас служит исключительно целям систематической зоологии и не может изменить характера своей деятельности ни при каких взглядах и направлениях науки».²⁶ Отстаивая систематику, сторонникам ее развития пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и в университетах. В яркой форме противостояние старой «систематики» и новой «морфологии» в Академии проявилось во взаимоотношениях Ф. Д. Плеске, возглавившего после смерти А. А. Штрауха Зоологический музей, и А. О. Ковалевского. Научные аспекты противостояния осложнялись и другими факторами. Так, значительную роль играло в это время противоборство в Академии немцев и русских, о котором много писали (в недавнее время — С. И. Романовский, Е. Ю. Басаргина и др.).²⁷ Национальная риторика, начиная с эпохи Александра III, «была использована учеными в политических сражениях вокруг Академии наук, что привело к избранию ее новых членов преимущественно из русских ученых».²⁸ Этот лежащий на поверхности конфликт привел к тому, что на противостояние «систематики» и «морфологии» в меньшей степени обращали внимание. Немец систематик Ф. Д. Плеске и русский морфолог А. О. Ковалевский были носителями разных парадигм и оказались в конфликтных отношениях не случайно. Причем А. О. Ковалевский был ярчайшим представителем нового направления, имевшим огромные заслуги в его распростра-

²⁵ Императорская Академия наук. 1884—1914. II: Материалы для истории академических учреждений в 1889—1914. Пг., 1917. Ч. 1. С. 565; *Водяницкий В. А.* А. О. Ковалевский и Севастопольская биологическая станция: (К 50-летию со дня смерти А. О. Ковалевского) // Тр. Севастоп. биол. станции. 1954. Т. 8. С. 2—10.

²⁶ БАН, Ак. с. Приложение к протоколу ФМО АН от 27 февраля 1890 г.

²⁷ *Романовский С. И.* Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999. С. 43—56; *Басаргина Е. Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин: Из истории русской науки (1867—1916). СПб., 2004.

²⁸ *Колчинский Э. И., Кольцов А. В.* Российская наука и революционные кризисы в начале XX в. // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 292.

нении и утверждении²⁹ и обладавшим ярко выраженными борцовскими качествами.

Противостояние хорошо видно по дискуссиям, связанным с избранием в Академию новых членов, отразившимся на страницах протоколов заседаний Физико-математического отделения. В конце столетия неоднократно обсуждался вопрос, интересы какого направления должен представлять зоолог, избираемый в Академию. Первый эпизод был связан с выдвижением Ф. Д. Плеске в адъюнкты в 1890 г. Обстоятельствам этого выдвижения посвящена большая глава в работе Е. Ю. Басаргиной. Она пишет: «Немецкая партия Веселовского выдвинула кандидатуру старшего зоолога Плеске в адъюнкты по зоологии. На заседании ФМО 14(13) февраля 1890 г. академик Штраух внес представление о его избрании, намереваясь подготовить себе в нем заместителя. Фаминцын настаивал на привлечении в Академию А. О. Ковалевского как представителя морфологии... В результате 27 февраля на заседании ФМО была проведена баллотировка обоих кандидатов. Ф. Д. Плеске был избран, но удалось провести и Ковалевского».³⁰ Обычно исследователи обращают внимание на противостояние немцев и русских, нам же в этом отрывке интересно упоминание Ковалевского как морфолога.

В 1893 г. А. О. Ковалевский возражал против избрания Ф. Д. Плеске на должность экстраординарного академика. В марте 1893 г. он писал И. И. Мечникову: «Немцы предложили Плеске повысить в академики; подписали Штраух, Шренк и, конечно, Овсянников».³¹ Прислали подписать мне, я отказался; за мной отказался и Фаминцын, и пошла старая история. Вся компания окрысилась, и не знаю, чем дело *кончится*».³² Вопреки протестам А. О. Ковалевского, Ф. Д. Плеске был выбран экстраординарным академиком по зоологии 19 мая 1893 г. практически единогласно: «Он соединил в свою пользу 13 голосов избирательных против одного неизбирательного».³³

Острая дискуссия по вопросу замещения вакантной после смерти Л. И. Шренка должности ординарного академика и директора Антропологического музея Академии в 1895 г. возникла между Ф. Д. Плеске и А. О. Ковалевским. В особом мнении Ф. Д. Плеске возражал против предоставления этой кафедры антропологу в ущерб зоологии.³⁴ В устах Ф. Д. Плеске слово «зоология» надо понимать как «систематика животных и фаунистика» — он приводит соответствующие примеры из недавнего прошлого Академии: работу Ф. Ф. Брандта, А. Ф. Миддендорфа, А. А. Штрауха и Л. И. Шренка. Причем Ф. Д. Плеске указывает, что Л. И. Шренк был избран в Академию в качестве зоолога и, только обработав млекопитающих и моллюсков Амурского края,

²⁹ Мирзоян Э. Н. Индивидуальное развитие и эволюция: Очерк истории проблемы соотношения онтогенеза и филогенеза. М., 1963. С. 130—138.

³⁰ Басаргина Е. Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин. С. 164.

³¹ Упоминание Ф. В. Овсянникова вместе с немцами показывает, что указанная группа образована не исключительно по национальному признаку, но представляет собой оппонентов А. О. Ковалевского в Академии.

³² Письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову (1866—1900) / Под общ. ред. проф. Ю. И. Полянского, при участии проф. И. И. Соколова и Л. К. Кувановой. М.; Л., 1955. С. 198.

³³ БАН, Ак. с. Протоколы заседаний ФМО АН. 1893. § 181.

³⁴ БАН, Ак. с. III приложение к протоколу заседаний ФМО от 22 ноября 1895 г.

перешел к описанию этнографических результатов своего путешествия на Амур. По мнению Ф. Д. Плеске, «случайные занятия академика Шренка этнографией не дают... никаких оснований для произвольного переименования кафедры зоологии в кафедру антропологии». ³⁵ Академики так бурно обсуждали кандидатуры, что даже вынесли на голосование «вопрос о том, может ли антропология быть рассматриваема за часть зоологии». ³⁶ Правда, все участники спора высказались по этому вопросу положительно. Ф. Д. Плеске указывал на то, что он остался единственным в Академии представителем по систематике животных, к тому же занятым переустройством Музея и лишенным возможности взяться за какую-нибудь крупную научную работу. В его отсутствие или в случае его болезни заведование Музеем он должен был передавать служащим в Музее, у которых не было права лично докладывать Конференции о нуждах Музея и проводить через Отделение какие-нибудь нововведения. В этом споре верх одержал А. О. Ковалевский, но надо сказать, что избранный по его настоянию Д. Н. Анучин так и не перебрался из Москвы и вскоре вышел из Академии.

В 1896 г. после отставки Ф. Д. Плеске, спровоцированной его тяжелой болезнью и происшедшей не без вмешательства А. О. Ковалевского, ³⁷ вопрос снова был поднят в ходе дискуссии по поводу замещения вакантного места экстраординарного академика и директора Зоологического музея. Основным оппонентом А. О. Ковалевского в этом случае выступал палеонтолог Ф. Б. Шмидт. Ковалевский изложил свои соображения в записке «В комиссию о замещении вакансии академика-зоолога», которую кроме него подписали академики А. С. Фаминцын, Ф. В. Овсянников и адъютант С. И. Коржинский. ³⁸ К ним отдельной запиской присоединился со своими соображениями акад. Д. Н. Анучин. Им возражал академик Ф. Б. Шмидт в своем «Особом мнении». ³⁹ Ковалевский ответил «Заявлением академика А. Ковалевского по поводу отдельного мнения академика Ф. Шмидта». ⁴⁰ Аргументы А. О. Ковалевского сводились к тезису о том, что новое направление, а именно «морфологическое», — научное, а старое — не научное, что «систематика» — это часть «морфологии». «Систематика есть часть зоологического исследования; морфология есть целое, включающее в себя все стороны исследования животного организма: его систематическое положение, его анатомическое строение и развитие». ⁴¹ Собственно, эта та самая позиция, которая во многих университетах поставила развитие систематики в кризисное положение и которая видна в уже упоминавшихся аргументах Н. Ю. Зюграфа. Ковалевский при этом ссылается на распространенное в немецкой научной литературе название нового направления «Wissenschaftliche Zoologie» (научная зоология) в отличие от старого — не научного. Из аргументов Ковалевского видно, что слово «систематик» по преимуществу трактуется им как исследователь внешней формы животных. Новое направление, как он пишет, «внесло в науку другие элементы, а именно

³⁵ Там же.

³⁶ БАН, Ак. с. Протоколы заседаний ФМО АН, 1895. § 370.

³⁷ Слепкова Н. В. Материалы к биографии Ф. Д. Плеске (1858—1932) // Энтотомол. обозрение. 2007. Т. 86. Вып. 1 (в печати).

³⁸ БАН, Ак. с. II приложение к протоколу заседания ФМО АН 4 декабря 1896 г.

³⁹ БАН, Ак. с. IV приложение к протоколу заседания ФМО АН 4 декабря 1896 г.

⁴⁰ БАН, Ак. с. V приложение к протоколу заседания ФМО АН 4 декабря 1896 г.

⁴¹ БАН, Ак. с. II приложение к протоколу заседания ФМО АН 4 декабря 1896 г.

более глубокое исследование животного мира, не только со стороны внешней формы». «Морфолог есть тот же систематик, с тем только различием, что он, исследуя объекты животного царства глубже, пользуется теми научными приемами, которые дает нам современная зоологическая и гистологическая техника, и вследствие этого и взгляды его на систематику будут гораздо глубже и правильнее». Однако он непоследователен в этом, и в той же записке называет систематиком М. А. Мензбира, положившего в основание классификации птиц морфологическое исследование. С другой стороны, возражая Ф. Б. Шмидту, он относит систематика Ф. Ф. Брандта к морфологам. К этому времени изучение не только внешнего, но и внутреннего строения уже вошло в арсенал систематиков. В пылу спора Ковалевский слегка утрирует. Широкое использование анатомии действительно стало новым методом, одной из составляющих систематики. Но этот новый метод, конечно, не был основанием для того, чтобы прекратить сбор коллекций, отказаться от использования традиционных признаков и от изучения традиционных групп животных, полностью переключиться с изучения разнообразия на исследование его происхождения. Задача систематики по определению состава животного царства, выработки естественной классификации и изучению распространения животных включает морфологию как свой метод и в этом смысле не систематика — часть морфологии, а, наоборот, морфология — часть систематики. Аргумент Ковалевского, что систематики к концу столетия уже явственно специализировались по группам и нет систематиков, «которые были бы одинаково сведущи... даже в двух-трех классах животного царства», можно в полной мере отнести и к морфологам.

Вопрос о выборах в Академию в 1896 г. стоял как вопрос о выборах директора Зоологического музея. Ф. Б. Шмидт, возражая А. О. Ковалевскому, считавшему, что морфолог вполне подходит, для того чтобы возглавить музей, указывал, что это должен быть систематик и зоогеограф, лучше всего — из числа работников музея. «Центральное учреждение, созданное Высочайшей Волею для целей систематики и географии животного царства и для изучения фауны Империи, в особенности нуждается в руководстве не морфолога, а систематика и зоогеографа»,⁴² — сказано в его особом мнении. Ф. Б. Шмидт замечал, что «зоологическая наука развивается и должна развиваться по разным направлениям, причем анатому и эмбриологу нужна лаборатория, биологу — станция, а систематику и зоогеографу — музей».⁴³ Как палеонтолог он указывал «на опасность, происходящую от уничтожения всех кафедр по систематической зоологии».⁴⁴ В аргументации Ф. Б. Шмидта ясно сказано о различиях в средствах достижения целей представителями разных направлений зоологии и косвенно признается, что до известной степени разными были и цели. При развитии специализации главный вопрос заключался в том, на что потратить деньги и время исследователя. Будет ли это приобретение или сбор коллекций для описания нового вида, или это будет дорогой микроскоп и микротом для изучения анатомических срезов или проточный аквариум для содержания живого материала и наблюдений за развитием эмбрионов. Если напористый под-

---

⁴² БАН, Ак. с. IV приложение к протоколу заседания ФМО АН 4 декабря 1896 г. Особое мнение академика Ф. Б. Шмидта.

⁴³ БАН, Ак. с. Протоколы заседаний ФМО АН. 1896. § 440.

⁴⁴ Там же.

ход морфологов кратко можно сформулировать как «сменим систематику на морфологию», то подход их оппонентов предлагал развивать и то и другое. Мы уже отмечали, что слова «систематика» и «морфология» во времена Ковалевского употреблялись не в том значении, которое мы вкладываем в эти понятия теперь, однако ясно также и то, что в тактическом смысле это были разные направления, ставившие разные, хотя и пересекающиеся задачи и требовавшие разных подходов к своему разрешению. Все-таки под «систематиком» имелся в виду исследователь, который преимущественно занят описанием новых видов и аранжировкой известных, изучающий многообразие животных и их распространение, строящий естественную систему организмов, а под «морфологом» — исследователь, значительную часть времени посвящавший работам по анатомии и эмбриологии и изучающий причины многообразия и пути его возникновения.

* * *

Противостояние «систематиков» и «морфологов» несомненно было одним из проявлений смены господствующей парадигмы в зоологии, основное содержание которой состояло в распространении эволюционных взглядов. Однако этим не исчерпывается внутренняя природа данного противостояния. В нем присутствовала и борьба «немецкой» и «русской» партий, имели значение и социально-политические, и религиозные взгляды оппонентов, пламенная вера представителей нового направления во всемогущество новых методов. В целом противостояние было многоаспектным. Научные революции, смены доминирующих парадигм не представляют собой линейного процесса, замены неправильных взглядов на правильные.⁴⁵ Эта смена вместе с положительными моментами несет и отрицательные. При возникновении нового круга интересов или распространении новых методов исследований страдает и то ценное, что заключала в себе отвергнутая парадигма. То же самое мы видим и в противостоянии «систематики» и «морфологии». Ф. Д. Плеске, Ф. Б. Шмидт и другие боролись с А. О. Ковалевским за право продолжать ширококомасштабное изучение биоразнообразия и выиграли эту борьбу, даже несмотря на то, что музей с подачи А. О. Ковалевского возглавил морфолог. Они боролись за свои направления, для развития которых надо было по-разному организовывать работу и добиваться соответствующего финансирования. Ничем другим нельзя объяснить фразу из письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову в январе 1894 г. по поводу выделения средств, полученных Ф. Д. Плеске на переустройство музея. После кончины Л. И. Шренка, Ковалевский писал: «Вы, может, уже слышали, что и второй зоолог Академии Шренк умер, так что из трех, подписавших представление о Плеске (Штраух, Шренк и Овсян[ников]), двое наказаны смертью, а третий прихварывает. Какая была бы прелесть, если бы они не успели провести эту дрянь, которой дали теперь 200 000 на устройство музея!».⁴⁶ Этот выпад прокомментирован научным сотрудником Архива Академии наук, комментатором писем А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову Л. К. Кувановой следующим образом: «Ковалевский, обладающий исключительной мягкостью и добротой характера, вместе с тем отличался чрез-

⁴⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

⁴⁶ Письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову (1866—1900). С. 208.

вычайной твердостью и непреклонностью в случаях, когда дело касалось принципиальных вопросов. Он не мог простить академикам Л. И. Шренку, А. А. Штрауху и Ф. В. Овсянникову, которые провели в академики малоавторитетного в научном отношении Ф. Д. Плеске». ⁴⁷ В связи со сказанным выше с ней трудно согласиться. Здесь видна горячность носителя новых взглядов, вызванная активным сопротивлением оппонентов, аргументы которых за прошедшие с тех пор более чем сто лет полностью подтвердили свою состоятельность.

Что же было сделано зоологами Академии наук в материальном плане для обеспечения развития систематики в Академии и ее музее? Следует признать, что сделано было так много, что даже победа А. О. Ковалевского в идеологических спорах и приход в Академию его ставленников и последователей не могли остановить ее развитие. Если в течение XIX в. о каком-то резком доминировании музея Академии в исследованиях по систематике можно говорить условно, то с конца XIX в. музей становится явным лидером в этом направлении. В конце XIX в. уникальная роль Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике была вполне осознана. Как раз в это время были предприняты усилия для выведения Зоологического музея из кризиса, в котором он оказался из-за переполнения его материалами многочисленных экспедиций. Важнейшее значение для музея имели экспедиции по Центральной Азии и Сибири, прежде всего экспедиции Н. М. Пржевальского: Монгольская (1870—1873), Лобнорская и Джунгарская (1876—1877), материалы которых поступили еще при Ф. Ф. Брандте, две Тибетские экспедиции (1879—1880, 1883—1885), а также экспедиции братьев Г. Е и М. Е. Грум-Гржимайло, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, П. К. Козлова и других исследователей этого региона. В результате сибирских экспедиций А. А. Бунге (младшего) (1882—1884), А. А. Бунге и Э. В. Толя (1885—1886), И. Д. Черского (1891—1892), Э. В. Толя и Е. И. Шилейко (1893) существенно пополнились собрания Музея не только по рецентной, но и по четвертичной фауне. Повысилась роль Зоологического музея в развитии международных научных связей. Его сотрудники участвовали в Первом (1884) и Втором (1891) международных орнитологических конгрессах, на которых вырабатывались международные правила зоологической номенклатуры, готовили создание Русского орнитологического комитета. ⁴⁸

Важнейшими шагами в укреплении позиций систематики стали получение музеем нового здания, расширение штата и финансирования. Зоологический музей переехал из здания Музейного флигеля Академии в новое здание у Дворцового моста. Переезд явился результатом трудов последовательно сменявших друг друга комиссий: Комиссии для переустройства Зоологического музея (1889—1895), Строительной комиссии по переустройству зданий Зоологического музея (1894—1896), Комиссии для заведывания работами по внутреннему устройству Зоологического музея (1896—1901). ⁴⁹ Весьма важную роль в обеспечении переезда сыграли оба директора музея конца XIX столетия: А. А. Штраух и в особенности — Ф. Д. Плеске, что до сих пор недооценивалось. Немало помог в этом деле также и глава Академии вел. кн. Констан-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ БАН, Ак. с. Протоколы заседаний ФМО АН. 1890. § 366.

⁴⁹ Слепкова Н. В. На Васильевском острове у Дворцового моста. СПб., 2001.

тин Константинович. Достаточно вспомнить его письмо С. Ю. Витте, датированное 19 ноября 1895 г., в котором он благодарит министра финансов за оперативный отклик на финансовые проблемы музея. Из этого письма видно, насколько внимателен был президент Академии к этим нуждам: «Ваше письмо доставило мне искреннейшую радость, за которую спешу от души Вас поблагодарить. Я буду совершенно счастлив, если Государь Император соизволит разрешить выдачу 50 тыс. руб. на устройство Зоологического музея, который благодаря этой поддержке в недалеком будущем явится одним из величайших музеев всего мира. Когда настанет день его открытия вы не налюбуетесь на него и не пожалеете денег, потраченных на его устройство».⁵⁰

Помимо вопросов, связанных с выработкой планов нового устройства музея, 13 марта 1895 г. было высочайше утверждено Положение о Зоологическом музее Императорской Академии наук.⁵¹ Его текст опубликован в первом томе «Ежегодника Зоологического музея», начавшего выходить в 1896 г.⁵² В Положении о Зоологическом музее по поводу основных направлений его деятельности сказано следующее: «1. Зоологический музей с состоящею при нем технической лабораториею — есть центральное учреждение в Империи для познания животного царства, преимущественно России. 2. Ближайшие задачи музея заключаются: 1) в научной разработке систематики и географии животного царства и в особенности в разрешении вопросов, касающихся отечественной фауны, и 2) в распространении познаний о животном царстве и воспособлении наглядному изучению зоологии по выставленным в музее коллекциям». В Положении нашло отражение мнение академиков, избравших Ф. Д. Плеске сначала в адъюнкты, а потом в экстраординарные академики и ратовавших за ориентацию Зоологического музея на систематические и зоогеографические исследования. Положение признает за музеем главенство в России в области зоологии, что является следствием принадлежности музея к ведущему научному учреждению страны — Академии наук. Вторым важным моментом деятельности музея стало считаться преподавание зоологических знаний средствами музейной экспозиции.

Штат научных сотрудников музея по новому положению был расширен. Персонал увеличился с 10 до 13 человек, не считая директора. Расширение произошло за счет научного персонала. Служащие при музее стали называться иначе: не штатными и нештатными хранителями, а старшими и младшими зоологами. В связи с увеличением штата и заработной платы стало возможно увеличить продолжительность рабочего дня сотрудников. С этой инициативой выступил Ф. Д. Плеске. Он докладывал отделению: «Недостаточная оплата трудов служащих при музее заставляла мириться с небольшим количеством рабочего времени, едва хватавшим для ведения текущих дел и безусловно недостаточным для приготовления музея к предстоящему переезду. .... Теперь, когда материальное положение служащих улучшилось, вполне возможно, а для дела необходимо увеличить число обязательных часов работы в музее для ученого персонала на один час, т. е. вместо 4 часов до 5, а для лаборатории

⁵⁰ РГИА, ф. 565, оп. 7 (1895—1897), д. 29329, л. 16, 16 об.

⁵¹ Высочайше утвержденное Положение о Зоологическом музее ИАН // Полное собрание законов Российской империи. Т. 15: 1895. СПб., 1899. С. 133—135.

⁵² Отчет по Зоологическому музею ИАН за 1895 г. // Ежегодник Зоол. музея ИАН. 1896. Т. 1. С. 50—55.

на два часа, т. е. до 7 часов вместо 5 в день».⁵³ Все это способствовало интенсификации исследований.

Несомненно, важнейшим достижением рассматриваемого периода стало также учреждение отдельного журнала для публикаций работ по систематике, выполненных в музее или на основании его коллекций. «Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук» просуществовал до 1931 г. С инициативой его создания выступил Ф. Д. Плеске в 1895 г. В Протоколах заседаний ФМО приведена вся его аргументация в пользу формирования такого специализированного издания.⁵⁴ Следует отметить, что существенную роль в создании этого органа сыграл, по всей видимости, энтомолог А. П. Семенов (А. П. Семенов-Тянь-Шанский). По крайней мере так он сам утверждал в своей биографии, написанной при его вторичном поступлении в музей в 1918 г.⁵⁵ Большая часть научных работ, выходявших из стен музея, печаталась в это время в изданиях Академии, попадая в зависимости от объема то в «Bulletin», то в «Mémoires» Академии. Этот способ публикации специальных работ по зоологии представлял значительные неудобства. Число ученых трудов не только сотрудников музея, но и сторонних специалистов, работавших с быстро разрастающимися коллекциями музея, увеличивалось с каждым годом. Ф. Д. Плеске указывал, что к этому времени более или менее выдающиеся учреждения, подобные Зоологическому музею, не только в Западной Европе, но даже в Америке, Азии, Австралии и Африке уже имели свои самостоятельные периодические издания. В обосновании Ф. Д. Плеске назвал 39 главнейших музеев всех частей света, имевших самостоятельные издания исключительно или преимущественно зоологического содержания. Цель специального органа Зоологического музея, по мнению Ф. Д. Плеске, во-первых, должна была состоять в том, чтобы дать место всем небольшим по объему работам, произведенным как в стенах самого Зоологического музея, так и вне его преимущественно на основании материалов музея. Это облегчало распространение этих работ в кругу специалистов по зоологии всех стран света. Во-вторых, журнал призван был служить выразителем внутренней жизни и нужд музея при помощи ежегодных отчетов о его деятельности, ряда кратких сообщений о приращении коллекций музея, о возникающих и подлежащих разрешению научных вопросах и проч. Новое издание должно было послужить проводником в публику точных сведений о научной работе музея и состоянии его и коллекций. Тираж предполагался в 450 экз. Важность этого журнала в развитии деятельности музея весьма велика.

Новое издание было посвящено специально систематической зоологии. Интересно, что позднее, уже при следующем директоре, В. В. Заленском, в 1898 г. А. О. Ковалевский и В. В. Заленский предприняли попытку изменить направление журнала. Указывая на наличие в Академии наук Особой зоологической лаборатории и Севастопольской биологической станции, они предлагали сделать «Ежегодник» органом не одного только Зоологического музея, но и других зоологических учреждений Академии наук. Предлагалось изменить его название с «Ежегодника Зоологического музея Императорской Академии

⁵³ БАН, Ак. с. Протоколы заседаний ФМО АН. 1895. § 172.

⁵⁴ БАН, Ак. с. Приложение к протоколу заседаний ФМО АН от 22 ноября 1895 г.

⁵⁵ БАН, Ак. с. II приложение к протоколу заседания Отделения физико-математических наук Российской Академии наук от 25(12) сентября 1918 г. (к § 303).

наук» на «Зоологический ежегодник Императорской Академии наук» и понимать под разработкой русской фауны «не только одно описание систематических признаков животных, водящихся в России, и их географического распространения, но и всестороннее изучение представителей животного мира в анатомическом и эмбриологическом отношении».⁵⁶ Мысль А. О. Ковалевского вполне ясна, добивался он такого изменения весьма настойчиво, не раз в особенности подчеркивая меньшую стоимость иллюстрирования работ, однако собрание Физико-математического отделения всякий раз отклоняло его просьбу.⁵⁷

Подводя итог, можно сказать, что в конце XIX в. в связи с нараставшей специализацией в биологии и существенным изменением круга интересов университетских зоологов, в ответ на институционализацию новых направлений исследований в стенах Академии, Зоологический музей Академии наук оформился в ведущий центр страны по систематике и фаунистике. Формированию устойчивой специализации ЗИН РАН на исследованиях по систематике способствовали многие факторы. Это прежде всего значительный возраст учреждения, формировавшегося в период тотального господства систематики и фаунистики, принадлежность музея к Академии наук, которая инициировала масштабные исследования биоразнообразия начиная с XVIII в. Важным является привилегированное столичное положение музея к началу периода бурной дифференциации зоологических дисциплин, вызывавшее приток в музей значительного числа коллекций. Это же обеспечивало внимание к музею со стороны правящей элиты. Представители дома Романовых неоднократно дарили музею ценные экспонаты и поддерживали финансово особенно важные исследования, вроде описания сборов Н. М. Пржевальского и др. Имел значение и ряд факторов субъективного характера. Это значительные усилия директоров музея А. А. Штрауха, Ф. Д. Плеске, главы Академии вел. кн. Константина Константиновича в обеспечении музея с материальной стороны в ключевой для формирования специализации момент. Имела значение и четко сформулированная позиция академиков, сторонников А. А. Штрауха и Ф. Д. Плеске, в отстаивании важнейшего стратегического направления исследований, их настойчивая и взвешенная политика, в скором времени принесшая блестящие результаты.

---

⁵⁶ БАН, Ак. с. Протоколы заседаний ФМО АН. 1898. § 33.

⁵⁷ Там же. § 84; § 158.

Н. А. АЩЕУЛОВА

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ
В ЛЕНИНГРАДЕ—САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ¹**

Социология науки в нашей стране прошла уникальный путь. С одной стороны, отечественная социология науки неразрывно была связана с общей социологией, с другой стороны, возрастание роли науки как одного из важнейших социальных институтов стимулировало изучение ее как специфического объекта познания. В СССР появилась новая научная дисциплина — науковедение, которая повлияла на процесс институционализации социологии науки.

В Ленинграде исследовательская работа в этом направлении началась уже в 1920-е гг., когда впервые стали проводить теоретические и эмпирические исследования для поиска путей организации управления наукой в новых социальных условиях. Наибольшее значение для формирования основных теоретических подходов к тогда неизвестной для российских специалистов области социологии — социологии науки — имели труды И. А. Боричевского, В. И. Вернадского, С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Ферсмана, Ю. А. Филипченко. В 1926 г. И. А. Боричевский предложил выделить изучение функционирования и развития науки в самостоятельную научную дисциплину, для обозначения которой использовать термин «науковедение». И как первый шаг институционализации новой отрасли знания — создать специальный институт.² Но тогда научная общественность не оценила важности социологического изучения науки, и идеи И. А. Боричевского не были реализованы. Дальнейшего развития социология науки в этот период так и не получила, в 1929 г. вся социология была признана «буржуазной наукой», на термин «социология» был наложен запрет. Однако вопросы социологии науки, как правило в опосредованной форме, рассматривались в трудах авторитетных российских ученых (Н. И. Бухарина, Б. М. Гессена, С. Г. Струмилина и др.).

Понадобилась примерно четверть века для возрождения социологии в СССР, важной составной частью которой стала социология науки.

---

¹ Фрагмент исследования «Социология науки в Ленинграде—Санкт-Петербурге: Историко-социологический анализ», грант РГНФ № 07-03-00400.

² *Боричевский И. А.* Выступление на объединенном заседании научного общества марксистов и конференции Психоневрологической академии от 11 апреля 1926 г. (ПФА, ф. 238, оп. 1, ед. хр. 129, с. 79—80).

Становление социологии науки как самостоятельной дисциплины в Ленинграде началось с середины 1950-х гг. Этому способствовало изменение социально-политической обстановки в стране, возросшее значение науки как производительной силы, повышение ее авторитета во всех сферах человеческой деятельности.

У истоков формирования социологии науки в самостоятельную научную дисциплину стоял И. А. Майзель. В 1955 г. в Ленинграде была защищена кандидатская диссертация, представляющая собой исследование некоторых сторон еще недостаточно изученной в то время проблемы — проблемы науки как специфического общественного явления. В работе наука характеризовалась «как особая форма отражения действительности в сознании людей, создаваемая благодаря усилиям всего общества и представляющая собой всеобщий духовный продукт общественного развития; а также ... как продукт и орудие общественно-исторической практики людей».³ Следует отметить, что автор использовал формулу К. Маркса — «наука как непосредственная производительная сила общества», которая в то время рассматривалась многими как «противоречащая марксизму».

С середины 1960-х гг. исследования по социологии науки в Ленинграде шли непрерывно, хотя наблюдались периоды подъема и спада.

Исключительно важную роль в становлении и распространении социолого-наукоедческого знания, разъяснении его сути и значения, в сплочении научного сообщества сыграл XI Международный конгресс истории науки 1965 г. (Польша), организованный Международным союзом истории и философии науки. На конгрессе много времени было отдано обсуждению проблемы науки о науке.

Особое значение для институционализации социологии науки также имел советско-польский симпозиум по проблемам комплексного изучения развития науки (Львов, 1966 г.), на котором развернулась оживленная дискуссия о существовании и названии этого нового направления. Из многих возможных вариантов: «наука о науке», «наукология», «наукознание», «науковедение» — был принят именно последний.⁴ После принятия названия новой дисциплины были предложены различные варианты ее построения как единой теории науки. П. В. Копнин в качестве основы единой теории науки предлагал использовать логику науки, Б. М. Кедров — историю науки, С. Р. Микулинский — сумму науковедческих дисциплин, И. А. Майзель (ленинградский социолог науки) — социологию науки, Г. М. Добров выделял «общее науковедение» как теорию науки, М. Г. Ярошевский утверждал, что науковедение возникает на стыке различных самостоятельных дисциплин и объединяет их в той мере, в какой они делают своим предметом науку, формируя тем самым новый синтез понятий и методов, придавая им специфическую направленность. На львовском симпозиуме 1966 г. был поднят вопрос и о предмете социологии науки. На Западе в это время пользовались научным авторитетом исследования по социологии науки в рамках структурно-функциональной социологии.

---

³ Майзель И. А. Специфические особенности науки как общественного явления : Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1955.

⁴ Майзель И. А. Науковедение: Становление и развитие // Доклады пленарного заседания шестой конференции «Науковедение на рубеже столетий (XX—XXI вв.): Традиции и новации». Санкт-Петербург, 29—30 января 2002 г. СПб., 2002. С. 3—12.

В СССР это направление считалось главным образом материалом для критики, поэтому социология науки на симпозиуме была рассмотрена как одна из дисциплин науковедческого комплекса. Так, Н. Каплан выделял четыре группы проблем социологии науки: природа науки, природа ученых, организация науки, взаимоотношение науки и общества; В. Ж. Келле представил предмет социологии науки в качестве исследования специфики науки как социального института, ее структуры и социальных функций, взаимодействия науки и общества; системы отношений в науке, которые складываются между людьми в процессе научной деятельности от зарождения идеи до ее реализации на практике, форм организации научной деятельности, места человека в системе внутринаучных отношений и роли ученого в обществе; А. И. Щербаков в центр внимания социологии науки поставил проблемы организации научного труда; Г. М. Добров связал социологические исследования науки с разработкой основ государственной политики в науке; А. А. Зворыкин выдвинул концепцию соотношения науковедения и социологии науки, он считал необходимым включить в социологию науки науковедение.⁵

Институционализация социологии науки сопровождалась появлением творческих коллективов. Возникло несколько центров социологических исследований науки, среди них — Ростов-на-Дону, Киев, Ленинград, Москва. В рамках советской Социологической ассоциации был создан Исследовательский комитет по социологии и социальной психологии науки. Значительный вклад в становление социологии науки внес коллектив кафедры философии естественных факультетов Ростовского государственного университета. Ее заведующий М. М. Карпов в 1961 г. опубликовал работу о роли науки в развитии общества.⁶ В 1968 г. появились две книги под одним и тем же названием: «Социология науки». Одна написана Г. Н. Волковым,⁷ другая — группой авторов из Ростова-на-Дону.⁸ Г. М. Добров в 1965 г. возглавил подразделение в АН Украины, именуемое сегодня Центром исследования научно-технического потенциала и истории науки. С 1969 г. он начал издавать журнал «Науковедение и информатика». В Москве в 1969—1970 гг. А. А. Зворыкин сформировал отдел социологии науки в созданном Институте конкретных социальных исследований АН СССР. В конце 1960-х—начале 1970-х гг. социологические исследования науки разворачивались в Москве в рамках отдела науковедения Института истории естествознания и техники АН СССР. Теоретической основой его формирования послужила программная статья С. Р. Микулинского и Н. И. Родного.⁹ В институт были приглашены специалисты по организации науки — Ю. М. Шейнин и В. И. Масленников, группа системных исследователей науки — И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин, В. Н. Садовский, Э. М. Мирский. Логикой научного познания занимались директор института Б. М. Кедров, а также В. С. Библер и Н. И. Родный, психологией научного творчества — М. Г. Ярошевский. С. Р. Микулинский организовал выпуск серии сборников

⁵ Келле В. Ж., Винклер Р.-Л. Социология науки // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 281—289.

⁶ Карпов М. М. Наука и развитие общества. М., 1961.

⁷ Волков Г. Н. Социология науки. М., 1968.

⁸ Социология науки / Под ред. М. М. Карпова, А. В. Потемкина. Ростов-н./Д., 1968.

⁹ Микулинский С. Р., Родный Н. И. Наука как предмет специального исследования // Вопросы философии. 1966. № 5.

под общей рубрикой «Науковедение: проблемы и исследования». В 1969 г. В. Ж. Келле, работая в Институте философии АН СССР, совместно с С. Р. Микулинским разработал программу конкретного исследования деятельности академических научных коллективов, которое было проведено в 1970—1973 гг. В него включились социологи из Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) под руководством С. А. Кугеля.¹⁰ В 1974 г. в серии «Науковедение» был опубликован сборник по социологическим проблемам науки.¹¹ В 1979 г. В. Ж. Келле в ИИЕТ АН СССР сформировал группу, преобразованную затем в сектор социологических проблем науки.

В Ленинграде в области социологии науки в эти годы разворачивалась активная работа. Становление социологии науки в самостоятельную научную дисциплину связано с именами С. А. Кугеля, И. И. Леймана, И. А. Майзеля и некоторых других ученых.

Для историка и социолога науки процесс институционализации интересен в ряде отношений. Прежде всего он наглядно фиксирует продуктивность научной деятельности, рост профессиональной культуры, междисциплинарную дифференциацию, изменение интеллектуальных традиций. Иногда этот процесс непосредственно влияет на создание идей, но гораздо чаще и в большей мере он способствует отбору, закреплению идей, обеспечивая преимущества одним из них в сравнении с другими.¹² Но еще более важным является тот факт, что институционализация позволяет зафиксировать место науки в иерархии общепризнанных ценностей, получение ее признания со стороны общества, широких научных кругов, институтов образования, властных структур и т. п.

Рассмотрим теперь, как конкретно протекал процесс институционализации ленинградской социологии науки.

В 1963 г. И. А. Майзель опубликовал монографию «Коммунизм и превращение науки в непосредственную производительную силу», а также ряд статей, посвященных взаимосвязи науки и производительной силы общества,¹³ науки и общественного прогресса.¹⁴

В конце 1960-х гг. он разработал целостную социологическую концепцию науки,¹⁵ в которой анализировались внутренние и внешние аспекты функционирования науки, ее взаимосвязь с материальным производством и другими социальными институтами. В 1965 г. в Ленинграде был создан общественный Институт социальных исследований (директор — В. П. Рожин). Отделом социальных проблем науки руководил Ю. С. Мелешенко, ведущий специалист в области философии техники. Основные разработки

¹⁰ Келле В. Ж., Кугель С. А., Макешин Н. И. Социологические аспекты организации труда научных работников в сфере фундаментальных исследований // Социологические проблемы научной деятельности. М., 1978.

¹¹ Социологические проблемы науки / Под ред. В. Ж. Келле, С. Р. Микулинского. М., 1974.

¹² Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX—XX вв. М., 1995. С. 8.

¹³ Майзель И. А. Производительные силы общества и наука // Тр. ЛИВТа [Лен. Ин-та водного транспорта]. Л., 1961.

¹⁴ Майзель И. А. Современная наука и общественный прогресс : Методическое пособие в помощь лектору. Л., 1969.

¹⁵ Майзель И. А. 1) Проблемы науковедения : (Наука о науке) // Сб. переводов и рефератов / Под ред. И. А. Майзеля, С. Р. Микулинского. М., 1966. Вып. 10; 2) Современная наука и общественный прогресс.

Ю. С. Мелешенко¹⁶ по философии техники соприкасались с социологическими проблемами техники исследованиями по социологии техники. В это время были проведены исследования, связанные с изучением деятельности ученых академических учреждений в области фундаментальных наук. Руководителем этих работ был И. И. Лейман — философ, методолог науки.

Крупномасштабные эмпирические исследования по социологии науки в Ленинграде начались примерно с середины 1960-х гг. и связаны они с именем С. А. Кугеля. Исследования проводились в науковедческой парадигме, основная задача — улучшение учебного процесса в вузах. Первый проект под руководством С. А. Кугеля касался молодых инженеров. Как отмечал сам автор, это исследование было востребовано временем. Повышение качества подготовки молодых специалистов, считала группа исследователей, связано не с учебным процессом, а с деятельностью молодых специалистов на производстве. «Нашей задачей было изучить эту деятельность, трудности, с которыми сталкиваются молодые специалисты...».¹⁷ В исследовании участвовали преподаватели институтов (Р. В. Свицерский, С. А. Тихомиров), анкетерами были студенты. Интересен тот факт, что, определяя выборку, исследователи выявили, что в цехах почти нет молодых инженеров, они сосредоточены в конструкторских бюро (КБ) и научно-исследовательских институтах (НИИ), в том числе академических, на низших ступенях исследовательского процесса.

Исследование приняло преимущественно социолого-науковедческий характер. Наличие данных о других сферах занятости позволило сравнить статус и роль инженеров в различных сферах, особенности статуса молодого исследователя в академических и отраслевых организациях. Этот проект в будущем стимулировал комплексное изучение проблем профессиональной мобильности. Один из ответивших на анкету комментировал: «Вы задаете разные вопросы, а вы спросите, работаю ли я вообще по специальности».

На основе этого исследования в 1971 г. была издана книга «Молодые инженеры».¹⁸ Позднее она была переведена в кратком изложении на английский язык и издана в США.

Таким образом, группа исследователей во главе с С. А. Кугелем вышла на социолого-науковедческую тему. С 1967 г. С. А. Кугель работал в составе Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ), а в 1968 г. им был создан первый в стране сектор социологии науки, который он сам и возглавил.

Создание сектора в ЛО ИИЕТ дало устойчивую базу и постоянные стимулы развитию социолого-науковедческих исследований. Уже в тот период в Ленинграде наметились основные направления социолого-науковедческих исследований.

1. Методологические проблемы. Наука как непосредственная производственная сила. Наука и общество. Наука как социальный институт.
2. Структура и динамика научных кадров. Новые научные направления.
3. Этические проблемы науки.

Ситуация сложилась так, что все, что было связано с науковедением в высшей школе, замыкалось в этот период на И. А. Майзеля. В Ленинград-

¹⁶ Мелешенко Ю. С. Человек, общество, техника. Л., 1964.

¹⁷ Кугель С. А. Записки социолога. СПб., 2005. С. 35.

¹⁸ Кугель С. А. Молодые инженеры. М., 1971.

ском университете (ЛГУ) это были науковедческие курсы, которые читались студентам экономического и философского факультетов. Курс по проблемам научно-технической революции был прочитан в Институте повышения квалификации при ЛГУ. Важная пропагандистская работа проводилась в Центральном лектории, в Университете марксизма-ленинизма. Ведущая тема всех названных курсов — научно-техническая революция; речь шла о науковедении как новом научном направлении, как о самопознании науки.

Термин «социолого-науковедческие исследования» становится привычным. Следует отметить, что формирование социологии науки в качестве самостоятельной дисциплины состоялось в рамках социальной философии, науковедения, практической (эмпирической) социологии.

Способствовал развитию социологии науки в Ленинграде и тот факт, что Ленинград был одним из ведущих научных центров страны. Здесь находилось большое число отраслевых научно-исследовательских институтов. Акцент в исследованиях ленинградских социологов был сделан на изучении именно отраслевой науки. Однако наука в Ленинграде в этот период имела ярко выраженную ориентацию на выполнение заказов Военно-промышленного комплекса (ВПК), в связи с этим многие НИИ были «закрытыми», что значительно затрудняло, а часто делало практически невозможным проведение социологических исследований. Возникали проблемы и с публикацией данных, предоставляемых ведомственными статистическими службами.

В центре внимания ленинградских социологов науки находилась трудовая деятельность ученых. Эмпирическая социология науки не затрагивала политическую основу общественной жизни, исследования носили характер выявления недостатков, препятствующих эффективной деятельности ученых.

Можно отметить некоторые отличительные черты ленинградской школы социологии науки: С. А. Кугель был ориентирован на крупномасштабные эмпирические исследования, И. А. Майзель и Ю. С. Мелешенко — на общетеоретические проблемы. Достижением 1960-х гг. является то, что ленинградские науковеды по существу провели стратификационную характеристику научного сообщества. Были определены критерии структурирования кадров науки и заданы основные структурные характеристики: квалификационные, профессиональные, демографические и пр. Это имело не только собственно социолого-науковедческое, но и более широкое методологическое значение, в частности, для изучения мобильности кадров, социальной истории науки. В эти годы определились основные методы сбора и обработки первичной социологической информации: опросы, сбор статистических данных, математико-статистическая обработка данных. На начальных этапах строилась районированная классическая выборка, затем в зависимости от специфики задач исследования характер выборки менялся. В процессе работы появилось деление на новые и традиционные направления в науке. Вместе с тем мы ограничивали индикаторы классификации лишь учеными степенями и званиями. Это позволяло охватить большие совокупности ученых, но не давало глубоких знаний о квалификации. С самого начала при обработке первичной социологической информации использовались математико-статистические методы, но в основном они ограничивались корреляционным анализом.¹⁹

---

¹⁹ Кугель С. А. Записки социолога.

Уже в те годы начал складываться стиль работы ленинградских социологов науки — масштабные опросы и отчеты в отдельных институтах, учитывались различные отрасли наук, а иногда узкие направления. Однако углубленно не изучалась ситуация отдельных лабораторий, что характерно, например, для французского социолога Т. Шинна и немецкой исследовательницы К. Кнорр-Цетины.

Как отмечают ленинградские социологи науки, в 1960-е гг. социология науки переживала подъем. «Это было время „хрущевской оттепели”, и с ней связано победоносное вторжение социологии в СССР».²⁰ В эти годы существовали и проблемы. Накопление эмпирического материала опережало его теоретическое осмысление и публикацию, ограниченно использовались математические методы, теоретико-методологическое и эмпирическое направления в ленинградской социологии науки скорее тесно соседствовали, чем органически переплетались.

Исследования проводились ради совершенствования организации научной деятельности и не затрагивали коренных социальных преобразований. Все социологические проекты строились в рамках социалистической парадигмы, но тем не менее, как вспоминает С. А. Кугель, отношения с властью были довольно сложные. «В Ленинградском совнархозе оказались люди, имеющие интерес к научным исследованиям. Поэтому социологические исследования поддерживались, однако только те, которые не выходили за рамки официальной идеологии».²¹ Более того, ленинградским ученым в 1950—1960-е гг. была свойственна вера в социализм, светлое будущее, для которого требуется лишь исправление отдельных недостатков существующего общества. Понимание невозможности устранения этих недостатков возникает у ученых Ленинграда наряду с осознанием неэффективности работы административно-командной системы. Изменение сознания ученых происходит в 1970-е гг., которые представляют новый этап в развитии социологии науки в Ленинграде.

Изучение истории социологии науки в Ленинграде—Санкт-Петербурге показало, что ее развитие происходило в тесной связи с развитием социологии науки в России и зарубежных странах. Наличие мощного научно-технического потенциала в нашем городе исторически предопределило формирование санкт-петербургской школы социологии науки, сохранение этого научного потенциала будет гарантией развития санкт-петербургской социологии науки.

---

²⁰ Интервью с И. А. Майзелем, 1998 г. (Архив СПбФИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН).

²¹ Интервью с С. А. Кугелем, 2004 г. (Там же).

VII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. А. ИВАНОВА

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ СПБНЦ РАН

Научный совет по социально-экономическим проблемам был образован на основании Постановления Санкт-Петербургского научного центра РАН (СПБНЦ РАН) в декабре 1998 г. и входит в структуру Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию СПБНЦ РАН. Председателем Совета с момента его образования является член-корреспондент РАН И. И. Елисеева. До создания этого Совета на протяжении многих лет в рамках Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию СПБНЦ РАН работала Секция по экономическим наукам во главе с доктором экономических наук профессором Б. Л. Овсевичем. Ее работе предшествовала деятельность Совета по социально-экономическим проблемам Междуведомственного координационного совета АН СССР в Ленинграде, существовавшего с 1979-го по 1992 г.¹ Первым его председателем был доктор экономических наук профессор И. И. Сигов, а с 1989 г. — доктор экономических наук профессор Ю. А. Лавриков.

В 1999—2006 гг. деятельность Совета была направлена на содействие повышению научного уровня и введению в практику проводимых в Санкт-Петербурге социально-экономических исследований, углублению интеграции высшей школы и научных учреждений в этой сфере, развитию теоретических исследований в области экономики.

Несколько заседаний Совета в этот период были посвящены проблемам развития высшего экономического образования. Обсудив доклад декана экономического факультета СПбГУ доктора экономических наук профессора Г. Г. Богомазова и докторов экономических наук профессоров СПбГУ Н. В. Раскова и Я. В. Соколова об экономическом образовании в СПбГУ (1999), Совет отметил лидерство Университета в экономическом образовании в Санкт-Петербурге и рекомендовал экономическому факультету СПбГУ уси-

---

¹ Звонкова Н. В., Иванова Е. А. Опыт региональной координации научных исследований // *Общественные науки*. 1984. № 4.

лить деятельность по подготовке специалистов по фундаментальным направлениям экономической теории. В этом же году на одном из заседаний Совета было проведено обсуждение новой классификации экономических специальностей, предложенных Высшей аттестационной комиссией. Рекомендации Совета были направлены в ВАК. Активное обсуждение вызвал доклад доктора экономических наук профессора, вице-президента Санкт-Петербургского государственного технического университета (СПбГТУ) В. В. Глухова о специально разработанной и действующей в СПбГТУ схеме движения финансовых потоков.

На совместном заседании Совета и Секции социально-экономических проблем и статистики Дома ученых, посвященном 200-летию коммерческого образования в России (2000), были заслушаны научные сообщения о становлении обучения страховому и бухгалтерскому делу, о петербургских училищах и высших учебных заведениях, которые давали образование в этой сфере, об их учебных программах.

Рассматривались на заседаниях Совета и проблемы научной сферы. С вопросом о формировании рынка интеллектуальной собственности в 1999 г. на Совете выступил член Северо-Западной гильдии руководителей науки, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Государственного университета—Высшей школы экономики кандидат технических наук В. В. Антипин. Совет поддержал его предложение о необходимости разработки правовых основ новых видов знаний и формирования системы правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности.

В марте 2000 г. было проведено совместное заседание Совета по социально-экономическим проблемам и Совета по науковедению и организации научных исследований СПбНЦ РАН, на котором с докладом «Научный потенциал Санкт-Петербурга (на материалах статистики)» выступила начальник отдела науки Петербургкомстата Е. Э. Казначей. Плодотворным был обмен мнениями между учеными (экономистами и социологами) и работниками городской статистической службы по проблемам сбора данных о научном потенциале города. В обсуждении приняли участие и сотрудники Санкт-Петербургского отделения Центра исследований по статистике науки.

На одном из заседаний Совета в 2001 г. состоялось слушание по теме «Инновационные проблемы в современном обществе: образовательные, научные и практические аспекты», на котором выступили директор Института инноватики Санкт-Петербургского государственного технического университета И. Л. Туккель, доктор экономических наук, заместитель директора Института проблем региональной экономики РАН А. А. Румянцев, доктор экономических наук профессор, заведующий кафедрой экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета С. В. Валдайцев, доктор экономических наук профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов В. В. Платонов. Совет одобрил деятельность университетов по подготовке кадров для инновационной сферы.

На заседаниях Совета обсуждались исследования, которые имеют большое практическое значение для Санкт-Петербурга. В январе 1999 г. на Совете были прочитаны доклады заместителя директора проекта «Реконструкция центра Санкт-Петербурга» кандидата экономических наук Л. Э. Лимонова и доклад заместителя директора проекта «Стратегический план для Санкт-Пе-

тербурга» доктора экономических наук Б. С. Жихаревича о ходе реализации Стратегического плана города. Доклад главного научного сотрудника Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», кандидата экономических наук Н. Ю. Одинг об инвестиционной программе Санкт-Петербурга и ее реализации заслушивался на Совете в октябре 2000 г. На этом же заседании с содокладом об инвестиционной политике города выступил А. М. Ходачек, являвшийся в то время первым заместителем председателя Комитета экономики и промышленной политики Администрации города.

Тенденции, наметившиеся в социальной жизни общества, были рассмотрены на заседании Совета в ноябре 1999 г., на котором заместитель директора Социологического института РАН кандидат политических наук А. В. Дука сделал доклад по результатам большого научного исследования «Политические и экономические ориентации региональной элиты» (Санкт-Петербург и Ленинградская область).

На заседании Совета в марте 2002 г. обсуждалась тема «Рынок труда: Мифы и реальность, проблемы и перспективы». В качестве содокладчиков выступили доктор экономических наук М. А. Клупт, доктор физико-математических наук В. Т. Перекрест и доктор экономических наук, руководитель Департамента Федеральной службы занятости населения по Санкт-Петербургу Д. С. Чернейко. В их докладах был дан анализ проблем занятости и безработицы населения Петербурга, его профессиональной и территориальной мобильности, материального положения петербургских семей.

В активе Совета имеются и примеры ознакомления с зарубежной экономической практикой. В июне 2004 г. на заседании Совета с докладом «10 лет в американском банке: взгляд изнутри» выступила Н. Эфрос. Профессионал-экономист, специалист по математической статистике, работающий в банке, предлагающем кредитные услуги населению, Н. Эфрос смогла многое рассказать своим коллегам о рынке потребительских кредитных карточек, об организации труда в банке. Интерес участников заседания, выразившийся в большом количестве вопросов, объяснялся тем, что это направление деятельности банков в то время только начинало развиваться в нашей стране.

Регулярно заслушивались на Совете доклады о новых направлениях развития современной экономической науки. На этих заседаниях были представлены статистика и эконометрика, математическое моделирование и теория игр, общая экономическая теория и экономическая история, бухгалтерский учет и другие экономические дисциплины. Не перечисляя все заседания, посвященные современным экономическим исследованиям, отметим, что некоторые из них проводились совместно с Секцией социально-экономических проблем и статистики. Упомянем лишь совместное заседание, тема которого «Прощание с XX веком» была определена вступлением человечества в новое тысячелетие. Докладчики остановились на самых выдающихся, с их точки зрения, открытиях, сделанных в экономической науке в XX в.: доктор физико-математических наук И. В. Романовский раскрыл значение линейного программирования в формировании экономико-математического направления, доктор физико-математических наук Е. Б. Яновская рассказала о развитии теории игр, кандидаты физико-математических наук С. Л. Печерский и К. Ю. Борисов выделили этапы развития теории общего

экономического равновесия, а доктор физико-математических наук Л. А. Руховец и кандидат физико-математических наук В. Д. Матвеев остановились на истории формирования макроэкономики как самостоятельного раздела науки.

Знаменательное для Совета событие состоялось в год 300-летия Санкт-Петербурга. Совет участвовал в проведении Круглого стола по экономике в рамках международной петербургской встречи лауреатов Нобелевской премии «Наука и прогресс человечества», проходившей в июне 2003 г. На заседании Круглого стола выступили лауреаты премии в области экономики профессора Дж. Хекман с сообщением «Политика повышения квалификации в современных обществах» и Л. Клайн с сообщением «Эмпирические распределения в российской экономике». На этом заседании также выступили академики В. Л. Макаров, А. Г. Гранберг, Д. С. Львов, В. И. Маевский, члены-корреспонденты РАН И. И. Елисеева и В. В. Окрепилов. Выступления крупнейших ученых-экономистов в рамках Круглого стола и их публичные лекции, прочитанные в здании Санкт-Петербургского научного центра, получили широкий отклик в экономическом сообществе города, способствовали вовлечению ученых нашего города в движение мировой экономической мысли.

В кратком обзоре деятельности Совета в последние годы необходимо отметить еще одно направление его работы. Начиная с 1999 г. ежегодно Совет проводил свое июньское заседание в виде научной конференции, посвященной истории развития экономической науки в Петербурге. В 1999—2003 гг. эти заседания проходили в рамках крупных междисциплинарных конференций, которые организовывал Объединенный совет по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию СПбНЦ РАН. В сборниках научных трудов этого совета публиковались и доклады, заслушанные на экономических конференциях. По конференциям, проведенным Объединенным советом, в настоящее время издано 16 таких сборников, 4 из них составлены из докладов ученых-экономистов.

Первая ежегодная конференция Совета состоялась в 1999 г. в рамках большой междисциплинарной конференции «Петербургская Академия наук в истории академий мира : К 275-летию Академии наук». На ней были заслушаны доклады о развитии демографических исследований в Петербурге, об академических А. К. Шторхе и С. Н. Солнцева, об экономических воззрениях П. Б. Струве, становлении финансовой науки в России, начале работ по линейному программированию в Советском Союзе, истории становления экономико-математических методов в Академии наук СССР, истории основания по инициативе Л. В. Канторовича нового направления в подготовке экономистов в Ленинградском университете — экономической кибернетики, о взаимодействии экономической теории и государства, об отечественных фондах поддержки науки, основных принципах финансирования Академии наук на разных этапах ее существования. Перечисленные доклады группировались вокруг проблем развития экономической науки в Петербурге и экономической истории города.²

Три следующие конференции Совета были проведены в 2001—2003 гг. и посвящены 300-летию основания Санкт-Петербурга. Материалы этих конфе-

---

² Петербургская Академия наук в истории академий мира : К 275-летию Академии наук : Материалы междунар. конф. 28 июня—4 июля 1999 г. СПб., 1999. Т. 4.

ренций были изданы в виде трех томов в серии «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».³ Экономическая наука принадлежит к тем областям знаний, которые не получили значительного развития в нашей стране, особенно в условиях советской системы. В то же время в России нередко зарождались новые направления экономической мысли, плоды которых использовались во всем мире, но не были в полной мере востребованы на родине. Так произошло с линейным программированием, созданным Л. В. Канторовичем; то же можно сказать об экономгеографических школах, сформировавших теорию размещения производительных сил, теорию измерения затрат и результатов. Гениальные догадки, синтезированные в стохастическую теорию статистики — основу современной математической статистики, впервые были высказаны А. А. Чупровым. Часть докладов на конференциях и соответственно статей в сборниках посвящена достижениям петербургских ученых и их вкладу в развитие этих направлений экономической науки.

Научный вклад А. А. Чупрова и школы «чупровцев» в статистическую науку раскрыт в статье «Вклад ленинградских—петербургских ученых в развитие экономической науки». В этой статье подчеркивается значение его идей, составляющих основу развития математической статистики. В ней дан и краткий обзор достижений учеников А. А. Чупрова, прежде всего Н. С. Четверикова (1885—1973), Б. И. Карпенко (1892—1976) и других.

Важное место в сборнике отводится лидерам экономико-математического направления, которое зарождалось в Ленинграде, — Л. В. Канторовичу и В. В. Новожилову. Экономико-математические исследования начались в нашем городе еще до войны. В 1939 г. в издательстве Ленинградского университета вышла брошюра Л. В. Канторовича, в которой были заложены основы нового научного направления — линейного программирования. Несколько статей посвящено развитию этого направления в Ленинграде—Петербурге, в том числе и статья об одном из ярких ученых, работавших в этой области, докторе экономических наук Б. Л. Овсиевиче.

Конец 1950-х—середина 1970-х гг. — это период зарождения и интенсивного развития в Ленинграде многих направлений экономических исследований. В это время ленинградские ученые внесли свой заметный вклад в развитие и изучение социально-экономических процессов в экономических системах разных типов. Статья об основателе кафедры экономики современного капитализма на экономическом факультете Ленинградского университета, авторе одного из первых учебных пособий по проблемам развивающихся стран, докторе экономических наук профессоре С. И. Тюльпанове (1901—1984) также помещена в этом сборнике. В ряде статей отражено развитие теории бухгалтерского учета и финансовых вычислений в трудах петербургских ученых. В целом статьи, включенные в сборник, позволяют получить представление прежде всего о тех направлениях экономической науки, которые с трудом прокладывали себе дорогу, а сейчас общепризнаны.

В статьях сборника «Петербург в экономическом пространстве: История и современность» прослежена история развития экономической науки в Петербурге. В них содержится анализ влияния европейской экономической мыс-

---

³ Вклад Академии наук в познание России. СПб., 2002; Вклад ленинградских—петербургских ученых в развитие экономической науки. СПб., 2003; Петербург в экономическом пространстве : История и современность. СПб., 2003.

ли на развитие политической экономики в Санкт-Петербургском университете в XIX—первой половине XX в., отражено проникновение западных идей, их трансформация и влияние на формирование Санкт-Петербургской школы бухгалтерского учета, дана характеристика Петербургской школы балансоведения, проанализировано влияние межотраслевых моделей В. В. Леонтьева (1906—1999) на развитие теории и практики макроэкономического моделирования. В сборнике помещены творческие портреты экономистов С. В. Бородавского (1870—1942) и И. И. Иванюкова (1844—1912).

История развития экономической мысли в Петербурге не ограничивается только последними двумя столетиями его существования. На конференции 2001 г., а соответственно и в сборнике материалов этой конференции «Вклад Академии наук в познание России» большое внимание было уделено экономическим представлениям, бытовавшим в России в XVIII в.: основополагающим экономико-статистическим исследованиям Петербургской Академии наук во второй половине XVIII—начале XIX в., связанным с именами М. В. Ломоносова (1711—1765), И. Ф. Германа (1755—1815), К. Ф. Германа (1767—1838), П. И. Кеппена (1793—1864), деятельности Академии наук по изучению природных богатств России и их использованию для развития экономики, истории представлений о государственных финансах, экономическим представлениям членов Вольного экономического общества Н. А. Львова (1753—1804) и А. И. Гильденштедта (1754—1781).

Значительное место, особенно на конференции 2003 г., занимали доклады о различных экономических сторонах жизни Петербурга, также включенные в сборники Совета. В нескольких статьях развитие города представлено через призму статистики, отражающей его прошлое и настоящее, служащей основой стратегического планирования. Имеются статьи по статистике населения, по истории становления Петербургского транспортного узла, по научному потенциалу города. Столичный характер Петербурга предполагал, что в нем сосредоточены центральные органы управления страной. Этот аспект экономической жизни города также нашел отражение в ряде статей. Несколько статей посвящено людям и организациям Петербурга.

Следует обратить внимание на одну особенность изданных Советом сборников. Все они имеют приложения в виде перепечаток статей из малодоступных современному читателю изданий. Эти своеобразные иллюстрации к статьям позволяют объемней представить историю развития экономической науки в Петербурге.

Продолжая традицию проведения июньских заседаний в виде конференции, Совет провел в июне 2004 г. конференцию «Государство и рынок: История и современность». Проблема «государство и рынок» является одной из дискуссионных проблем экономической науки. На конференции рассматривались две группы вопросов: теоретические аспекты проблемы, способы измерения эффективности и границ государственного вмешательства в действие рыночного механизма и проблемы взаимосочетания государственной экономической деятельности и рынка в разные периоды истории России, включая настоящий период. С докладами выступили ученые из ведущих экономических центров Петербурга: Университета экономики и финансов, Европейского университета, Экономико-математического института РАН, Института проблем региональной экономики РАН, Института истории РАН, Леонтьевского центра. Санкт-Петербургский государственный университет был представлен

сотрудниками экономического факультета и факультетов менеджмента и международных отношений.

Кроме конференций, организованных в рамках крупных междисциплинарных проектов, Научный совет по социально-экономическим проблемам проводит научные и научно-практические конференции по актуальным вопросам развития экономической мысли и общественной практики. Так, в 2005 г. была проведена международная конференция «Государство как экономический актор», в 2006 г. — научно-практическая конференция «Социальные резервы повышения эффективности региональной экономики». Междисциплинарная деятельность Совета проявляется и в совместных мероприятиях с другими научными советами, которые входят в структуру Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию СПбНЦ РАН. Многие члены Научного совета являются постоянными лекторами на ежегодных сессиях Международной школы по социологии науки и техники.

Большое внимание в своей работе Совет уделяет междисциплинарным научно-исследовательским проектам. В последние годы в Совете выполнялись три таких проекта: «История российского предпринимательства (XIX—начало XX в.)», «Российская и европейская экономическая мысль: Опыт Санкт-Петербурга», энциклопедический словарь «Экономический Санкт-Петербург».

Проект, посвященный истории российского предпринимательства, выполняется совместно с факультетом менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета с 2004 г. Задачей проекта является объединение усилий историков и экономистов в исследовании малоизученных страниц истории отечественного предпринимательства. В рамках данного проекта были проведены три конференции, первые две имели статус всероссийских, а последняя стала международной. К конференциям печатаются тезисы докладов, а по итогам издаются сборники материалов конференций.⁴

История российского предпринимательства изучена крайне недостаточно, в ней до сих пор остается значительное число неисследованных вопросов, множество белых пятен. На исследователей экономической истории в разные периоды, переживаемые страной, сильное влияние оказывали идеологические доктрины, доминировавшие в российском обществе. Это относится не только к советским историкам, но и к историкам, жившим и работавшим до революции. Диаметрально противоположные точки зрения высказывались, в частности, по поводу роли общины, степени развития капиталистических отношений, особенно их высших форм (тресты, концерны), уровня зависимости экономического развития России в начале XX в. от иностранного капитала и по множеству других вопросов. По-разному оценивалась историками и экономическая политика Российского государства.

Основное внимание на конференциях уделялось развитию российского предпринимательства в конце XIX—начале XX в. Этот период и был рассмот-

---

⁴ История предпринимательства в России: XIX—начало XX века : Материалы Всерос. конф. 25—26 июня 2004 г. СПб., 2005; История предпринимательства в России: XIX—начало XX века : Материалы Всерос. науч. конф. 9—10 сентября 2005 г. СПб., 2006. Вып. 2; Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства : Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 8—10 декабря 2006 г. СПб., 2006.

рен в большинстве докладов. Однако в отдельных выступлениях историческая перспектива рассматривалась с начала XIX и даже с конца XVIII в. Был охвачен вниманием и советский период до 1930-х гг., когда в экономике страны еще сохранялись отдельные сегменты частного предпринимательства.

Активное участие в конференциях принимали историки из Петербурга, Москвы, Калуги, Ярославля, Северо-Двинска, Петрозаводска, Уфы, Челябинска. Они представляли Санкт-Петербургский институт истории РАН (академик Б. В. Ананьич, д-р ист. наук Л. Е. Шепелёв), исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета (д-р ист. наук Т. М. Китанина), Российский государственный педагогический университет (д-р ист. наук М. Н. Барышников), факультет менеджмента СПбГУ (д-р ист. наук А. А. Семенов, канд. экон. наук Н. П. Дроздова), Российскую Национальную библиотеку (А. П. Керзум), Московскую высшую школу социальных и экономических наук (д-р экон. наук А. А. Бессолицин), Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея» (Л. Н. Велиховский), Российский университет дружбы народов, Москва (д-р ист. наук В. Керов), Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (канд. ист. наук Н. А. Кораблев), Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (д-р ист. наук П. В. Лизунов), Петрозаводский государственный университет (канд. ист. наук А. М. Пашков), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (д-р ист. наук Л. И. Бородкин), Государственный университет—Высшую школу экономики (д-р ист. наук А. Д. Кузьмичев, д-р экон. наук С. К. Никитина), Институт российской истории РАН, Москва (д-р ист. наук И. В. Поткина, д-р ист. наук В. Л. Степанов), Башкирский государственный университет, Уфа (д-р ист. наук Р. А. Хазиев), Институт всеобщей истории РАН, Москва (д-р ист. наук Б. М. Шпатов). Были представлены и другие университеты и исследовательские институты России.

Тематика докладов охватывала все формы предпринимательской деятельности: артели, кооперативы, мелкие и средние предприятия, крупные фирмы, акционерные общества и т. д. В докладах была прослежена история большинства отраслей и секторов российской экономики: банковского дела, железных дорог, речного и морского пароходств, лесопромышленности, нефтяных промыслов, торговых фирм, аграрного сектора, промышленности, церковного хозяйства.

В отдельных докладах освещалась роль купечества, так как до середины XIX в. традиции купечества оказывали значительное влияние на развитие предпринимательства в России и определяли ценности, содержание и направленность отечественного предпринимательства. Несемейные формы получали сравнительно быстрое распространение в крупных торгово-промышленных центрах, где были необходимые ресурсы, более квалифицированные кадры, а также этническая и конфессиональная терпимость. На конференции были представлены доклады об этнических и конфессиональных особенностях предпринимательства. Ряд докладов был посвящен старообрядческому предпринимательству в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой губерниях. В старообрядческих общинах торгово-промышленная деятельность сочеталась с духовным служением во благо «истинной веры». Старообрядческое предпринимательство было представлено в транзитной торговле хлебом, рыбой, дровами, в горном деле, мукомольном произ-

водстве, льноводстве, пушном промысле, деревообработке. Исследователи обратили внимание и на связи старообрядческих общин Москвы, Петербурга, Ярославля, Рыбинска, Романово-Борисоглебска. Особенно процветало старообрядческое предпринимательство в 1860—1870-е гг., но распад сословия гильдейского купечества, новые экономические условия в стране требовали модернизации производства, переориентации на новые сферы предпринимательства. Однако вплоть до начала XX в. предприниматели из старообрядцев сохраняли свои позиции во многих городах Европейского Севера России.

На всех четырех конференциях были заслушаны доклады по истории профессионального и коммерческого образования. До 1890-х гг. в России насчитывалось всего восемь коммерческих училищ, лишь в конце XIX в. в стране началось быстрое развитие начального и среднего профессионально-технического и коммерческого образования. В пореформенный период происходила ускоренная индустриальная модернизация, и это требовало повышения грамотности и профессиональной подготовки инженеров, химиков, механиков, конструкторов, машинистов, техников, мастеров, квалифицированных рабочих. Необходимо было ввести стандарты для реальных училищ и начальных школ, требовалась система специального технического образования. В это время обозначилась тенденция преимущественного участия в основании и поддержке учебных заведений представителей делового мира, купечества, фабрикантов, банкиров. Заметную роль в развитии среднего профессионального образования сыграло Русское техническое общество через свою Постоянную комиссию. В 1889 г. в Санкт-Петербурге, а затем и других крупных городах было создано Общество для распространения коммерческих знаний. В него входили представители купечества и банкиры. В 1896 г. было принято Положение о коммерческих учебных заведениях, а в 1909 г. — дополнения к нему. По этому положению учебные заведения разрешено учреждать обществам, сословным организациям, городам, земствам и частным лицам исходя из потребностей местной торговли и промышленности. Развитие образования становится одним из важных направлений в деятельности земских и городских органов самоуправления. В 1898 г. около трети всех расходов на образовательные учебные заведения покрывались за счет затрат казначейства, остальные — за счет земств, средств городского самоуправления, пожертвований частных лиц. В это время в России складывается многоуровневая воспитательно-образовательная система профессиональной подготовки. В 1913 г. помимо училищ, дающих начальное и среднее профессиональное и коммерческое образование, высшее коммерческое образование в России было представлено шестью высшими учебными заведениями, в том числе Петербургскими высшими коммерческими курсами М. В. Побединского и Институтом высших коммерческих знаний, а также коммерческим отделением петербургского Политехнического института.

На конференциях была отражена география российского предпринимательства: Петербург, Москва, губернии Центральной России, Европейского Севера, Новороссии, Урала, Забайкалья. В ряде докладов рассматривалась история фирм, финансовых и промышленных групп, коммерческих торговых компаний, предприятий и отдельных предпринимателей. Интерес участников конференций вызвали доклады об иностранном предпринимательстве в России. В части докладов была прослежена благотворительная деятельность

фирм, союзов предпринимателей и отдельных предпринимателей. Особый вид предпринимательства — кооперативное движение — также нашел отражение в ряде выступлений. По оценке Туган-Барановского, в начале XX в. Россия по числу кооперативов занимала первое место в мире. При этом развитие кооперативного движения шло от потребительской кооперации к организации первичной обработки сырья.

Затрагивались на конференциях и проблемы взаимодействия государственного и частного предпринимательства. В докладах и выступлениях анализировалась деятельность предпринимательских союзов, военно-промышленных комитетов. Темы многих докладов были связаны с общеинституциональными условиями российского предпринимательства: формированием института собственности, отдельными аспектами государственной экономической политики (фискальной политики, политики промышленного протекционизма), с формированием общероссийского товарного рынка, становлением фондового рынка, законодательным регулированием деятельности банков и промышленных фирм, стратегией и тактикой стимулирования экономического развития России. Рассматривались на конференциях и проблемы развития экономической мысли в России, становление менеджмента как одной из экономических наук.

В рамках каждой конференции проходили выставки из собраний Российской Национальной библиотеки (РНБ) и Библиотеки Российской Академии наук. В 2006 г. одно из пленарных заседаний прошло в РНБ, где была подготовлена выставка литературы, изданной в XVIII—начале XX в. по российскому предпринимательству. Был издан каталог этой выставки.⁵

Второй исследовательский проект Совета — «Российская и европейская экономическая мысль: Опыт Санкт-Петербурга» — был поддержан Российским гуманитарным научным фондом. Актуальность проекта связана с тем, что в настоящее время ощущается острая потребность в изучении истории отечественной экономической науки. Современные фундаментальные исследования в этой области почти отсутствуют. История российской науки в значительной степени связана с историей Петербурга. Со времени его основания город был и остается центром притяжения ученых, формирования научных школ, разработки новых идей и технологий, их обсуждения и развития. Здесь возникли первые общественные организации, объединяющие интеллектуальную элиту: Вольное экономическое общество (1765) и Русское географическое общество (1845). Создание в 1724 г. Академии наук с широким привлечением первоклассных европейских ученых не могло не сказаться на развитии науки в Санкт-Петербурге. Технологический, Горный институты, Университет и, наконец, высшее учебное заведение нового типа — Политехнический институт императора Петра Великого — были центрами формирования научных школ, развитие которых продолжалось многие десятилетия. За 300-летнюю историю города петербуржцы внесли и продолжают вносить свой вклад в развитие отечественной и мировой экономической науки. Среди историков — специалистов по экономической истории и истории экономической мысли существуют диаметрально противоположные мнения об уровне развития экономической

---

⁵ Менеджмент производственной сферы: Материалы к библиографии: Монографии и брошюры на русском языке XVIII в.—1930 г. СПб., 2006.

науки в России, о ее взаимосвязях с историей развития мировой экономической науки и ее вкладе в мировую экономическую мысль. Даже признанные достижения отечественных ученых нередко трактуются как отдельные феномены. Не исследован и вопрос о влиянии российских ученых-эмигрантов на развитие экономической науки в западноевропейских странах и в США. Не раскрыта новационная роль единственного российского города европейского типа — Санкт-Петербурга — в распространении западноевропейских идей, в формировании оригинальных научных школ. Задача проекта — показать развитие русской экономической мысли в работах петербургских ученых и ее взаимодействие с европейскими теориями.

Исследование научного наследия петербургских ученых в настоящее время представлено в большинстве своем работами о достижениях отдельных экономистов. Вместе с тем в Петербурге, а затем в Ленинграде, как уже отмечалось выше, создавались целые научные школы и направления, такие как школа А. А. Чупрова, экономико-географические школы, петербургская школа бухгалтерского учета, школа экономико-исторических исследований, экономико-математическая школа и др. Комплексное изучение вклада представителей всех направлений петербургских ученых-экономистов стало основной целью данного исследовательского проекта. Проект направлен на воссоздание истории развития экономической мысли в Петербурге в контексте взаимосвязей Россия—Петербург—Европа и в контексте экономической истории России. В рамках проекта поставлено несколько задач: проследить особенности восприятия в России основных экономических теорий (меркантилизма, классической политэкономии, неоклассики, монетаризма, институционализма); выявить роль экономического описания и анализа для создания и осмысления современных теорий; проанализировать роль условий восприятия экономических теорий в России и Петербурге; исследовать основные труды, научные дискуссии и научную переписку, отражающие экономическую мысль и влияние различных европейских школ на российскую мысль.

Результаты исследований по данному проекту находят выражение в докладах на ежегодных конференциях Совета «Российская и европейская экономическая мысль: Опыт Санкт-Петербурга». В конференциях принимают участие ученые из петербургских институтов РАН и ведущих университетов города. Доклады, прочитанные на этих конференциях, составляют основу сборников научных статей, издаваемых Советом.⁶

Основная часть научных статей сборника 2005 г. представляет собой некоторое целостное единство, поскольку в них раскрываются экономические воззрения представителей петербургской экономической школы, которая складывалась в знаменитом Политехническом институте Петра Великого. Это прежде всего статья В. В. Чепарухина об экономических воззрениях Д. И. Менделеева, статья И. И. Елисеевой, посвященная судьбе и вкладу в науку А. А. Чупрова, роль которого в формировании современной математической статистики до сих пор не оценена в полной мере. К ним примыкает статья А. Л. Дмитриева о В. В. Никольском — первом заведующем кафедрой статистики Ленинградского финансово-экономического института, созданного

---

⁶ Российская и европейская экономическая мысль: Опыт Санкт-Петербурга. 2005. СПб., 2006.

в 1930 г. из осколков экономического факультета Политехнического института, а также статья Я. В. Соколова о своем учителе, выпускнике Политехнического института Н. М. Новосельском. Историческое полотно отношения к статистике в советский период представлено в статье О. Б. Шейнина «Статистика и идеология в СССР». Развитие экономико-математического направления прослеживается в статье А. В. Воронцовского, посвященной трудам профессора В. Г. Серебрякова, в которой отражается проникновение идей современной микро- и макроэкономики в нашу страну в советский период.

Петербург—Ленинград всегда аккумулировал огромный научный потенциал, влияние которого сказывалось на развитии как естественных, так и экономических и других общественных наук. Реформаторский потенциал советского общества в индустриальной сфере, роль инженерно-технической интеллигенции, особенно проявившаяся в период хрущевской оттепели и во время перестройки, раскрывается в статье А. З. Ваксера.

Большинство статей этого сборника касается XX в., в них воссоздаются портреты петербургских ученых, их идеи, их влияние на учеников. Лишь три статьи возвращают нас в XIX и XVIII вв. Статья А. Л. Дмитриева и Н. В. Хованова посвящена своеобразной трактовке смитовского понятия «человеческий капитал» Н. А. Полевым — писателем и экономистом, чья активная творческая деятельность проходила в первой трети XIX в. Анализ социально-экономических взглядов и политики Екатерины II с позиций такого направления современной экономической мысли, как новая институциональная экономическая история (НИЭТ), содержит исследование Н. П. Дроздовой. Статья Е. А. Ивановой показывает роль Академии наук и вклад европейских и отечественных ученых, отдавших лучшие годы своей жизни и творчества академическим экспедициям XVIII в. в малоизученные тогда районы Российской империи.

Представленные в сборнике 2006 г. статьи собраны в два раздела: первый связан с восприятием идей европейской и мировой экономической науки; второй — с анализом направлений модернизации России, роли науки и образования, влияния великих российских ученых и государства на развитие России. Последовательность расположения статей, включенных в первый раздел, определяется принципом историзма: временем возникновения того или иного направления экономической мысли.

В XVIII—XIX вв. наиболее тесные экономические, политические, научные и культурные связи Россия имела с Германией. В статье Л. Д. Широкограда влияние немецкой школы объясняется прежде всего приглашением большого числа немецких ученых для работы в основанную Петром I Академию наук и в Московский университет. Он отмечает также, что значительная часть обучавшихся за границей молодых русских ученых проходила обучение в немецких университетах. В первой половине XIX в. выдающиеся немецкие экономисты, работавшие в России, преподавали российским студентам политическую экономию, финансовое право и статистику.

В XIX в., особенно во второй его половине, русские ученые-экономисты все более органично входили в научное сообщество Европы. Как правило, образование, полученное в лучших университетах России, они дополняли прослушиванием курсов, стажировками и исследовательской работой в университетах европейских стран. По-прежнему сильное влияние на русскую экономическую мысль оказывали экономические школы Германии. Влиянию не-

мецкой историко-экономической школы на формирование И. М. Кулишера как ученого и на его исследовательскую деятельность посвящена статья С. М. Виноградова. Органичное существование в европейском сообществе русских ученых-экономистов подтверждает тот факт, что близкие идеи были высказаны независимо друг от друга Б. Бруцкусом (в статье 1921 г.) и Л. Мизесом (в статье 1922 г.).

О. Б. Шейнин привлекает внимание читателя к яркой, разносторонней личности Карла Пирсона (в 2007 г. исполнится 150 лет со дня его рождения). Карл Пирсон вошел в российскую науку через философские идеи позитивизма, развитые им в книге «Грамматика науки» (русский перевод, сделанный В. А. Базаровым и П. А. Юшкевичем, вышел в Москве в 1910 г.), а также через достижения биометрической школы, одним из основателей которой он был. Провозглашение рационализма науки, обращения к опыту как основе научных выводов могли бы оказать более сильное влияние, если бы не критика этих идей В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм», наложившая вето на восприятие философских идей К. Пирсона в советский период. Столь же трудной оказалась и судьба его идей об изменчивости и наследственности, особенностях корреляционных связей и возможностях их измерения. Если на Западе эти идеи породили особое научное направление, на базе которого сформировалась математическая статистика, то в России идеи Пирсона были восприняты лишь немногими (А. П. Леонтовичем, А. А. Чупровым, О. Н. Андерсоном, Р. М. Орженецким). Однако освоение этих идей было не механическим, а критическим, творческим. А. А. Чупров в своем письме к Пирсону указал на эмпиризм его построений, не позволяющий отделить статистически значимые результаты от незначимых. И это замечание было принято К. Пирсоном и послужило толчком к созданию теории статистических оценок и испытания гипотез.

К поколению русских ученых-экономистов, которые еще успели получить европейское образование, относится и В. В. Леонтьев. Влияние В. В. Леонтьева на развитие мировой экономической мысли известно, он стал лауреатом Нобелевской премии. В его наследии, как и у любого крупного ученого, можно найти идеи, которые применимы для решения проблем современной экономической науки. Так, Н. В. Хованов показывает возможности использования концепции В. В. Леонтьева о построении индексов составных товаров при построении системы индексов меновой стоимости простых и составных товаров и приводит пример практической разработки методики создания валюты минимального риска для решения современных финансово-экономических задач.

Одним из наиболее значительных событий НЭПа была денежная реформа 1922—1924 гг. Она оказала санирующее влияние на денежное обращение и послужила катализатором всех экономических процессов. И, как показано в статье М. В. Уруймагова, если бы административные, «военнокоммунистические» методы не возобладали, модернизация страны была бы осуществлена без колоссальных жертв и потерь.

Наиболее близкими к основному изучению мировой экономической науки в XX в. оказались экономико-математические исследования советских ученых. Становлению теории эндогенного роста посвящена статья В. Д. Матвеевко. Примечательно то, что центр исследования в данной области перемещался сначала из США в СССР, а затем снова в США. Обмен идеями в современной

мировой экономической науке иллюстрируют также статьи А. В. Воронцовского, Л. А. Руховца и Г. П. Астраханцева.

Развитие современной экономической науки и науки об обществе в целом предполагает не только свободный обмен идеями между учеными разных стран, но и междисциплинарные исследования, которые везде и всегда наталкиваются на дисциплинарные противодействия. Это направление сталкивается с дисциплинарными барьерами во всех странах. Междисциплинарному барьеру в общественных науках посвящена статья Э. Л. Файбусовича.

Состояние экономической науки в любой стране тесно связано с развитием ее экономики, с общекультурным уровнем. Россия начиная с XVIII в. двигалась по пути догоняющей модернизации. При этом основную роль в становлении научных и образовательных учреждений, да и экономики в целом, играло государство. Эти сюжеты содержатся во второй части сборника, посвященной экономической истории России.

Историческая связь российской науки с высшим образованием раскрывается в статье Д. И. Раскина в контексте идей модернизации страны, выдвинутых Петром I. Показана роль государственной власти в создании университетов и первой в России общественной организации — Вольного экономического общества. И Академия наук, и первые русские университеты возникли как государственные учреждения. Всеобщее огосударствление науки и высшего образования в советское время во многом питалось этой традицией.

Обсуждение роли университетов, модернизация университетского образования, его созвучие задачам развития России, ее включения в общеевропейское братство университетов составляли предмет заботы и внимания выдающегося российского хирурга и педагогического деятеля Н. И. Пирогова. Его идеи рассмотрены в статье И. И. Елисеевой в связи с современными интеграционными процессами, прежде всего — подписанием Россией Болонского соглашения.

В. В. Чепарухин привлекает внимание читателя к работам Д. И. Менделеева о народном просвещении. Д. И. Менделеев полагал, что основное направление русского образования должно быть жизненным и реальным. Он был горячим сторонником самостоятельности вузов, право на истинную независимость взгляда считал необходимым условием креативности в науке. Автор отмечает роль Д. И. Менделеева в создании политехнических институтов — высших учебных заведений нового типа.

В статье М. Ф. Хартанович дана панорама гуманитарных научных учреждений Санкт-Петербурга в XIX в.: государственных и общественных. Велико их значение в развитии истории, филологии, языкознания, этнографии, политической экономии, юриспруденции. Их взаимодействие позволило создать широкую сеть научных гуманитарных учреждений по всей стране. Эти государственные учреждения возникли во второй половине XIX в. и сыграли огромную роль в модернизации России. Эта тема продолжена в статье И. Е. Барыкиной, посвященной административно-научной деятельности графа Д. А. Толстого, бывшего в 1882—1889 гг. президентом Императорской Академии наук. Реформы графа Д. А. Толстого составили эпоху в истории Российского государства и в истории российского просвещения.

Роли академика В. Н. Ипатьева в развитии отечественной химической промышленности в годы Первой мировой войны посвящена статья И. В. Хай-

ми. В. Н. Ипатьев возглавлял созданную при Главном артиллерийском управлении Комиссию по заготовке взрывчатых веществ. В статье, подготовленной на большом архивном материале, показан пример включения ученых Императорской Академии наук в решение практических проблем, в создание новых отраслей в экономике России и таким образом в «подтягивание» структуры экономики к уровню более развитых стран.

Второй выпуск серии «Российская и европейская экономическая мысль: Опыт Санкт-Петербурга», так же как и первый, включает архивные материалы. Они представлены стенограммой заседания Ученого совета Университета от 1 июня 1959 г., на котором обсуждалось открытие новых специальностей — математико-экономические расчеты и математическая лингвистика.

Третий исследовательский проект, выполняемый членами Совета по социально-экономическим проблемам, был начат в 2006 г. Целью этого проекта является подготовка энциклопедического словаря «Экономическая наука в Санкт-Петербурге», который должен стать частью энциклопедического словаря «Научный Санкт-Петербург», создаваемого в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН. Словарь будет включать сведения об ученых-экономистах, работавших в нашем городе в XVIII—XX вв., научных и образовательных учреждениях экономического профиля, периодических экономических изданиях. В словник включено около 90 фамилий ученых-экономистов, чья научная деятельность связана с городом, более 20 существовавших ранее и работающих в настоящее время научно-исследовательских и образовательных заведений, более 40 периодических изданий и 7 общественных организаций.

Важное практическое значение имеет еще одно направление деятельности Совета. Совет по социально-экономическим проблемам регулярно привлекается к экспертизе проектов, выполняемых по заказу городских органов власти, в первую очередь материалов по составлению стратегических планов, программ социально-экономического развития города. В 2003—2005 гг. в Петербурге была сформирована система государственного планирования, включающая концепцию и программу социально-экономического развития города, стратегический план, перспективный финансовый план, бюджет города и другие документы. Совет активно привлекался к экспертизе подготавливаемых документов. Так, только в 2004 г. по просьбе Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли (КЭРППиТ) Администрации Санкт-Петербурга Советом была проведена экспертиза 11 отчетов о научных исследованиях, выполненных по заказу КЭРППиТ, в том числе отчетов по 7 разделам разрабатываемой Программы экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2008 г. В научно-практическом издании «Система государственного планирования Санкт-Петербурга», подготовленном авторским коллективом под руководством В. В. Бланка, бывшего в то время председателем КЭРППиТ, была выражена благодарность «членам экспертной группы под руководством чл.-кор. РАН, проф. Елисеевой И. И. за экспертизу и оценку научно-исследовательских работ, выполнявшихся в обоснование Программы социально-экономического развития Санкт-Петербурга».⁷ Успеш-

---

⁷ Система государственного планирования Санкт-Петербурга: (Научно-практическое издание) / Под руковод. В. В. Бланка. СПб., 2005. С. 10.

ный характер проводимых Советом экспертиз в значительной степени обеспечивается тем, что в качестве экспертов привлекаются ученые различных научных специальностей, представители ведущих исследовательских институтов и университетов Петербурга.

Даже краткое перечисление направлений работы Совета, затронутых в его научно-исследовательских проектах тем и привлекаемых к проектам исследователей показывает результативность междисциплинарного подхода. Это проявляется и в новизне постановки многих вопросов, и в вовлечении в научный оборот архивных материалов, и во взаимном обогащении идеями представителей смежных дисциплин.

VIII. РЕЦЕНЗИИ

СИМВОЛ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

[Кунсткамера. 290 лет. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН : История. Коллекции. Исследования. СПб.: МАЭ РАН, 2004]

Университетская набережная — место особенное. Здесь воды Невы омывают подступы к зданиям, каждое из которых символизирует российскую историю. Они гордо выстроились рядом — Университет, Академия наук, наконец Кунсткамера. Но именно она более других имеет право считаться старшим среди всех этих трех детищ Петра Великого. И дело не только в возрасте Кунсткамеры, которой в 2004 г. исполнилось 290 лет, а в том совершенно особенном месте, которое она занимала соответственно призыву Петра «стараться находить славу государству через искусство и науки». Эти слова великого царя-реформатора стали эпитафией к изданной к юбилею книге «Кунсткамера. 290 лет. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН : История. Коллекции. Исследования».

Кунсткамера давно является одним из символов Санкт-Петербурга, олицетворяя собой долгий и славный путь нашего города к великим культурным свершениям. Что же касается научных достижений Санкт-Петербурга, да и всей России, то совсем не случайно ее примечательное здание взято в качестве логотипа Российской Академии наук. И ныне сам Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого — это один из самых замечательных научных центров, а его музейные экспозиции и хранилища — неиссякаемый источник музейных и научных программ этнографов, антропологов, историков и культурологов.

290 лет — юбилей не круглый. Но Кунсткамера, скажем без преувеличения, принадлежит к тем немногим музеям, которые по праву могут считать свой день рождения каждые десять лет. Тем более что каждые 10—15 лет в музее появляется очередное новое поколение ученых и музейщиков, которым вполне уместно обратить взор в славное прошлое музея и определить свое место в его сегодняшнем дне. Мне думается, что именно такую задачу поставили перед собой авторы рецензируемой книги, которую я бы рискнул назвать прекрасной визитной карточкой нашей замечательной Кунсткамеры. Это в высшей степени информативная книга о прошлом и настоящем великого музея

России. Ее подготовил большой авторский коллектив под руководством директора музея, доктора исторических наук Ю. К. Чистова. В сущности, эта книга — коллективный успех всех ведущих сотрудников музея, в первую очередь заведующих его отделами и службами.

Книга богато иллюстрирована, причем иллюстративный материал органично встроена в текст, который содержит подробную информацию как об истории знаменитых коллекций музея, так и о его современных выставочных и исследовательских программах.

В издании отражены широкие международные связи музея, который в наши дни является одним из наиболее успешно действующих российских академических музеев в рамках международных выставочных проектов. Экспозиции и отдельные экспонаты Кунсткамеры регулярно появляются в выставочных залах многих музеев Европы, Азии и Америки. Выставочные и научно-просветительские проекты Кунсткамеры постоянно сопровождаются интересными информационными и рекламными изданиями.

Не могу особо не отметить и исключительно бережное отношение создателей книги к историческому прошлому музея, к деятельности его прежних ученых хранителей и исследователей его коллекций на протяжении почти трехвековой истории музея. С опубликованных в книге портретов известных этнографов и антропологов прошлого на современных ученых и музейных работников Кунсткамеры с очевидным уважением смотрят люди, чье дело самоотверженно продолжают те, кому судьба доверила замечательные коллекции и традиции их сохранения и изучения.

Скажу в заключение, что о Кунсткамере написано и опубликовано немало книг и статей. Нынешняя книга о Кунсткамере носит не только юбилейный характер. Она существенно расширяет наши представления о прошлом и настоящем замечательного музея — гордости российской науки и культуры.

Д-р ист. наук проф. Ю. А. Петросян

УДАВШИЙСЯ ОПЫТ БИОГРАФИИ

[Б. С. Каганович. Сергей Федорович Ольденбург.
Опыт биографии. СПб.: Изд-во «Феникс», 2006]

Автор книги о Сергее Федоровиче Ольденбурге Б. С. Каганович поставил перед собой непростую задачу — описать жизнь талантливого ученого и весьма незаурядного человека в ее развитии, которое пришлось на сложное переломное время в истории России и российской науки. Задача столь же достойная, сколь и непростая. Уже хотя бы потому, что жизнь и деятельность С. Ф. Ольденбурга — человека широко известного в научных и общественных кругах — достаточно часто привлекала внимание российских историков науки и культуры. Нарушая традиционный для рецензий прием — замечания в конце текста, — отмечу с сожалением, что в книге Б. С. Кагановича, имеющей обширный подстрочный аппарат, нет в приложении списка использованных источников и литературы. Тогда легче было бы подтвердить тот факт, что жизнь академика освещалась и ранее историками и публицистами. Правда, автор книги на первых страницах перечисляет своих предшественников.

Именно обзор использованных в этой интересной книге источников и литературы, частично представленных в авторском введении, позволяет согласиться с Б. С. Кагановичем, когда он пишет, что опубликованные статьи о деятельности С. Ф. Ольденбурга не могут претендовать на его полное обстоятельное жизнеописание. Автор формулирует свою задачу так: «Не только воссоздать по надежным источникам историю „Трудов и дней” С. Ф. Ольденбурга, но и понять его как человека, найти ключи к разгадке его личности» (с. 8). Чтение книги Б. С. Кагановича убедительно свидетельствует о том, что с поставленной задачей автор справился успешно. Думается, что ему особенно помогли записки и биографические материалы, собранные Е. Т. Ольденбург и хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Именно они сделали книгу Б. С. Кагановича убедительнейшим рассказом о человеке, имя которого навсегда вписано в историю российской науки и культуры.

Представляется достаточно аргументированным деление на главы, каждая из которых освещает тот или иной этап в жизни С. Ф. Ольденбурга, что позволило автору книги, не нарушая естественной для биографического очерка хронологической канвы, сконцентрировать внимание на наиболее значительных событиях, ставших ключевыми в жизни знаменитого академика.

Вряд ли целесообразно характеризовать главы книги, содержащие скрупулезно собранные и проиллюстрированные сведения, полученные преимущественно из архивных и документальных источников. В них найдет полезный для себя материал как историк Российской Академии наук, так и всякий, кому интересна судьба российской науки и культуры на переломном для нашей страны этапе. И конечно, длительная деятельность С. Ф. Ольденбурга на посту неперменного секретаря Академии наук как в дореволюционный период, так и в годы советской власти — центральная тема книги.

Не думаю, что рецензируемая книга исчерпает многолетнюю дискуссию в среде ученых и деятелей культуры относительно взгляда на деятельность С. Ф. Ольденбурга в Академии наук в советское время. Но собранный и изученный автором материал, в том числе и тот, который ранее не привлекался историками, позволяет сделать оценки этого сложнейшего этапа в жизни С. Ф. Ольденбурга менее пристрастными или эмоциональными, рассмотреть факты в контексте событий.

Книга читается с большим интересом, который подогревается авторским умением обрабатывать сведения из разных источников и предлагать читателю свою оценку фактов биографии С. Ф. Ольденбурга. Очень важна для понимания особенностей личности этого незаурядного человека первая глава книги, в которой представлен интересный материал, характеризующий становление будущего академика, круг семьи и университетские годы, первые шаги в общественной деятельности и в востоковедной науке.

В главе, посвященной последним годам жизни Сергея Федоровича, особенно заметно прослеживаются те черты его весьма сложного характера, которые начали складываться в молодые годы. Они наложили свой отпечаток и на деятельность С. Ф. Ольденбурга по созданию Института востоковедения Академии наук, в котором ему суждено было быть первым директором. Здесь либерализм и демократизм С. Ф. Ольденбурга вновь пришел в довольно острое противоречие с его готовностью к компромиссу с советским режимом.

В заключительном разделе книги, содержащем интереснейшие высказывания коллег и близких о С. Ф. Ольденбурге, автор книги демонстрирует отменную способность к аналитическим оценкам разносторонней деятельности С. Ф. Ольденбурга. Суммируя огромный материал, он делает, с моей точки зрения, верный вывод о том, что «С. Ф. Ольденбург оставил гораздо больший след в истории Российской академии наук и русской научной и общественно-политической жизни конца XIX—первой трети XX в., чем в востоковедной науке» (с. 229). И когда автор вспоминает академика В. М. Алексеева, который утверждал, что никто и никогда так не распоряжался своей жизнью, принося ее в жертву делу Академии, то пишущему эти строки сразу приходит на память жизненный путь другого выдающегося востоковеда, академика И. А. Орбели, чья жизнь также была отдана организации музейных и исследовательских программ в ущерб личной творческой работе. Думаю, что судьба таких людей достойна глубочайшего уважения.

Заключительные слова книги Б. С. Кагановича как бы расставляют все по своим местам, примиряют поклонников и критиков С. Ф. Ольденбурга. Автор пишет: «По нашему убеждению, Сергей Федорович Ольденбург воплощал собой определенный человеческий тип, быть может, наиболее благородный тип, порожденный русской культурой, в настоящее время практически исчезнувший. И говоря о слабостях, ошибках и иллюзиях таких людей, как он, мы не

должны забывать, что благодаря им было спасено и создано многое самое лучшее в русской науке и культуре XX века» (с. 238). Соглашаясь с этой заключительной оценкой С. Ф. Ольденбурга, могу лишь заметить, что такой тип людей не исчез из российской действительности. Быть может, сейчас не их время, но будущее все же востребует людей благородных и практически деятельных одновременно. Если не верить в это, то значит, что у российской науки и культуры не очень светлое будущее. Но когда обращенный в прошлое взгляд историка высвечивает фигуру, подобную С. Ф. Ольденбургу, крепнет надежда на то, что российская наука вновь займет достойное место в жизни своей страны.

Б. С. Каганович написал интересную книгу о жизни замечательного человека. Это несомненная творческая удача автора.

Д-р ист. наук проф. Ю. А. Петросян

СОДЕРЖАНИЕ

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ЧАСТЬ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- И. Ф. Попова.* Материалы российских экспедиций в Центральную Азию в фондах Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН. 3

II. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- С. А. Васильев.* Петербургская школа палеолитоведения 11
В. В. Носков. Становление американистики в Санкт-Петербурге 28

III. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

- В. П. Леонов.* О послании Маршалла Маклюэна 52

IV. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

- Б. В. Ананьич.* И. И. Толстой и С. Ю. Витте в Совете Министров (ноябрь 1905—апрель 1906) 58
Ю. А. Петросян. Ремесло придворного историка: Коджа Хюсейн и его труд «Удивительные события» 69

V. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

- И. В. Тункина.* Г. А. Князев и академическое архивоведение 79

VI. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

- Б. Б. Дьяков, Д. Н. Савельева.* История перехода Физико-технического института в Академию наук СССР 90

<i>Н. В. Слепкова.</i> Становление Зоологического института Академии наук как ведущего центра исследований по систематике (конец XIX века)	101
<i>Н. А. Ащеулова.</i> Институционализация социологии науки в Ленинграде—Санкт-Петербурге	118

VII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. А. Иванова.</i> О деятельности Научного совета по социально-экономическим проблемам СПбНЦ РАН	125
---	-----

VIII. РЕЦЕНЗИИ

<i>Ю. А. Петросян.</i> Символ российской науки и культуры [Кунсткамера. 290 лет. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: История. Коллекции. Исследования. СПб.: МАЭ РАН, 2004]	141
<i>Ю. А. Петросян.</i> Удавшийся опыт биографии [Б. С. Каганович. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Изд-во «Феникс», 2006]	143

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»**

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197137 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б;
(код 812) 235-40-64

**Магазины «Академкнига» с указанием отделов
«Книга — почтой»**

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, пр-т Независимости, 72; (код 10-375-17) 292-00-52,
292-46-52, 292-50-43
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51;
(код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57;
(код 812) 272-36-65, бук. 273-13-98

- 197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б;
(код 812) 235-40-64
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12
- 199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
- 634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 22-60-36
- 450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
(код 3472) 24-47-74
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

2 Зак. № 635

3 Зак. № 635

4 Зак. № 635

5 Зак. № 635

6 Зак. № 635

7 Зак. № 635

8 Зак. № 635

9 Зак. № 635

10 Зак. № 635

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК